

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Будущее НАТО в многополярном мире

Стратегическая адаптация и переосмысление евро-атлантической архитектуры безопасности

6

В. Штоль

Автор анализирует перспективы НАТО в условиях многополярного мира и кризиса легитимности, вызванного географической и функциональной экспансией альянса. В статье рассматриваются внутренние противоречия НАТО и возможные сценарии адаптации блока к новой архитектуре безопасности, требующей инклюзивного диалога и учёта интересов всех держав, в том числе Российской Федерации.

Миропорядок нового типа

Внешиполитические инициативы Китая в условиях кризиса западной гегемонии

19

М. Котлов

В статье рассматриваются взгляды КНР по формированию нового миропорядка в условиях кризиса системы международных отношений и перехода к полицентричной конфигурации мировой политики.

Китайский подход сочетает антигегемонистскую риторику, апелляцию к центральной роли ООН, акцент на суверенном равенстве государств, продвижение модели развития для стран Глобального Юга и постепенное расширение собственной безопасности за пределы национальных границ. Пекин пока не предлагает завершённой модели мирового порядка, а формулирует набор взаимосвязанных инициатив, способных превратить КНР в один из центров притяжения полицентричного мира.

Худшая сделка в истории: НАТО на изломе евроатлантизма

31

Н. Пастух

Самым ярким событием саммита НАТО в Анкаре (7–8 июля с. г.) стало выступление президента США Д. Трампа, назвавшего НАТО худшей сделкой в истории. На фоне конфликта с Ираном к вопросу о распределении расходов прибавилась и критика отказа ряда стран в помощи американо-израильской коалиции. В условиях, когда нерушимость альянса поставлена под сомнение, 2026 г. может стать переломным для коллективной безопасности Европы. Прогнозирование пути, по которому пойдёт Европа, требует учёта угроз Союзному государству Беларуси и России, оперирующих континентальными европейскими интересами, а также вопросов интеграции на постсоветском пространстве.

Изменения в военной политике США при президенте Д. Трампе

42

Д. Каверин

В статье рассматриваются основные изменения в военной политике США при администрации Д. Трампа. Автором проводится анализ формализации военной политики Д. Трампа на уровне основных документов стратегического планирования (Стратегии национальной безопасности, Национальной оборонной стратегии).

Кибертерроризм – дестабилизирующий фактор и угроза национальной безопасности

57

И. Свиридов

Статья посвящена комплексному анализу кибертерроризма как системного дестабилизирующего фактора международных отношений и угрозы национальной безопасности в условиях геополитической поляризации. Автор рассматривает эволюцию понятия кибертерроризма, его основные формы и объекты посягательства, а также трансформацию мотивации от идеологической к геополитической. Особое внимание уделяется международно-правовым аспектам противодействия кибертерроризму.

Образ мигранта в telegram-дискурсе

75

О. Савина

Автор показывает, как формируется образ мигранта через криминальный, социально-экономический, культурный и политический фреймы. Особое внимание уделено языку вражды как механизму, который усиливает эти фреймы, переносит оценку с отдельного человека на группу в целом и способствует аффективной поляризации. Делается вывод о том, что telegram-дискурс важен для понимания политических последствий обсуждения миграции в цифровой среде.

Трансформация международных связей российской экономики в санкционных условиях

84

Ю. Левин

Статья посвящена анализу векторов трансформации международных связей российской экономики в условиях эскалации санкций. Исследуются вопросы, обусловленные перестройкой внешних логистических, технологических, энергетических, финансовых и инвестиционных цепочек, формированием новой модели международного научно-технического партнёрства при растущей геоэкономической фрагментации.

Международно-правовые науки

Финансирование террористической и иной противоправной деятельности. Правовая характеристика

Часть 3. Международное сотрудничество в сфере противодействия финансированию терроризма и иной противоправной деятельности

93

В. Меркурьев, О. Боброва

В статье рассматриваются вопросы защиты основ государственности, её суверенитета при финансировании терроризма и иной противоправной деятельности в соответствии с национальным законодательством.

В части 3 проанализировано международное сотрудничество в сфере противодействия финансированию терроризма и иной противоправной деятельности.

Научная жизнь

Российское измерение классических идеологий

Часть 2. Русский утопический социализм и утопизм
с «русским лицом»

113

В. Егоров, О. Зозуля

Статья посвящена историко-культурному контексту содержания и отчасти практического воплощения классических идеологий в России. Их нетривиальная трансформация на отечественной почве породила в России уникальные и противоречивые гибриды: консервативный либерализм, просвещённый консерватизм, русский социализм и т. д. В части 2 рассматривается русский утопический социализм и утопизм с «русским лицом».

Содержание на английском языке

128

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

**[https://www.observer-journal.ru/jour/about/
submissions#authorGuidelines](https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines)**

Председатель Совета учредителей

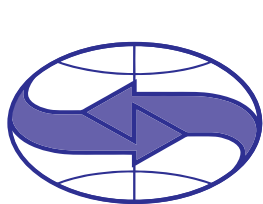
К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, доктор политических наук, профессор

АБАШИДЗЕ А. Х. – доктор юридических наук, профессор; **АТЛАГИЧ С. М.** – доктор политических наук, профессор (Сербия); **ВОРОБЬЕВ С. В.** – доктор исторических наук, профессор; **ГРОМЫКО А. А.** – доктор политических наук, член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – доктор исторических наук, профессор; **ЕГОРОВ В. Г.** – доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор; **ЗАДОХИН А. Г.** – доктор политических наук, профессор; **КАРТАШКИН В. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – доктор исторических наук, профессор; **МЕРКУРЬЕВ В. В.** – доктор юридических наук, профессор; **ОРЛОВ А. А.** – кандидат исторических наук, почётный работник МИД России; **ПАВЛОВ Е. Я.** – доктор юридических наук, профессор; **ПЛЯЙС Я. А.** – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор; **ПОДБЕРЁЗКИН А. И.** – доктор исторических наук, профессор; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – доктор политических наук, профессор; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – доктор философских наук, профессор.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

© Институт стран СНГ

Будущее НАТО в многополярном мире

Стратегическая адаптация и переосмысление
евро-атлантической архитектуры безопасности

Владимир ШТОЛЬ

Организация Североатлантического договора, созданная в 1949 г. как сугубо оборонительный союз с чётко ограниченной географической и функциональной сферой ответственности, к исходу XX в. оказалась перед парадоксальной дилеммой. Исчезновение Организации Варшавского договора (ОВД) и распад СССР, казалось бы, устранили первоначальную цель существования альянса – коллективное сдерживание потенциальной советской угрозы. Однако вместо последовательного построения новой, всеобъемлющей системы безопасности на континенте, основанной на паритете и инклюзивности (что отражалось в риторике Хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии), Запад во главе с США избрал путь одностороннего расширения сферы влияния НАТО. Данный процесс, начавшийся ещё в 1999 г., включавший шесть волн расширения на Восток, с точки зрения Российской Федерации, вступил в системное противоречие с духом договорённостей конца 80-х – начала 90-х годов и привёл к эрозии доверия и накоплению дефицита безопасности для России¹.

События 2014 г. на Украине, а затем и полномасштабный кризис 2022 г. стали точками катастрофической бифуркации, ознаменовав крах иллюзий о возможности построения безопасности в Европе исключительно на условиях и под эгидой одного военно-политического блока. Эти события поста-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МГИМО МИД России. E-mail: v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: НАТО, многополярность, стратегическая стабильность, кризис легитимности, Арктика, Гренландия, коллективная безопасность.

¹ Отношения НАТО с Россией: хронология ключевых событий // Библиотека НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-russia>

вили перед НАТО экзистенциальные вопросы о её будущей роли в стремительно формирующемся многополярном мире, где её действия встречаются не асимметричный, а полномасштабный стратегический ответ, основанный на иной системе ценностей и понимания справедливого мироустройства.

Историко-правовые основания кризиса легитимности НАТО

Кризис легитимности НАТО носит не конъюнктурный, а системный характер и уходит корнями в период трансформации миропорядка после окончания холодной войны. Российская оценка этого процесса строится на нескольких ключевых тезисах, имеющих как историческое, так и нормативное измерение².

Центральным пунктом российской критики является системное нарушение принципа, закреплённого в основополагающих документах СБСЕ, в частности в Парижской хартии для новой Европы (1990 г.)³, где главы государств и правительств провозгласили, что «безопасность каждого государства неразрывно связана с безопасностью всех других».

Российская сторона указывает на наличие ряда устных договорённостей и заявлений западных лидеров (Дж. Бейкер, Г. Коль, Г.-Д. Геншер) в 1990–1991 гг., которые, по её мнению, давали понять, что расширение НАТО на Восток не планируется в обмен на согласие СССР на объединение Германии. Последующая экспансия альянса была воспринята

в Москве как акт недобросовестности и одностороннего пересмотра правил игры, подорвавший базовое доверие. Вместо построения «общего дома безопасности» происходило создание новых разделительных линий, где расширяющийся блок позиционировал себя как единственный легитимный гарант стабильности, а Россия отодвигалась на периферию.

Эрозия легитимности была усугублена кардинальной трансформацией функциональной роли НАТО. Из оборонительного альянса, действующего в строгих рамках ст. 5 Вашингтонского договора, она постепенно превратилась в инструмент силовой гуманитарной интервенции и продвижения западной либерально-демократической модели.

Операция против Союзной Республики Югославия (1999 г.), проведённая без санкции Совета Безопасности ООН, стала поворотным пунктом⁴. С российской точки зрения, это создало опасный прецедент подмены универсальных норм международного права (в частности, монополии СБ ООН на санкционирова-

² Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.) // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>

³ Парижская хартия для новой Европы (1990) // Официальный сайт ОБСЕ // URL: <https://www.osce.org/ru/node/39516>

⁴ Annual Report of the Secretary General on NATO's Operations and Missions. NATO, 2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/secretary-generals-annual-report/secretary-generals-annual-report-2025>

ние применения силы) правом сильного и интересами конкретной группы государств. Последующие операции в Афганистане, Ливии (где мандат ООН на установление бесполётной зоны был произвольно расширен до цели свержения режима) и поддержка смены политических режимов на Ближнем Востоке лишь закрепили за НАТО, в глазах российской элиты и экспертного сообщества, имидж не стабилизатора, а поджигателя конфликтов⁵.

События 2014 г. на Украине и вокруг неё, с российской позиции, являются не причиной, а прямым следствием и закономерной кульминацией описанных выше процессов. Российское руководство последовательно трактует так называемый евромайдан как неконституционный государственный переворот, поддержанный Западом, после которого к власти на Украине пришли силы, враждебные историческим и культурным связям с Россией и открыто декларирующие курс на вступление страны в НАТО⁶. В данном контексте референдум о статусе Крыма и последующее включение полуост-

рова в состав Российской Федерации представляются Москвой как:

- акт восстановления исторической справедливости. Крым в качестве исторической территории России, переданной УССР в 1954 г. без учёта мнения населения;

- реализация права на самоопределение, гарантированного Уставом ООН, в ответ на слом легитимной власти в Киеве;

- вынужденная превентивная мера по укреплению национальной безопасности, направленная на недопущение перехода стратегически важного Черноморского региона под полный контроль враждебного военного блока, что сделало бы невозможным базирование российского Черноморского флота и кардинально изменило бы баланс сил.

Таким образом, российская позиция строится на восприятии действий НАТО не как ответ на агрессию, а как конечное звено в длинной цепи провокаций и нарушений договорённостей, вынудивших Россию к асимметричному, но, с её точки зрения, легитимному ответу для защиты своих коренных интересов.

Внутренние институциональные противоречия и системные ограничения альянса

Внешний кризис легитимности усугубляется глубокими внутренними противоречиями, которые ставят под вопрос не только

способность НАТО к дальнейшей экспансии, но и её оперативную эффективность в условиях затяжного конфликта⁷.

⁵ Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–58.

⁶ Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis // The Economist. 19.05.2022 // URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2022/03/11/john-mearsheimer-on-why-the-west-is-principally-responsible-for-the-ukrainian-crisis>

⁷ Стратегическая концепция НАТО 2022 // Официальный сайт НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept>

Фундаментальным и неустранимым противоречием альянса остаётся колоссальный дисбаланс вклада между США и их европейскими союзниками. Несмотря на формальное принятие в 2014 г. цели по достижению уровня оборонных расходов в 2% от ВВП, этого показателя удалось добиться лишь к 2025 г. (за исключением Исландии, у которой нет собственной армии, и её показатели не учитываются). При этом данного показателя в 2023 г. достигли лишь 10 стран из 32. На саммите НАТО в Гааге (июнь 2025 г.) был утверждён новый целевой показатель – страны альянса в 2035 г. должны тратить на оборону 5% от ВВП, 3,5% при этом будут непосредственно идти на военные расходы, а 1,5% – на связанную с оборонными нуждами гражданскую инфраструктуру.

Уже сегодня близки к этому показателю страны Восточной Европы – Польша (4,48%), Литва (4%), Латвия (3,73%), Эстония (3,38%).

Также больше 3% от ВВП на оборону тратят Норвегия, США и Дания⁸.

Тем не менее США продолжают нести основное бремя расходов на стратегическое сдерживание (ядерный арсенал, системы ПРО, глобальная разведка и логистика). При этом риторика и политика администрации Д. Трампа обнажили условность американских гарантий, поставив вопрос о том, является ли приверженность ст. 5 Устава НАТО безусловной. Эта зависимость Европы создаёт две взаимосвязанные проблемы: с одной стороны, уязвимость от колебаний американской внутренней политики,

а с другой – хроническое отставание в развитии собственных оборонных возможностей и технологического суверенитета, что делает декларации о «стратегической автономии» ЕС пока нереалистичными.

Также альянс далёк от монолитности. В нём можно выделить несколько групп стран с принципиально различными приоритетами:

– «Восточный фланг» (Польша, страны Балтии, Румыния) видят в России экзистенциальную угрозу, требуют постоянного и масштабного передового военного присутствия НАТО и безусловной поддержки Украины до её победы;

– «Южное крыло» (Италия, Испания, Франция отчасти) сфокусированы на проблемах нестабильности в Средиземноморье, миграционных потоках и терроризме, стремятся избежать чрезмерной эскалации с Россией;

– «Проблемные партнёры» (Турция, Венгрия) проводят суверенную внешнюю политику, часто вразрез с интересами ключевых членов НАТО. Турция, обладающая второй по численности армией в блоке, покупает российские системы вооружений (С-400), блокировала ключевые решения (по вступлению Швеции и Финляндии) и ведёт самостоятельные военные операции. Венгрия, когда во главе страны был В. Орбан, систематически задерживала решения по Украине, выступая за немедленное прекращение огня и переговоры, и развивала тесные экономические связи с Москвой.

Принцип единогласия (консенсуса) превращается из инструмента

⁸ Оборонные бюджеты всех стран НАТО в 2025 г. составят 2% от ВВП // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24890399>

сплочения в механизм институционального паралича, позволяя одному члену блокировать коллективные инициативы в обмен на политические или экономические уступки.

Военная кампания на Украине обнажила серьёзные проблемы оборонно-промышленного комплекса (ОПК) стран НАТО, особенно европейских. Многолетнее сокращение оборонных бюджетов после 1991 г. привело к деградации производственных мощностей, утечке кадров и зависимости от глобальных цепочек поставок. Массированные поставки вооружений Киеву привели к критическому истощению собственных арсеналов, особенно в части боеприпасов артил-

лерии, ПВО и противотанковых систем. Восстановление этих запасов займёт годы и потребует многомиллиардных инвестиций. Это создаёт стратегическую дилемму: продолжение конфликта ведёт к дальнейшему ослаблению собственной обороноспособности европейских членов, а его прекращение – к признанию невозможности достижения декларируемых целей по поражению России.

Длительная война также порождает риски «усталости от помощи» в обществах западных стран, роста инфляции и социального недовольства, что подрывает внутреннюю поддержку политики конфронтации⁹.

Арктический вектор и парадигма стратегической интеграции без членства

В условиях блокировки формального расширения на Восток и растущих противоречий с Россией НАТО активно осваивает новую парадигму усиления влияния – глубокую стратегическую интеграцию с критически важными территориями, не являющимися и не планируемыми стать членами альянса. Наиболее показательным примером служит Арктический регион и в частности Гренландия.

Исторический интерес США к крупнейшему острову планеты хорошо документирован. Помимо знаменитого предложения президента Г. Трумэна купить Гренландию у Дании за 100 млн долл. (1946 г.) и публичных заявлений Д. Трампа существует более глубокий контекст. Создание авиабазы Туле (1941 г.) по

соглашению с датским правительством (в обход оккупированной немцами метрополии) сделало остров краеугольным камнем американской системы раннего предупреждения и стратегического сдерживания в Северной Атлантике.

В XXI в. прямое приобретение территории политически и юридически невозможно (Гренландия является автономной территорией Королевства Дания с правом на самоопределение, чем и хочет воспользоваться 47-й президент США). Ещё до его заявлений (2025 г.) по поводу присоединения Гренландии стратегия США сменилась на модель комплексной интеграции, включавшей:

– военно-стратегическое присутствие (модернизация базы в Туле как ключевого элемента американ-

⁹ *Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis.*

ской глобальной ПРО и центра слежения за космическими объектами и баллистическими ракетами);

– экономическое и инфраструктурное проникновение (активные инвестиции в развитие транспорта, связи, добычу редкоземельных металлов, что усиливает зависимость локальной экономики от западного капитала);

– научно-экспертное влияние (финансирование климатических и геологических исследований, что позволяет контролировать нарратив об изменениях в Арктике и их последствиях).

Гренландский кейс встраивается в общую стратегию НАТО по укреплению позиций в Арктике, которая после 2014 г. объявлена зоной стратегических интересов альянса.

Таяние льдов открывает новые морские пути (прежде всего Северный морской путь) и облегчает доступ к колоссальным ресурсам углеводородов и минералов. Россия, обладающая самой протяжённой арктической береговой линией, рассматривает этот

регион как зону своих жизненно важных интересов и активно развивает здесь свою военную инфраструктуру (восстановление аэродромов, создание арктических бригад, развёртывание систем ПВО). Действия НАТО, включая регулярные учения в высоких широтах (такие как *Cold Response* в Норвегии) и патрулирование дальней авиации, воспринимаются Москвой как попытка стратегического сдерживания и ограничения свободы действий России в её собственной суверенной исключительной экономической зоне.

Это создаёт порочный круг: милитаризация НАТО в Арктике провоцирует ответное наращивание мощи со стороны России, что, в свою очередь, используется альянсом для обоснования необходимости наращивания своего присутствия.

Таким образом, парадигма интеграции без членства не снижает, а переносит напряжённость в новые регионы, делая глобальную конкуренцию более комплексной и многомерной.

Сценарии будущего НАТО в условиях формирующейся многополярности

Анализ внутренних противоречий и внешних вызовов позволяет смоделировать несколько базовых сценариев развития НАТО в среднесрочной перспективе (10–15 лет). Оценка их вероятности и последствий существенно различается с российской и западной точек зрения.

Сценарий перманентной конфронтации и новой нормальности. Консервация текущего курса альянса, основанного на восприя-

тии России как экзистенциальной угрозы, которую необходимо сдерживать и ослаблять. Это предполагает бессрочную поддержку Украины, дальнейшее наращивание войск на восточном фланге, технологическую и экономическую изоляцию России, попытки вовлечения других регионов (Арктика, Балканы, Закавказье) в орбиту влияния НАТО.

С точки зрения Российской Федерации, этот сценарий оценивается как наиболее опасный и тупиковый

путь. Он ведёт к консервации конфликта, новой долгосрочной гонке вооружений, росту риска прямого военного столкновения с непредсказуемыми последствиями. Россия продемонстрировала способность адаптироваться к санкционному давлению, мобилизовать экономику под нужды конфликта и развивать военное производство. Данный сценарий обрекает Европу на статус второстепенного театра военных действий в глобальной конкуренции США и Китая, ведёт к её деиндустриализации и окончательной потере стратегической субъектности. Перспективы данного сценария сомнительны ввиду ограниченности ресурсов Запада и растущей усталости обществ.

Сценарий стратегического устаревания и фрагментации. Углубление трансатлантических разногласий под давлением внутренних проблем США (политическая поляризация, долговая нагрузка, фокус на Тихоокеанском регионе) и роста евроскептицизма. Европа, не сумевшая создать реальную «стратегическую автономию», оказывается неспособна компенсировать ослабление американского внимания. НАТО постепенно теряет оперативное значение, превращаясь в формальный политический форум. Её место занимают коалиции «по случаю» (*ad-hoc*) (например, вокруг Франции и Германии) или двусторонние оборонные соглашения.

По мнению Москвы, данный сценарий снижает непосредственную военную угрозу, но создаёт зону нестабильности и непредсказуемости на западных границах России. Ослаб-

ленная и разобщённая Европа может стать источником новых кризисов (миграционных, экономических, этнических), последствия которых будут затрагивать и Россию. Кроме того, он может стимулировать ревизионистские настроения в Центральной и Восточной Европе, что в целом дестабилизирует весь регион.

Сценарий адаптации и переговоров о новой архитектуре безопасности*. Постепенное осознание тупиковости конфронтации и взаимного истощения, ведущее к возобновлению стратегического диалога на новых принципах. Этот сценарий предполагает сложный и многоэтапный процесс:

- фазу деэскалации: прекращение поставок наступательных вооружений Украине, снижение масштабов военных учений у границ России, восстановление каналов экстренной связи между генштабами;

- фазу переговоров о промежуточном урегулировании: заключение перемирия на Украине на основе существующей линии фронта, начало прямых российско-украинских переговоров, в том числе по территориальным вопросам, снятие части взаимных санкций;

- фазу институционального реформирования: возобновление работы Совета Россия – НАТО на равноправной основе для обсуждения конкретных предложений по договорам о безопасности, аналогичным представленным Российской Федерацией в декабре 2021 г. (юридические гарантии нерасширения НАТО, отвод ударных систем, меры доверия). Это может привести к созда-

* Наиболее реалистичный и предпочтительный с российской точки зрения.

нию новой структуры безопасности в Евро-Атлантическом регионе с участием России, США, ЕС и ключевых нейтральных государств.

С российской позиции это единственный путь к долгосрочной и устойчивой стабильности. Он соответствует многократно озвученным целям российской внешней политики: построение стабильного и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, вер-

ховенстве международного права и учёте законных интересов всех крупных держав¹⁰. Россия заявляет о готовности к такому диалогу, но лишь при условии признания России как суверенного и равноправного центра мировой политики и отказа Запада от курса на гегемонию. Исход украинского конфликта станет ключевым тестом на возможность реализации этого сценария^{11, 12}.

Финансово-экономические ограничения стратегии НАТО: анализ долгосрочных рисков

Устойчивость любого военно-политического блока определяется не только его военной мощью, но и экономической основой, позволяющей поддерживать эту мощь в долгосрочной перспективе. В случае с НАТО эта основа демонстрирует признаки серьёзной эрозии, что создаёт объективные пределы для реализации амбициозных планов по перманентному наращиванию присутствия и поддержке масштабных конфликтов.

Требование доведения оборонных расходов до 2% ВВП, формально выполняемое сегодня практически всеми странами-членами, имеет обратную сторону. Реализация этого требования происходит в условиях замедления экономического роста, высокой инфляции и энергетического кризиса в Европе. Перераспре-

деление бюджетных средств в пользу оборонного сектора неизбежно происходит за счёт сокращения социальных программ, инвестиций в инфраструктуру, здравоохранение и образование. Это может привести к:

- росту социальной напряжённости: в условиях снижения реальных доходов населения увеличение военных ассигнований воспринимается как неверный приоритет, что питает популистские и антинаатовские настроения;

- вымыванию инвестиций: деньги, направляемые на закупку часто импортных (преимущественно американских) вооружений, не создают мультипликативного эффекта для национальной экономики в той же степени, что и инвестиции в гражданские высокотехнологичные секторы;

¹⁰ Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.).

¹¹ Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

¹² Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

– усилению долговой нагрузки: финансирование дополнительных оборонных расходов за счёт государственного долга в период ужесточения денежно-кредитной политики ЕЦБ ведёт к росту стоимости обслуживания долга и сужению фискального пространства для будущих кризисов.

Как показала беспрецедентная поддержка Украины, европейский ОПК оказался не готов к ведению длительной войны высокой интенсивности. Проблемы носят системный характер:

– потеря наработанных компетенций: после 1991 г. произошла деградация массового производства боеприпасов (особенно 155-мм снарядов), ремонтных мощностей и подготовки квалифицированных рабочих;

– фрагментация и отсутствие стандартизации: ОПК Европы остаётся раздробленным с разными на-

циональными стандартами, что затрудняет совместное производство и увеличивает издержки. Инициативы по совместным закупкам (например, в рамках *PESCO*) сталкиваются с бюрократическими и политическими барьерами;

– зависимость от глобальных цепочек поставок: критически важные компоненты (микросхемы, оптические элементы, специальные сплавы) закупается в третьих странах, прежде всего в Азии. Это создаёт уязвимость в условиях глобальной конкуренции и потенциальной блокады ключевых морских путей.

Таким образом, способность НАТО к длительной конфронтации оказывается ограничена не только и не столько политической волей, сколько объективными экономическими и промышленными возможностями её европейской составляющей, которые не могут быть восстановлены в короткие сроки.

Информационно-когнитивное измерение конфликта: борьба нарративов и кризис доверия

Современный конфликт разворачивается не только на поле боя, но и в информационном пространстве, где легитимность действий сторон напрямую зависит от способности формировать доминирующий нарратив. В этом измерении НАТО также сталкивается с серьёзными вызовами.

На протяжении десятилетий западные медиа и экспертные круги обладали практически монопольным правом на интерпретацию международных событий для глобальной аудитории.

Украинский кризис с 2022 г. стал переломным моментом, выявившим

пределы этой монополии. Россия, а также такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, предложили альтернативные рамки понимания конфликта: не как неспровоцированную агрессию, а как закономерный результат расширения НАТО, нарушения Минских соглашений и защиты Россией своих исторических интересов и соотечественников. Этот альтернативный нарратив нашёл отклик в значительной части Глобального Юга, который отказывается присоединяться к западным санкциям и видит в конфликте прежде всего борьбу великих держав, а не

битву демократии с автократией. Это свидетельствует о глубоком кризисе доверия к западным институтам и их моральному авторитету за пределами круга традиционных союзников.

Внутри самих стран НАТО единый пропагандистский фронт также даёт трещины. Рост цен на энергоносители и продукты питания, приток беженцев, опасения по поводу прямой эскалации порождают скептические настроения. Правые популистские партии в Германии (АдГ), Франции («Национальное объединение»), Италии (партия Мелони, хотя она и поддерживает Украину, но выступает за переговоры) используют эти настроения, ставя под сомнение стратегию бесконечной поддержки Киева. Левые движения, в свою очередь, критикуют милитаризацию и требуют дипломатического урегулирования. В США нынешняя администрация не форсирует принятие новых пакетов помощи, аргументируя это необходимостью решать внутренние проблемы. В долгосрочной перспективе поддержка

дорогостоящего и затяжного конфликта без ясных перспектив становится всё менее устойчивой с точки зрения внутренней политики ключевых стран НАТО.

Действия НАТО и её ведущих членов в прошлом серьёзно подрывают моральную основу их текущей риторики. Критика России за нарушение территориальной целостности Украины сталкивается с контраргументами о бомбардировках Югославии, вторжении в Ирак под ложными предлогами, поддержке сепаратистского Косова, интервенции в Ливии, приведшей к распаду государства. Эта практика двойных стандартов активно используется российской стороной и находит отклик у международной аудитории, лишая западный нарратив безусловной моральной убедительности. Восстановление доверия и морального авторитета потребует от стран НАТО не только риторики, но и последовательного соблюдения провозглашаемых ими же принципов, что в текущих условиях представляется крайне сложной задачей.

Альтернативные модели безопасности и роль незападных акторов

Поиск выхода из тупика конфронтации неизбежно выводит дискуссию за рамки традиционной евро-атлантической архитектуры и предполагает учёт роли новых центров силы и альтернативных моделей обеспечения безопасности.

ШОС, в которую входят Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран и страны Центральной Азии, предлагает иную философию взаимодействия, основанную на принципах «шанхайского духа»: взаимное дове-

рие, взаимная выгода, равноправие, консультации, уважение к многообразию цивилизаций и совместное развитие. Несмотря на то что ШОС не является военным альянсом, она формирует платформу для координации по вопросам безопасности, борьбы с терроризмом и сепаратизмом, а также выступает как влиятельный полюс в мировой политике, отстаивающий принцип невмешательства во внутренние дела. Успех этой модели, особенно в стабилиза-

ции Центральной Азии, демонстрирует, что безопасность может достигаться не через расширение блоков, а через инклюзивное региональное сотрудничество с учётом интересов всех основных игроков.

Китай, позиционирующий себя как ответственная великая держава, выдвигает собственные концепции, такие как «Сообщество единой судьбы человечества» и «Глобальная инициатива по безопасности» (2022 г.). Последняя предполагает уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, мирное разрешение споров через диалог, сохранение принципа неделимой безопасности и противодействие санкциям, не одобренным СБ ООН. Эти инициативы, хотя и носят во многом декларативный характер, формируют привлекательную для многих стран альтернативу блоковой логике НАТО, предлагая язык сотрудничества, а не конфронтации.

Крупнейшие неприсоединившиеся державы, такие как Индия, Бразилия, Индонезия, Саудовская Аравия, ЮАР, Египет, отказываются становиться на чью-либо сторону в конфликте. Их позиция основана на прагматичном отстаивании собственных национальных интересов и стремлении к многополярному миру. Эти страны обладают значительным экономическим и политическим весом, чтобы выступать в роли потенциальных посредников или создателей нейтральных платформ для диалога (как это пыталась сделать, например, африканская мирная миссия 2023 г.). Их растущее влияние означает, что любое устойчивое урегулирование будущего должно будет получить если не

поддержку, то хотя бы молчаливое одобрение со стороны ключевых игроков Глобального Юга. Игнорирование их позиции ведёт к дальнейшей маргинализации НАТО в глобальных процессах.

Накопленный опыт свидетельствует, что ни одна из сторон не способна одержать тотальную победу в современном многополярном мире. Это создаёт объективную основу для возвращения к диалогу, но уже в новых форматах. Речь может идти не о возрождении Совета Россия – НАТО в его прежнем виде, а о создании более широких и инклюзивных структур. Например, формата «безопасность для всех», куда могли бы войти постоянные члены СБ ООН (США, Россия, Китай, Франция, Великобритания), представители ЕС, ключевых региональных организаций (ОБСЕ, АС, АСЕАН) и нейтральных государств. Целью такого формата стала бы выработка не временных перемирий, а новых «правил дорожного движения» для великих держав в XXI в., включая кодекс поведения в киберпространстве, правила предотвращения инцидентов в воздухе и на море и, что самое сложное, принципы сосуществования различных систем союзов и моделей развития.

Таким образом, давление со стороны альтернативных моделей и новых центров силы будет выступать внешним катализатором, подталкивающим НАТО к внутренней трансформации. Способность альянса адаптироваться, отказаться от гегемонистских амбиций и найти *modus vivendi* с другими полюсами силы станет главным критерием его исторической состоятельности в новую эпоху.

Итак, можно сделать вывод о том, что НАТО переживает один из самых глубоких кризисов за всю свою историю. Этот кризис носит системный характер и обусловлен не только внешними факторами самими по себе, а фундаментальным противоречием между устаревшей моделью однополярного мира, в которой альянс выступал в роли главного гаранта безопасности по западным лекалам, и объективными процессами становления полицентричной системы международных отношений. Легитимность НАТО была подорвана её собственной экспансионистской политикой, пренебрежением принципом неделимой безопасности и трансформацией в инструмент глобального интервенционизма.

Внутренние противоречия альянса – трансатлантическая асимметрия, дивергенция национальных интересов и парализующий принцип консенсуса – делают его малоподвижным и уязвимым в условиях затяжного конфликта высокой интенсивности. Попытки компенсировать это через новые формы влияния, такие как стратегическая интеграция с ключевыми территориями по модели Гренландии, не решают проблему, а лишь переносят конкуренцию в новые сферы (Арктику, технологическую, информационную), повышая общие риски.

Из рассмотренных сценариев – перманентной конфронтации, стратегического устаревания и адаптации через переговоры – последний представляется единственным, способным обеспечить долгосрочную стабильность. Он требует от Запада отказа от иллюзий о возможности стратегического поражения России или её изоляции и признания её в качестве необходимого и равноправного участника в построении новой архитектуры безопасности в Евро-Атлантическом регионе и в мире в целом.

Таким образом, будущее НАТО лежит не в её бесконечном расширении или усилении конфронтации, а в сложной и болезненной, но необходимой трансформации. Её суть заключается в переходе от логики монопольного обеспечения безопасности для избранного круга к роли одного из элементов новой, более сложной и сбалансированной системы коллективной безопасности. Эта система должна быть основана на строгом соблюдении международного права, уважении суверенитета и учёте законных интересов безопасности всех без исключения государств, включая Россию.

Реализация этого сценария является величайшим вызовом для политической воли лидеров по обе стороны разделительной линии, но альтернатива – дальнейшая дестабилизация и рост риска масштабного конфликта – неприемлема для всех.

Библиография

Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–58.

Оборонные бюджеты всех стран НАТО в 2025 г. составят 2% от ВВП // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24890399>

Отношения НАТО с Россией: хронология ключевых событий // Библиотека НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-russia>

Парижская хартия для новой Европы (1990) // Официальный сайт ОБСЕ // URL: <https://www.osce.org/ru/node/39516>

Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.) // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>

Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

Стратегическая концепция НАТО 2022 // Официальный сайт НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept>

Annual Report of the Secretary General on NATO's Operations and Missions. NATO, 2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/secretary-generals-annual-report/secretary-generals-annual-report-2025>

Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis // The Economist. 19.05.2022 // URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2022/03/11/john-mearsheimer-on-why-the-west-is-principally-responsible-for-the-ukrainian-crisis>

Статья поступила в редакцию 13 мая 2026 г.

Статья принята к публикации 18 мая 2026 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2027 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
 тел.: +7-495-951-22-25

Миропорядок нового типа

Внешнеполитические инициативы Китая в условиях кризиса западной гегемонии

Михаил КОТЛОВ

Современная трансформация мирового порядка характеризуется не только перераспределением материальных ресурсов между ведущими акторами, но и конкуренцией представлений о принципах международного устройства. В этом контексте особое значение приобретает внешнеполитическая позиция Китайской Народной Республики – крупнейшей развивающейся страны, постоянного члена Совета Безопасности ООН, экономического центра притяжения для значительной части стран Глобального Юга, а также важнейшего союзника России и одного из основных участников стратегического соперничества с США.

Китайский подход к новому миропорядку не может быть сведён ни к классической многополярности, ни к прямому воспроизводству гегемонистской модели. С одной стороны, Пекин последовательно апеллирует к суверенному равенству, невмешательству, центральной роли ООН и отказу от «игр с нулевой суммой», а с другой – рост экономической, технологической и военной мощи Пекина объективно усиливает элементы китаецентричности и ставит вопрос о способности страны не только критиковать прежнюю модель глобального управления¹, но и воспроизводить собственные нормы, институты и практики международной ответственности.

Анализ глобальных изменений, длящихся уже более 30 лет, позволяет выявить два основных сценария устройства будущего миропорядка:

КОТЛОВ Михаил Викторович – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: kotlov1981@mail.ru

Ключевые слова: Китай, полицентричность, многополярность, Глобальный Юг, инициатива глобальной безопасности.

¹ Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 208–223.

– *первый* – пессимистичный, при котором отказ от норм и правил, установленных Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений, сопровождается усилением неопределённости и приоритетом силы над международным правом. Этот сценарий получил в экспертном сообществе название «глобальный беспорядок» (*global disorder*)²;

– *второй* – более оптимистичный, когда всё-таки происходит закрепление определённого типа мироустройства, приемлемого для значительного числа участников международных отношений, продолжают пусть и в изменённом виде действовать международные нормы и правила.

Между этими двумя сценариями находится широкая палитра вариантов и сценариев развития мирового порядка³.

Анализ базовых принципов китайского подхода к формированию нового миропорядка, определение, в какой мере он представляет проект полицентричного, а не гегемонистского устройства международных отношений, имеет не только научную, но и практическую значимость.

Многополярность vs полицентричность: основные подходы к анализу

Система международной безопасности в её традиционном понимании (институционально закреплённые союзы и организации с регламентированными правами и обязательствами стран-участниц) находится в затяжном кризисе. Его причины и возможные последствия нуждаются в обсуждении и понимании со стороны политиков, учёных, экспертов.

Проблематика полицентричного мира и трансформации международного порядка находилась в центре обсуждения XXII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2 октября 2025 г.), что подтверждает значимость данной темы не только в академической, но и в экспертно-политической среде⁴.

Именно многополярность является желаемой конфигурацией для стран, не входящих в блок НАТО, прежде всего для Китая и России. Однако принципиально важно различать многополярность и полицентричность.

Американская стратегическая линия 2020-х годов – это не столько признание равноправной многополярности, сколько попытка нивелировать издержки поддержания международного порядка между союзниками и партнёрами при сохранении американского лидерства в ключевых сферах и регионах. Для Китая это создаёт ситуацию, когда, с одной стороны, снижается универсалистский импульс прежнего либерального ин-

² *Dallmayr F., Demenchonok E. A World beyond Global Disorder: The Courage to Hope. Newcastle uponTyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 316 p.*

³ Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 570–591.

⁴ XXII Ежегодное заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай»: события клуба // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/xxii-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday/>

тервенционализма, а с другой – усиливается конкуренция в технологической, военной и инфраструктурной сферах, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе⁵.

Понятие полицентричности означает модель международного мироустройства, при которой не просто существуют отдельные полюсы силы (военной, экономической, культурной и т. д.), но они становятся центрами притяжения для других участников международных отношений, формируя таким образом свою сферу влияния⁶. «Полицентризм от ряда других теорий современного миропорядка отличает повышение роли субъектов международных отношений, каждый из которых призван сформировать определённый центр силы, причём в роли субъектов могут выступать не только традиционные суверенные государства, как это было раньше, но и негосударственные акторы»⁷.

Сформированные таким образом центры могут обладать новыми качественными характеристиками, а не просто копировать черты наиболее сильного государства-ядра. В условиях кризиса либерально-универсалистской модели и усиления конкуренции между различными проектами роль суверенного государства вестфальского типа не только не снижается, но по ряду параметров (безопасность, технологический суверенитет, ценностная

идентичность) возрастает. Вместе с тем очевиден вектор на международную взаимозависимость в различных сферах деятельности. Представляется, что такое понимание полицентричности отчасти снимает противоречие между возрастающей международной взаимозависимостью и усилением роли суверенного государства. Поэтому вопрос о китайском подходе к новому миропорядку не сводится к измерению военной или экономической мощи КНР. Он предполагает анализ того, превращаются ли китайские инициативы в самостоятельную архитектуру международного порядка.

И. Валлерстайн определял полицентричное мироустройство как переходную фазу, переходное состояние от гегемонии в лице США к новой системе международных отношений, в которой будут доминировать одно или несколько государств. Упадок гегемонии не означает автоматический переход к новой, равной многополярности, скорее это открывает период интенсивной борьбы за конфигурацию будущего миропорядка⁸.

В современной литературе трансформация мирового порядка интерпретируется через несколько исследовательских оптик.

Одной из них выступает реалистская традиция, акцентирующая внимание на перераспределении материальной мощи и конкуренции великих держав. В рамках данной

⁵ National Security Strategy. 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

⁶ Суценцов А.А., Маркедонов С.М. Российская стратегия формирования полицентричного порядка. М.: Издательский дом МГИМО, 2026. – 59 с.

⁷ Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентричной системе международных отношений // Обозреватель–Observer. 2018. № 11. С. 39.

⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004. – 368 с.; Парма Р.В. Мир-системная перспектива трансформации мирового порядка // Власть. 2026. Т. 34. № 1. С. 125–131.

традиции трансформация мирового порядка связывается прежде всего с изменением баланса сил и конкуренцией великих держав. В этой логике подъём Китая рассматривается как структурный вызов прежнему распределению мощи.

Другим направлением является либерально-институциональный подход, который рассматривает мировой порядок через устойчивость международных институтов, норм и режимов, акцентируя внимание на способности ведущих государств создавать устойчивые институты, ограничивающие произвольное использование силы и обеспечивающие воспроизводство порядка. В этом контексте важен подход Дж. Айкенберри: устойчивость послевоенных порядков зависит не только от материального превосходства лидирующей державы, но и от её способности институционально ограничивать собственную мощь⁹.

Мир-системный подход связывает кризис порядка с изменением положения гегемона и структурной динамикой капиталистической мир-экономики. Наконец, постзападные и незападные подходы фокусируются на возрастании роли региональных центров, цивилизационной множественности и нормативных альтернатив западному универсализму. Постзападные подходы позволяют рассматривать китайскую активность не только как силовой вызов

США, но и как попытку предложить иной язык глобальной легитимности.

А. Ачарья, анализируя завершение американского мирового порядка, обращает внимание на усиление роли незападных акторов и Глобального Юга в формировании более сложной, множественной архитектуры глобального управления¹⁰. При этом У. Каллахан предупреждает, что китайские представления о мировом порядке могут сочетать антигегемонистскую риторику с воспроизводством новой иерархии, в том числе через апелляцию к концептам цивилизационного лидерства и «тянься» (*tianxia*)¹¹.

В свою очередь Янь Сюэтун связывает подъём великой державы не только с экономическими и военными ресурсами, но и с качеством политического лидерства, моральной легитимностью и международной стратегической надёжностью. Это позволяет точнее понять, почему китайский проект нового миропорядка не ограничивается инфраструктурой и торговлей, а включает ценностно-нормативную претензию на производство альтернативной модели глобального управления¹².

Независимо от будущей международной конфигурации не ослабевает дискурс о критериях, определяющих гегемона (сверхдержаву). Если по материальным критериям (размер экономики, совокупная военная мощь, технологическое раз-

⁹ Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. – 315 p.

¹⁰ Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity, 2014. – 157 p.

¹¹ Чжухао С. От концепта «тянься» до «тяньсяизма» и теории о «системе тянься»: представление об идеальном мире в политфилософских трактатах китайских мыслителей // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 64–69; Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4. P. 749–761.

¹² Xuotong Y. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019. – 283 p.

витие и т. д.) всё более или менее понятно, то в ценностно-идеологическом поле альтернатив западным философским концепциям, имеющим потенциал к тиражированию в незападном мире, не так уж и много. Среди наиболее известных – Движение неприсоединения, концепция государственного нейтралитета, а также пересекающиеся с первыми

двумя, но получившие самостоятельное развитие принципы мирного сосуществования «панча шила».

Представляется, что именно философско-идеологическая сфера и сопутствующая ей «мягкая сила» будут дольше других (материальных) критериев проходить трансформацию от прежнего однополярного к новому мироустройству.

Контурь китайской концептуализации нового миропорядка

По количеству озвученных идеологем время правления Си Цзиньпина превзошло все предшествующие периоды.

Внешнеполитическая концептуализация Китая строится Си Цзиньпином вокруг нескольких взаимосвязанных смысловых блоков:

– *первый* связан с идеей сообщества единой судьбы человечества, которая задаёт наиболее общий нормативный вектор китайской дипломатии¹³;

– *второй* состоит из таких проектов, как Инициатива глобального развития, Инициатива глобальной безопасности, Глобальная цивилизационная инициатива и Инициатива глобального управления¹⁴;

– *третий* связан с критикой гегемонизма, блокового мышления, санкционного давления и логики «игр с нулевой суммой»¹⁵;

– *четвёртый* обращён к странам Глобального Юга и предлагает им возможность существования на основе суверенного равенства, развития, инфраструктурной взаимосвязанности и институциональной реформы глобального управления¹⁶.

Продвижение Китаем собственных внешнеполитических концептов осуществляется как на многосторонних площадках, так и в двусторонних форматах, что позволяет Пекину постепенно закреплять их в языке международных деклараций и экспертно-политических дискуссий.

¹³ A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26.09.2023 // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11332291.html?utm_source=chatgpt.com

¹⁴ Global Development Initiative. Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.09.2021; The Global Security Initiative Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.02.2023; Global Civilization Initiative. China Diplomacy in the New Era. 2023; Concept Paper on the Global Governance Initiative. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 01.09.2025 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/GDI_140002/wj/?utm_source=chatgpt.com

¹⁵ The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.02.2023 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367484.html?utm_source=chatgpt.com

¹⁶ Concept Paper on the Global Governance Initiative. 01.09.2025.

Так, идея «единой судьбы человечества» и лозунг «вместе создавать будущее» стали лейтмотивом Сяньшаньского форума 2024 г.

Редкий визит в Китай обходится без упоминания гостем хотя бы одной концепции, выдвинутой Си Цзиньпином за последние годы.

Инициативы глобальной безопасности и глобального развития фиксировались в двусторонних заявлениях Китая с пятёркой центрально-азиатских стран в обязательном порядке.

В российско-китайской совместной декларации от 20 мая 2026 г. нашли своё отражение высказанные Си Цзиньпином опасения о возможности возвращения международного сообщества к «закону джунглей», также был зафиксирован принцип глобальной безопасности и отказ от стратегии «игр с нулевой суммой»¹⁷.

На китайских площадках обсуждение будущего мироустройства ведётся по меньшей мере последние 15 лет.

Идеологическое наполнение обеспечивается решениями съездов КПК и выступлениями председателя КНР, а Министерство иностранных дел республики объявляет о «коллективном подъёме Глобального Юга и формировании многочисленных центров развития в различных регионах»¹⁸.

Формирование новых равноправных отношений без гегемонии и дискриминации стало важным идеоло-

гическим посылом, адресованным Китаем внешнему миру.

Любые дискуссии на экспертном уровне относительно возможности проведения Пекином более решительной политики по отстаиванию собственных интересов или интересов своих партнёров немедленно дают повод для обвинений в попытках силой или угрозой применения силы изменить установившейся порядок.

Так, в интервью о ситуации в Ормузском проливе профессор университета Гонконга Чж. Юннань высказал мнение, что в период турбулентности Китай имеет право пересмотреть свои подходы к невмешательству в дела третьих стран¹⁹. Такое вмешательство может быть оправдано, по мнению автора, только в случае, если существует реальная угроза китайским интересам за рубежом или действия иностранного правительства наносят ущерб стабильности и безопасности внутри Китая. Подобные высказывания вписываются в более широкий западный исследовательский дискурс о возможной трансформации китайской внешней политики от осторожного невмешательства к более активной защите своих зарубежных интересов²⁰.

Значение подобных экспертных дискуссий не в том, что они немедленно трансформируются в официальную доктрину, а в том, что расширяют допустимый коридор

¹⁷ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа от 20 мая 2026 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486>

¹⁸ Ван И. Выступление министра иностранных дел КНР 16.10.2025 // URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxhd/202510/t20251016_11734399.shtml

¹⁹ Mardell J. When Non-Interference Is No Longer Enough: A Qualified Case for Chinese “Interventionism 2.0” // Sinification. 5.04.2026. URL: <https://www.sinification.org/p/when-non-interference-is-no-longer>

²⁰ Журавлева В.Ю., Черкашин М.И. Формирование концепции «китайской угрозы» в экспертно-политическом дискурсе США // МЭиМО. 2023. Т. 67. № 11. С. 35–45.

обсуждения китайской внешнеполитической роли. Если в предшествующие десятилетия принцип невмешательства выступал одним из базовых элементов китайской внешнеполитической идентичности, то рост зарубежных активов, инфраструктурных проектов и экономической вовлечённости Китая в кризисные регионы объективно формирует запрос на более гибкое толкование данного принципа. Это не означает отказа от невмешательства, но указывает на его постепенную функциональную адаптацию.

Такая логика особенно заметна в контексте инициативы «Один пояс – один путь», поскольку расширение китайского инфраструктурного, торгового и инвестиционного присутствия за рубежом неизбежно порождает новые уязвимости. В результате безопасность зарубежных проектов, граждан, транспортных маршрутов и цифровой инфраструктуры становится не периферийным, а структурным элементом китайской внешней политики²¹.

Не меньше негатива получили высказывания профессора Китайского народного университета Цзинь Цаньжуна о так называемой *мирной болезни* («хэпинбин»), которой, по мнению учёного, страдает Китай и от которой ему необходимо как можно скорее вылечиться, чтобы стать по-настоящему глобальной державой, способной отстаивать свои интересы в любой точке земного шара, в чём бы эти интересы ни заключались²².

О «мирной болезни» ещё в 2018 г. говорил Си Цзиньпин, выступая перед военными²³. Концепт «мирной болезни» важен как индикатор внутренней критики чрезмерной осторожности китайской внешней политики. В исследовательском плане он позволяет зафиксировать напряжение между образом Китая как миролюбивой державы, выступающей против гегемонизма, и потребностью великой державы обеспечивать безопасность своих граждан, инвестиций, транспортных коридоров и технологических цепочек за пределами национальной территории.

Западные интерпретации китайского подъёма и пределы политики вовлечения

Западная дискуссия о китайском подъёме важна не сама по себе, а как контрастная рамка, позволяющая показать пределы прежней политики вовлечения²⁴. Если в 1990-е

и 2000-е годы Китай нередко рассматривался как объект постепенной интеграции в либеральный международный порядок, то в 2010–2020-е годы он всё чаще выступает

²¹ Yang Z. Securing China's Belt and Road Initiative // United States Institute of Peace. 2018. Special Report. № 436.

²² Canrong J. On the "Peace Disease" among China's Elite // Sinification. 21.10.2025 // URL: <https://www.sinification.org/p/jin-canrong-on-the-peace-disease>

²³ Исаев М.М. Strategist: у ВС Китая появились симптомы опасного заболевания // Regnum. 27.08.2019 // URL: <https://regnum.ru/article/2700168?ysclid=msjon5yvh939617083>

²⁴ Миршаймер Д. Неизбежное соперничество // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 1. С. 166–181.

как самостоятельный субъект нормативного и институционального проектирования.

В конце холодной войны многие западные эксперты предполагали, что Китай движется к демократии в западном её понимании. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (2001 г.) подавалось как результат западной, прежде всего американской, политики вовлечения (*engagement*), предполагавшей закрепление в Китае ценностей демократии и либеральной экономики. Даже после того, как Пекин, по сути, отказался от предложенной ему Вашингтоном концепции совместного управления и разделения ответственности за происходящее в мире (G2), попытки вовлечь Китай и тем самым задать траекторию его будущего развития не прекратились.

Эксперты называют положение, в котором находится сегодня Китай, «авторитарной устойчивостью» (*authoritarian resilience*)²⁵. Именно эта устойчивость, по их мнению, позволяет Китаю достигать высоких темпов экономического развития при сохранении доминирующей роли Коммунистической партии.

Следовательно, китайская внешнеполитическая активность не может быть объяснена только ростом материальной мощи. Она опирается на устойчивость внутривластной модели, способность КПК задавать

долгосрочные стратегические горизонты и производить собственный язык международной легитимности²⁶. Это обстоятельство принципиально отличает китайский подход от сценариев, в которых экономическая интеграция автоматически ведёт к политической либерализации или включению восходящей державы в уже существующий либеральный порядок.

Усиление стратегического соперничества США и Китая, а также акцент Вашингтона на перераспределении бремени безопасности между союзниками и партнёрами повышают для Пекина значимость защиты зарубежных активов, цепочек поставок и инфраструктурных проектов. Сначала на экспертном уровне, а затем и на официальном всё чаще стали высказываться предположения о скором замедлении экономической активности на Западе в целом и США в частности. Однако это не означает автоматического перехода лидерства к Китаю.

Китайское экспертное сообщество предупреждает о возможных спорадических и агрессивных попытках уходящего гегемона если не остановить процесс собственного упадка, то хотя бы замедлить его²⁷.

Для защиты своих интересов Китаю уже сейчас приходится подкреплять своё экономическое присутствие присутствием военным (Джибути, Камбоджа)²⁸ либо искать формы

²⁵ Nathan A.J. China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. № 1. P. 6–17.

²⁶ Economy E.C. The World According to China. Cambridge: Polity, 2022. – 304 p.

²⁷ Breslin S., Xiao R. China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship. Routledge, 2021. – 230 p.

²⁸ Chaziza M. China's Military Base in Djibouti: a Microcosm of China's growing competition with the US and new bipolarity // Journal of Contemporary China. 2019. №29. P. 1–17; Wooley A., Zhang S., Fedorochko R., Patterson S. Harboring Global Ambitions: China's Ports Footprint and Implications for Future Overseas Naval Bases // AidDATA. 2023. 25 July // URL: <https://www.aiddata.org/publications/harboring-global-ambitions>

взаимодействия с другими государствами, которые не являются для него прямыми конкурентами. Примеры возможной ситуативной кооперации России и Китая по отдельным проектам в странах Глобального Юга рассматриваются экспертами²⁹.

Ещё одним примером серьёзного подхода Пекина к защите своих интересов, в том числе выстраивая диалог на уровне руководителей силовых ведомств, является десятидневное турне министра государственной безопасности КНР Чэнь Исиня по странам Юго-Восточной Азии (ноябрь 2023 г.). По итогам переговоров и консультаций было заявлено о достижении договорённостей по координации совместных усилий в области предотвращения угроз и обмена чувствительной информацией между странами-партнёрами³⁰.

Тем самым китайская стратегия в отношении Глобального Юга приобретает двойное измерение: с одной стороны, Пекин сохраняет политику развития, суверенного равенства и невмешательства, привлекательный для государств, критически воспринимающих западную модель условной по-

мощи и санкционного давления, а с другой – по мере роста китайского присутствия в инфраструктурных, цифровых и силовых секторах возникает вопрос о новых формах зависимости и асимметрии между Китаем и его партнёрами.

На главном форуме по безопасности в Азии «Диалог Шангри-Ла» (май 2026 г.), как и ранее на Мюнхенской конференции по безопасности в Европе, американской стороной был выдвинут тезис о том, что союзникам США недостаточно быть только лояльными, они должны вкладывать значительные средства в собственную безопасность. Представители стран Глобального Юга отмечали, что современное мироустройство характеризуется сразу тремя вызовами:

- кризисом моделей развития;
- кризисом международного порядка;
- кризисом стратегического доверия³¹.

Представляется, что китайская внешнеполитическая активность последних лет направлена в том числе на их преодоление.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько закономерностей в подходах Китая к формированию нового миропорядка.

Китайская концептуализация развивается не как единая доктрина, а как совокупность взаимосвязанных инициатив, каждая из которых закрывает отдельное измерение глобального управления: развитие, безопасность, цивилизационный диалог и институциональную реформу, делая китайский

²⁹ Российско-китайский диалог: функциональное и региональное измерения. Доклад РСМД № 117. Москва, 2026 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2026-Report117.pdf>

³⁰ Zhuang S. Chinese state security chief Chen Yixin wraps up 10-day tour of Southeast Asia // South China Morning Post. 13.11.2023 // URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3241349/chinese-state-security-chief-wraps-10-day-tour-southeast-asia>

³¹ Nguyen M., Nitta Y. Vietnam's To Lam stresses balance at Shangri-La amid rising pressure // Nikkei Asia. 29.05.2026 // URL: <https://asia.nikkei.com/politics/international-relations/vietnam-s-to-lam-stresses-balance-at-shangri-la-amid-rising-pressure>

подход гибким и адаптивным, позволяя адресовать разные элементы внешнеполитического дискурса различным группам государств.

Китай стремится представить себя не разрушителем существующего международного порядка, а инициатором его корректировки. Именно поэтому в официальной риторике Пекина сохраняется акцент на центральной роли ООН, международном праве, суверенном равенстве и недопустимости гегемонизма.

Китайский проект позиционируется не как отказ от международных институтов, а как требование их реформирования в интересах более широкого круга государств, прежде всего стран Глобального Юга.

Также происходит постепенное расширение китайского понимания безопасности. Если ранее китайская сторона преимущественно подчёркивала невмешательство и экономическое развитие, то сегодня безопасность зарубежных активов, инфраструктурных проектов, транспортных маршрутов, цифровых систем и граждан КНР становится самостоятельным элементом внешнеполитического планирования, что не отменяет принципа невмешательства, но ведёт к его более гибкой и ситуативной интерпретации.

Подход Пекина содержит внутреннее противоречие между антигегемонистской риторикой и объективным усилением китаецентричных элементов, показывая, что чем больше Китай становится поставщиком инфраструктуры, инвестиций, норм, технологий и дипломатических инициатив, тем быстрее он превращается из полюса многополярного мира в потенциальный центр притяжения полицентричной системы. Ключевой аудиторией китайского проекта выступает именно Глобальный Юг, для которого китайская риторика суверенитета, развития, невмешательства и реформы глобального управления обладает наибольшей привлекательностью.

Однако устойчивость китайского влияния будет зависеть от того, сможет ли Пекин предложить не только экономические ресурсы и антизападный язык, но и универсальный набор принципов, приемлемый для разнородных участников международной системы.

Таким образом, Китай пока не формирует завершённый альтернативный мировой порядок в строгом смысле слова.

Правильнее говорить о постепенном конструировании китайского проекта полицентричного мироустройства, в котором КНР стремится совместить статус ответственной великой державы, лидера развивающегося мира и самостоятельного центра. Главная особенность данного проекта в его асинхронности: экономические и инфраструктурные предложения продвигаются быстрее, чем ценностно-идеологические и военно-политические. Такое положение дел определяет пределы и возможности китайского влияния в формирующейся международной системе.

Следовательно, перспективы китайского проекта нового миропорядка в определённых условиях будут зависеть от способности Пекина преодолеть асинхронность между экономико-инфраструктурным влиянием, которое уже обладает значительным масштабом, и ценностно-нормативной универсализацией, без которой Китай не сможет окончательно заявить о себе как о самостоятельном центре полицентричного мироустройства.

Библиография

- Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентричной системе международных отношений // *Обозреватель–Observer*. 2018. № 11. С. 38–52.
- Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 2. С. 208–223.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. – 368 с.
- Ван И. Выступление министра иностранных дел КНР 16.10.2025 // МИД КНР // URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wj_bzhd/202510/t20251016_11734399.shtml
- Журавлева В.Ю., Черкашин М.И. Формирование концепции «китайской угрозы» в экспертно-политическом дискурсе США // *МЭиМО*. 2023. Т. 67. № 11. С. 35–45.
- Мишаймер Д. Неизбежное соперничество // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 1. С. 166–181.
- Парма Р.В. Мир-системная перспектива трансформации мирового порядка // *Власть*. 2026. Т. 34. № 1. С. 125–131.
- Российско-китайский диалог: функциональное и региональное измерения. Доклад РСМД № 117. Москва, 2026 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2026-Report117.pdf>
- Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 570–591.
- Сущенко А.А., Маркедонов С.М. Российская стратегия формирования полицентричного порядка. М.: Издательский дом МГИМО, 2026. – 59 с.
- Чжисхао С. От концепта «тянься» до «тяньсяизма» и теории о «системе Тянься»: представление об идеальном мире в политфилософских трактатах китайских мыслителей // *Общество: политика, экономика, право*. 2024. № 1. С. 64–69.
- A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26.09.2023 // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11332291.html
- Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity, 2018. – 224 p.
- Breslin S., Xiao R. China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship. London; New York: Routledge, 2021. – 230 p.
- Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 749–761.
- Canrong J. On the “Peace Disease” among China's Elite // *Sinification*. 21.10.2025 // URL: <https://www.sinification.org/p/jin-canrong-on-the-peace-disease>
- Chaziza M. China's Military Base in Djibouti: a Microcosm of China's growing competition with the US and new bipolarity // *Journal of Contemporary China*. 2019. № 29. P. 1–17.
- Concept Paper on the Global Governance Initiative. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 01.09.2025 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202509/t20250901_11699912.html
- Dallmayr F., Demenchonok E. A World beyond Global Disorder: The Courage to Hope. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 316 p.
- Economy E.C. The World According to China. Cambridge: Polity, 2022. – 304 p.
- Global Civilization Initiative // China Diplomacy in the New Era. 20232025 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/GDI_140002/wj/?utm_source=chatgpt.com

- Concept Paper on the Global Governance Initiative. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 01.09.2025 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/GDI_140002/wj/?utm_source=chatgpt.com
- Global Development Initiative. Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.09.2021 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/GDI_140002/wj/?utm_source=chatgpt.com
- Global Development Initiative: Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.09.2021 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/GDI_140002/wj/
- Ikenberry G.J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. – 315 p.
- Nathan A.J.* China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. № 1. P. 6–17.
- National Security Strategy 2025. Washington: The White House, 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>
- Nguyen M., Nitta Y.* Vietnam's To Lam stresses balance at Shangri-La amid rising pressure // NikkeiAsia. 29.05.2026 // URL: <https://asia.nikkei.com/politics/international-relations/vietnam-s-to-lam-stresses-balance-at-shangri-la-amid-rising-pressure>
- The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.02.2023 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367484.html
- When Non-Interference Is No Longer // Sinification // URL: <https://www.sinification.org/p/when-non-interference-is-no-longer>
- Xuetong Y.* Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019. – 283 p.
- Yang Z.* Securing China's Belt and Road Initiative. Washington: United States Institute of Peace, 2018. Special Report № 436.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2026 г.

Статья принята к публикации 1 сентября 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)

Худшая сделка в истории: НАТО на изломе евроатлантизма

Николай ПАСТУХ

Принято считать, что блок НАТО является инструментом глобального доминирования США. Вопрос о европейской автономии лишь подтверждает правильность данного утверждения. Это выступает в качестве предвыборных лозунгов или аргументов в борьбе за региональное лидерство. Европа жалуется на усиление американской гегемонии, но засыпает, будучи уверенной в восходе солнца и существовании НАТО.

Избрание Д. Трампа и его действия поколебали эту уверенность. Вопрос справедливого распределения расходов вызвал панику элит Старого Света. Спокойствие было восстановлено усилиями администрации, не разделявшей убеждения главы Белого дома, а СВО привела к стремлению Европы к повышению военных расходов, устранив ряд противоречий.

В начале второго срока Д. Трамп выразил сомнения в соответствии безвозмездной военной помощи и передачи разведданных Украине национальным интересам США. Почти одновременно он высказался о распространении юрисдикции США на Канаду и Гренландию (автономная провинция Дании). Конфликта удалось избежать. Решением стала закупка Европой у США вооружений для Украины. Вопрос о судьбе Канады и Гренландии временно исчез из геополитической повестки.

Приведённые примеры способны создать впечатление подчинения Европы воле Вашингтона. От того, насколько это впечатление соответствует

ПАСТУХ Николай Иванович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (основ управления) НИИ Вооружённых Сил Республики Беларусь, полковник юстиции. *E-mail:* pastuchnickolay@gmail.com

Ключевые слова: НАТО, ЕС, Фултонская речь, холодная война, джентльменское соглашение, сотрудничество.

действительности, зависят перспективы так называемой евро-атлантической солидарности с учётом обозначенной Д. Трампом тарифно-конкурентной линии разлома.

Манифест противостояния и джентльменская сделка

Во время Второй мировой войны большинство стран континентальной Европы сотрудничали с Третьим рейхом¹.

В отличие от СССР, сумевшего создать мощную промышленную базу в тыловых районах, для Европы это было невозможно даже при желании.

После войны в Западной Европе остро встала задача восстановления экономики и инфраструктуры. Исходя из оценки её состояния в Европе и СССР, у западных элит возникли обоснованные опасения о возможности утраты власти.

5 марта 1946 г. стало точкой отсчёта, а Фултонская речь У. Черчилля – манифестом нового противостояния. Она была произнесена перед студентами Вестминстерского колледжа, которые не знали истинных причин и характера назревавшей конфронтации. Этому поколению выпала роль свидетеля превращения идеологических разногласий в конфликт, получивший название холодной войны. Слова Черчилля были не единственным, но одним из первых призывов к отказу США от концепции изоляционизма*.

В 1947 г. Л.С. Сен-Лоран, министр иностранных дел Канады,

выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН, заявил, что Совет Безопасности может оказаться бессилен в обеспечении безопасности «миролюбивых» государств. По его словам, таким странам следует позаботиться о безопасности, создав союз, основанный на взаимных интересах и обязательствах.

Выступая 22 января 1948 г. перед палатой общин британского парламента, министр иностранных дел Э. Бевин предложил создать объединение с участием Бельгии, Люксембурга и Нидерландов – союз, который при вступлении «обновлённой Италии» должен стать основой ассоциации народов Европы. Этой идеей Э. Бевин поделился с госсекретарём США генералом Д.К. Маршаллом, добавив, что союз государств Европы может быть поддержан народами Америки и доминионов. Его слова были встречены замечанием о рациональности союза, призванного противостоять любому проявлению агрессии, вне зависимости от источника. Это подтвердилось, когда Бельгия, Люксембург и Нидерланды заявили, что объединение против Германии утратило актуальность.

Д.К. Маршалл высказался о вступлении в союз США в случае

¹ *Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетей, 2019. С. 208–262.

* Изоляционизм – весьма удобная позиция для США и всегда использовалась с выгодой для Вашингтона (*Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. С. 186–189).

готовности Европы, что было подтверждено заключением соглашения между Бельгией, Францией, Люксембургом, Нидерландами и Великобританией. Результатом стала выработка механизмов политического взаимодействия, ставших основой архитектуры НАТО.

Дальнейшие действия европейской (по большей мере британской) дипломатии, с привлечением Канады, были направлены на включение США в систему атлантической безопасности (резолюция Ванденберга). Эти факты дают основание утверждать, что подписание 4 апреля 1949 г. Североатлантического договора стало результатом усилий европейских государств. Его целью было привлечение ресурсов США на фоне неспособности Европы к самостоятельному обеспечению безопасности².

Несмотря на заинтересованность европейских стран, позиция Вашингтона в формировании системы евро-атлантической интеграции не была лишена прагматизма. Опыт мировых войн подтвердил невозможность развития без вовлечения в мировую политику, центром которой оставалась Европа. Геостратегическое преимущество, обусловленное удалённостью от источников дестабилизации, представляет и главную уязвимость США.

Фундаментом архитектуры международных отношений стало распределение ролей, достигнутое на основе молчаливого консенсуса. Стремление привлечь США к обеспечению европейской безопасности было секретом

Полишинеля, как и претензии последних на роль гегемона. Логично предположить, что в основе НАТО было джентльменское соглашение о реальных целях. По этой причине спорные итоги участия США в войне в Корее (1950–1953 гг.), поражение во Вьетнаме на протяжении десятилетнего противостояния (1964–1973 гг.) и вывод войск из Афганистана после более чем десятилетней кампании (2003–2021 гг.) не привели к возникновению центробежных тенденций и утраты устойчивости альянса.

Интересы послевоенной Европы и США, положенные в основу евроатлантического сотрудничества, нельзя назвать совпадающими. Рационально вести речь о балансе, основанном на отсутствии расхождений по ключевым вопросам³. Указанное соотношение интересов не было неизменным, что отражалось в деятельности НАТО. Период её создания совпал с послевоенным восстановлением Европы и отражал в большей степени её интересы.

Амбиции США возросли в 60-х годах, что стало одной из причин выхода Франции из военной организации альянса (1966 г.). В 70–80-х годах наметилась тенденция к восстановлению равновесия.

Европа сосредоточилась на политической и экономической интеграции. В условиях экономического роста, сопровождавшегося снижением военной угрозы, делегирование США функций донора безопасности снова приобрело актуальность. Интеграция требовала ресурсов, перераспределение которых на военные нуж-

² Ismay G.L. NATO. The first five years 1949–1954. P.: Palasis de Chaillot, 1954. – 280 p.

³ Gamson W.A. A Theory of Coalition Formation // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. Iss. 3. P. 373–382.

ды было признано иррациональным. Внимание Вашингтона было обращено на Ближневосточный регион, а усилия направлены на расширение зоны интересов и контроль над ресурсами. Влияние США на внешнеполитический курс союзников было смягчено заинтересованностью в предоставлении плацдарма и организации снабжения контингентов.

Эффект от исчезновения СССР с политической карты можно сравнить с глобальным землетрясением максимальной магнитуды, последствия которого мы ощущаем уже более 30 лет. Вызванная этим цепная реакция повлекла демонтаж систе-

мы международных отношений, отразившийся на деятельности НАТО. Архитектура альянса подверглась реконструкции в части изменения направлений деятельности и ряда механизмов, но его здание сохранило устойчивость.

Итак, можно признать уникальность НАТО как наиболее устойчивого из известных военно-политических объединений. Данный тезис имеет приверженцев среди сторонников, а главное – среди противников альянса. Вера в НАТО не допускала сомнений, пока Европа не столкнулась с самым непредсказуемым 47-м президентом США.

Трамп: игра в кубики

В конце XX – начале XXI столетия сформировался мировой порядок, который на Западе принято называть «основанным на правилах». В его основу положены концепции борьбы с абсолютизмом и стремление к юридическому ограничению полномочий высших должностных лиц. Увлечение либерализмом повлекло размывание индивидуальной ответственности и преувеличение роли юридических предписаний. Результатом стал инфантилизм, неспособность принимать решения и нести ответственность за их последствия.

На смену действиям пришли «глубокая озабоченность» и «решительное осуждение» с повсеместными отсылками к международному праву в качестве последней инстанции. Аналогичные явления прослеживаются и в праве. Из инструмента, неразрывно связанного с международной политикой, оно превратилось в конгломерат пред-

писаний, не имеющих с ней ничего общего.

Послевоенные поколения стали свидетелями деградации системы международных отношений, симптомы которой – неспособность адекватно реагировать на угрозы, а часто даже и осмысливать опыт предыдущих поколений. Неудивительно, что возвращение в Белый дом Д. Трампа было неблагоприятно воспринято большинством западных лидеров, привыкших мирно отбывать необременительную вахту на всех ступенях политической пирамиды. Его индивидуализм и нескрываемое стремление к славе и утверждение, что он «сделает Америку великой», ярко контрастируют с серостью и однообразием политического ландшафта Европы.

Пребывание Д. Трампа на посту президента США в его первый и второй сроки имеют ряд существенных различий.

Период с 2017 по 2021 г. прошёл под знаком противостояния с «глухим государством», в котором президенту США не всегда удавалось одержать победу. Вступая в должность вторично, Д. Трамп принял меры по устранению противодействия за счёт подбора и расстановки кадров. Неоспоримым преимуществом данного подхода является возможность оперативной реализации принимаемых решений, но тем не менее он не лишён недостатков.

Стремление к безоговорочной лояльности нивелирует значение профессиональных качеств. Существует опасность назначения на ключевые должности лиц, не обладающих знаниями и опытом, но демонстрирующих поддержку (реальную или мнимую). При этом глава Белого дома сохраняет возможность «тасовать карты». Но главным противоречием системы управления, создаваемой Д. Трампом, является не риск некомпетентности, а возможность установления персоналистского режима, против которого сражались предки современных американцев.

Возникает вопрос, является ли нынешняя ситуация результатом амбиций Д. Трампа или отражает более сложные процессы?

Для получения ответа будет не лишним обратиться к анализу личности 47-го президента США.

О роли личности в истории весьма красноречиво высказался Ф. Шиллер: «Как привлекательно зрелище борьбы творческой силы человека и победы ума, решимости, твёрдой воли над препятствиями, непреодолимыми для обычных человеческих качеств! Ещё более поучительно зрелище, когда отсутствие указанных качеств разрушает усилия и делает бесполезным счастливое стечение обстоятельств, воспользоваться которым не хватает умения»⁴.

Чтобы составить впечатление о личности Д. Трампа, необходимо рассмотреть его жизненный путь. Не следует упускать из внимания среду и обстоятельства, оказавшие влияние на его становление.

Особую значимость в качестве источников имеют книги Д. Трампа «Искусство заключать сделки»⁵, «Никогда не сдавайся!»⁶ и др.

В качестве методологической основы анализа заслуживает внимания сборник статей теоретика и идеолога индивидуализма А. Рэнд, опубликованный под заголовком «Возвращение примитива»⁷.

Описывая первые годы жизни будущего президента США, Г. Блэр отмечает, что в трёхлетнем возрасте он начал посещать детский сад, в котором реализовывалась новая программа дошкольного образования с акцентом на «индивидуальное развитие и практическое обучение – от садоводства и игр на свежем воздухе до сбора снежинок и особенно строительства из кубиков»⁸.

По мнению А. Рэнд, в данном возрасте происходит программирование функций, обуславлива-

⁴ Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 4. – 495 с.

⁵ Трамп Д. Искусство заключать сделки. М.: Альпина бизнес букс, 2008. – 280 с.

⁶ Трамп Д. Никогда не сдавайся! Как самые большие трудности обернулись для меня успехом. М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 205 с.

⁷ Рэнд А. Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. М.: Альпина Паблишер, 2011. – 347 с.

⁸ Blair G. The Trumps: Three generations of builders and a presidential candidate. N.Y.: Simon & Schuster, 2010. – 591 p.

ющих метод, с помощью которого разум справляется со своим содержимым. Характеризуя подход, реализованный в «прогрессивных» детских садах, она отмечает, что его итогом является подчинение группе, а единственным навыком – приспособление. «Ребёнок учится понимать, что если группа осуждает его – он неправ; если одобряет – всё в порядке. Нет смысла начинать серьёзное дело – например, строить из кубиков крепость, – её заберут или уничтожат другие. Он учится, что всё нужно получить сегодня, потому что неизвестно, что группа решит завтра. Только в группе ребёнок чувствует себя как дома, а искусство манипулирования – единственное необходимое умение»⁹.

Весьма красноречивым представляется факт, который Трамп упоминает, описывая игру с младшим братом Робертом: «Как-то раз мы играли в кубики. Мне захотелось построить высокий дом, но моих кубиков не хватало. Я решил занять кубики у Роберта. Он был не против, только просил, чтобы потом я вернул их ему. Получился прекрасный высокий дом, который так мне нравился, что рука не поднялась разрушить его. Тогда я смазал его клеем, чтобы сохранить. Так Роберт лишился своих кубиков»¹⁰.

Интерес представляет рассмотрение обучения Трампа в частной школе, где дети, по его словам, «пели гимны на утренней линейке и носили форму». Он так описывает школьные годы: «Во втором классе я подрался с учителем музыки, поскольку считал, что он не разбирается в музыке»¹¹.

Вот как характеризует подобное обучение и поведение А. Рэнд: «Их [детей] учат, что реальность может превратиться во что угодно; что истинность или ложность может быть опреде-

лена большинством. Знание не является важным, так как взгляды учителя имеют не большую ценность, чем высказывания самого невежественного ученика»¹².

Дальнейшее образование Трамп продолжил в Нью-Йоркской военной академии, куда его определил отец. Г. Блэр так описывает это учебное заведение: «Учреждение напоминало набор игрушечных солдатиков. Отряды одетых в форму курсантов маршировали взад и вперёд, а школьный оркестр исполнял один военный марш за другим»¹³.

После окончания военной академии Д. Трамп продолжил образование в Фордхэмском университете, который был выбран из-за близости к дому, где он «неплохо учился и ладил с отцами иезуитами»¹⁴. Через несколько лет Трамп поступил в школу Уортона, где понял, что «не стоит преувеличивать значение диплома и академических степеней»¹⁵. Свой выбор он обосновывает просто: «Уортон – это престижно»¹⁶.

Опыт первых лет бизнес-карьеры Трампа позволяет раскрыть ряд особенностей его портрета. Ключевые слова: «престиж», «репутация» и «традиции». Стремлением к престижу объясняется поступление в Уортон и вступление в *Le Club*. Важность репутации и специфика её восприятия проявились словах: «Я предпочитаю бороться, а не сгибаться – если хоть раз согнёшься, приобретёшь репутацию слабака»¹⁷.

Традиционность, в понимании Д. Трампа, затрагивает самые личные сферы жизни. Например, опи-

⁹ Рэнд А. Возвращение примитива.

¹⁰ Трамп Д. Искусство заключать сделки.

¹¹ Blair G. The Trumps: Three generations of builders and a presidential candidate.

¹² Рэнд А. Возвращение примитива.

¹³ Blair G. The Trumps: Three generations of builders and a presidential candidate.

¹⁴ Трамп Д. Искусство заключать сделки.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

сывая выбор спутницы, он говорит: «Когда я женился, то выбрал прекрасную женщину, имевшую столь же твёрдые моральные устои, что и мои родители»¹⁸.

Полученное образование оказало влияние на подход Трампа к профессиональной деятельности. Он преуспел в понимании решающего значения социальных отношений, научился приспособливаться и использовать людей в своих интересах. О своём членстве в *Le Club* он пишет: «Я изучал пружины и механизмы делового Нью-Йорка, знакомился с людьми, с которыми в дальнейшем предстояло заключать сделки»¹⁹. В большинстве книг Д. Трамп говорит о роли «знания людей» (читай: «знакомств»).

Представляется уместным завершить характеристику качеств личности 47-го президента США словами британского писателя Р. Олдингтона: «Замечательная энергия, редкостное чутьё, способность мгновенно разбираться в людях, цепкая память и необычайный дар подражания, злой язык и грубая откровенность – вот что составляло его силу»²⁰.

К сожалению, те же качества и жизненные навыки можно считать источником слабости. Энергия, чутьё и способность разбираться в людях не позволяют встроиться в политику, названную О. Бисмарком «искусством возможного». Но на современном этапе важнее дипломатическая рассудительность, воспринимаемая Трампом как слабость.

Чутьё подводит среди «ароматов», преобладающих на арене политического цирка со слонами, ослами, орлами, львами, единорогами, петухами и прочими дрессированными животными.

Умение разбираться в людях приносит лишь разочарование.

Память и дар подражания (в данном случае уместнее слово «приспособления») не дают преимуществ за отсутствием достойных образцов, которые часто оказываются неприменимы.

Что до злого языка и грубой откровенности – эти качества давно не являются достоинствами в мире политкорректности.

Характеризуя президента, в котором, по мнению Д. Трампа, нуждаются США, он говорит, что «президент служит переговорщиком и главным специалистом по заключению сделок»²¹. Возможно, он прав, но нельзя назвать заслуженным пренебрежение к роли «общественного организатора», которым он называет Б. Обаму.

Можно утверждать, что 47-й президент США привержен идеалам эпохи, ассоциирующейся с людьми, способными объявить войну всему миру ради благополучия своей страны. Но являясь «сыном эпохи», он убеждён в действительности экономических мер и не способен преодолеть табу на реализацию «политики большой дубины», которой с готовностью пользовались наиболее успешные его предшественники.

¹⁸ Трамп Д. Искусство заключать сделки.

¹⁹ Там же.

²⁰ Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 428 с.

²¹ Трамп Д. Былое величие Америки. М.: Эксмо, 2016. – 200 с.

Брюссель и капуста

Очередным источником противоречий, поставивших под сомнение нерушимость НАТО, стало противостояние американо-израильской коалиции с Ираном. Предпринятые коалицией шаги имели целью устранение высшего военно-политического руководства Исламской Республики Иран и принуждение к заключению «сделки». При реализации данного плана была проигнорирована способность системы управления Ирана к самоорганизации. Устранив высших должностных лиц исламской республики, США создали ситуацию, в которой реализация их замысла сомнительна. Расчёт не оправдался. Переговорщики от США могут заключать любые «сделки», вопрос состоит в готовности Ирана к принятию их условий. Промежуточным итогом стало подписание меморандума, условия которого менее выгодны для США, чем «сделка», заключённая «общественным организатором» – Б. Обамой. При этом продолжающаяся эскалация ставит под сомнение реальность достигнутых соглашений.

В операции против Ирана США столкнулись с последствиями обострения отношений с европейскими союзниками. Реакцией на унижение со стороны Трампа стало напоминание об условиях упомянутого джентльменского соглашения. Европа не упустила возможности указать, что союзнические обязательства находятся не в экономической плоскости (военные расходы), а в предоставлении вооружённых сил и территории для базирования и организации поддержки²².

Ряд европейских государств закрыли воздушное пространство для американских военных самолётов, отказали в предоставлении аэродромов и баз, ограничив тем самым логистические возможности США. Эти действия стали причиной заявлений о предательстве Европы и намерениях передислоцировать воинский контингент в страны, более приверженные выполнению союзнических обязательств.

Сложившаяся ситуация затрагивает геополитические процессы. На способности к консенсусу основана одна из базовых концепций Нового времени – общественный договор, применимый на всех уровнях социального взаимодействия. Не следует забывать, что большинство войн от Троянской до Второй мировой носили коалиционный характер.

Вызывает интерес позиция, которую в наметившемся кризисе занимает руководство альянса. Генеральный секретарь НАТО М. Рютте неоднократно посещал Вашингтон с целью снижения градуса напряжённости между США и союзниками. Несмотря на имеющееся взаимное недовольство, разрыва отношений удавалось избежать.

Описанные обстоятельства позволяют предположить, что сложившаяся ситуация способна повлечь переосмысление глобальной роли НАТО.

Повышение военных расходов, к которому союзников принудил Д. Трамп, будет использовано Европой для достижения «оборонной достаточности» и адаптации к условиям современной войны. Ряд европейских

²² Wolford S. The Politics of Military Coalitions. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 246 p.

государств заявляют о сотрудничестве с Украиной в разработке и производстве беспилотных и роботизированных систем. Объём поставок вооружения и военной техники на Украину говорит о наращивании Европой производства и стремлении к созданию военно-промышленного комплекса полного цикла. Номенклатура закупаемых у США образцов свидетельствует о намерении обеспечить обновление запасов за счёт продукции европейских предприятий.

Несколько десятилетий назад, анализируя результаты действий в Ираке, представитель США заявлял, что европейские образцы вооружения и техники уступают американским аналогам по ключевым параметрам²³. Причина – активная «обкатка» американского вооружения и техники. Сейчас европейские страны демонстрируют стремление к устранению указанного отставания. Сотрудничество организовано по алгоритму: «разработка – производство – поставка – испытание – доработка – производство – поставка», в котором Украине отведена роль проведения испытаний в боевых условиях и выработки требований. Данные факты если не подтверждают намерение Европы обрести суверенитет в обеспечении военной безопасности, то свидетельствуют о стремлении к автономии в военно-технических вопросах.

Перед Европой стоит более сложная задача – выбор лидера. Вопреки заверениям, времени, прошедшего с момента создания Союза угля и стали, оказалось недостаточно, чтобы изжить многовековую междоусобицу. Разногласия не разре-

шаются силой оружия, а претензии скрыты под маской солидарности, но национальный эгоизм всё же заставляет тянуть на себя союзное «одеяло». Однако даже проблема конкуренции не является непреодолимым препятствием.

Истинная причина неспособности вырваться из-под протектората США кроется в инфантилизме элит, выработанном годами бездельного благополучия. Никто из европейских «гигантов» не проявляет готовности принять на себя ответственность за будущее ЕС.

Даже сейчас, когда из сундуков прошлого извлечено потраченное молью международного права «право народов на войну», Европа могла бы пребывать в благостной дрёме, укрываясь под ядерным зонтиком США. Однако неожиданно рука, держащая зонтик, дрогнула, из-за океана раздался громкий окрик, а вскоре, возможно, последует и пинок.

Вопреки классическому подходу, об оптимистическом, реалистическом или пессимистическом сценариях речь не идёт. Надежды, что Европа обретёт лидера, ничтожны. Масштаб личности современных политических фигур даёт основания предположить, что возможность появления в Европе настоящего лидера едва ли не меньше возможности воскрешения Наполеона. Незначительна и вероятность устранения противоречий, вызванных конфликтом национальных интересов. Членам ЕС не удалось достичь уровня интеграции, отвечающего требованиям времени. Заявления, что реализованная модель позволяет решать общие за-

²³ Adams G., Ben-Ari G. Transforming European Militaries: Coalition Operations and Technology Gap. N.Y.: Routledge, 2006. – 192 p.

дачи без ограничения суверенитета, оказались фикцией.

Проблема выбора между союзом государств (*Staaten-Bund*) и союзным государством (*Bundes-Staat*), описанная классиком государственного права Г. Еллинеком²⁴, даже не поставлена. Тем не менее позиция «евроскептиков» относительно скорого распада ЕС представляется несостоятельной. Дестабилизация международной обстановки не стала испытанием устойчивости интеграционных структур из-за их незрелости.

Опыт деятельности евробюрократии говорит об отсутствии реальных полномочий. К исключительной союзной компетенции не отнесена ни одна из значимых сфер. Функции наднациональных структур сведены к согласованию (с применением юридических уловок) и носят технический характер. Можно утверждать, что здание Европейского союза воздвигнуто на неустойчивом основании утопии «Единой Европы». Любые аргументы в пользу прагматических причин объединения (главным образом экономических) разбиваются при попытке ответить на вопрос: «Почему Греция всё ещё в ЕС?» И, наконец, меры по повышению военных возможностей не решают главной задачи – создания резерва обученных, а главное, мотивированных военных кадров.

В ближайшие годы усилия Брюсселя будут направлены на повышение военно-технической достаточности с одновременной милитаризацией общественного сознания. Можно ожидать, что итогом продвижения идеи

«российской угрозы» и включения в повестку дня возможности применения ядерного оружия станет возврат к комплектованию вооружённых сил стран-участниц на основе призыва. Дальнейшее нагнетание военной истерии может стать поводом для начала новой холодной войны.

Проблемой остаётся выстраивание отношений с Вашингтоном.

Несмотря на ожидания, что преемник Д. Трампа будет более сговорчив, европейские лидеры осознают невозможность восстановления прежнего положения. Примечательна позиция стран, ранее входивших в Организацию Варшавского договора:

– Польша неуклонно наращивает военный потенциал и принимает меры по установлению двусторонних отношений с США (часто в обход механизмов НАТО);

– постсоветские Латвия, Литва и Эстония демонстрируют максимальную лояльность действиям Белого дома.

Политические элиты этих стран помнят о последствиях заявления М.С. Горбачёва, что СССР не лидер, а лишь один из равноправных членов ОВД²⁵. Эти страны присоединились к альянсу, который воспринимался ими как инструмент доминирования США. Их политическое руководство не знает об условиях джентльменского соглашения.

Для «старых» членов альянса остаётся результатом выгодной сделки, от которой они не готовы отказаться.

Указанные обстоятельства позволяют прогнозировать снижение во-

²⁴ Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – 600 с.

²⁵ Mastny V., Byrne M. A Cardboard Castle? An inside history of the Warsaw Pact 1955–1991. Budapest: Central European University Press, 2005. – 734 p.

енного присутствия США в Европе и ослабление готовности Вашингтона защищать своих заокеанских союзников. Европа попытается сохранить механизмы взаимодей-

ствия, не имея возможности разрешить внутренние противоречия и обеспечить уровень обороноспособности, отвечающий существующим угрозам.

Текущий год является не первым, но одним из решающих испытаний для двух масштабных интеграционных проектов – ЕС и НАТО.

Вести речь о решении всех назревших проблем, как и о распаде Евросоюза и Североатлантического альянса, было бы преждевременным.

Тем не менее мы можем стать свидетелями решений, реализация которых изменит геополитический ландшафт на ближайшие десятилетия, а именно:

- в лучшем случае результатом военно-политической эскалации станет формирование модели безопасности, основанной на принципе неделимости;
- в худшем – сумма неразрешённых противоречий достигнет критических значений и выльется в глобальный конфликт, способный перерасти в «войну всех против всех».

Библиография

- Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – 600 с.
- Олдингтон Р.* Смерть героя. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 428 с.
- Рэнд А.* Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. М.: Альпина Паблишер, 2011. – 347 с.
- Трамп Д.* Искусство заключать сделки. М.: Альпина бизнес букс, 2008. – 280 с.
- Трамп Д.* Никогда не сдавайся! Как самые большие трудности обернулись для меня успехом. М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 205 с.
- Трамп Д.* Былое величие Америки. М.: Эксмо, 2016. – 200 с.
- Шиллер Ф.* Собрание сочинений в семи томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 4. – 495 с.
- Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность / СПб.: Алетеия, 2019. – 434 с.
- Adams G., Ben-Ari G.* Transforming European Militaries: Coalition Operations and Technology. N.Y.: Routledge, 2006. – 192 p.
- Blair G.* The Trumps: Three generations of builders and a presidential candidate. N.Y.: Simon & Schuster, 2010. – 591 p.
- Gamson W.A.* A Theory of Coalition Formation // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. Iss. 3. P. 373–382.
- Ismay G.L.* NATO. The first five years 1949–1954. P.: Palasis de Chaillot, 1954. – 280 p.
- Mastny V., Byrne M.* A Cardboard Castle? An inside history of the Warsaw Pact 1955–1991. Budapest: Central European University Press, 2005. – 734 p.
- Wolford S.* The Politics of Military Coalitions. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 246 p.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2026 г.

Статья принята к публикации 11 августа 2026 г.

Изменения в военной политике США при президенте Д. Трампе

Дмитрий КАВЕРИН

Военная политика США традиционно выступает одним из ключевых факторов формирования архитектуры международной безопасности. В условиях обострения конкуренции великих держав и роста региональных кризисов её трансформация приобретает особую значимость.

Возвращение к власти президента Д. Трампа ознаменовало возможный пересмотр ключевых направлений военной политики Вашингтона, включая стратегию применения вооружённых сил, приоритеты военного бюджета и военного строительства, а также союзнические обязательства США. Изменения в военной политике США напрямую влияют на глобальную систему безопасности, баланс сил на международной арене, а также динамику международных конфликтов (в том числе тех, в которые вовлечена Россия).

Изменения в военной политике США могут иметь значимое влияние на темпы и характер формирования складывающегося нового мирового порядка на основе принципов многополярного мира, при этом следует отметить, что с приходом администрации Д. Трампа противоречия между США и их оппонентами как первопричина возможных конфликтов не исчезли, а постоянная готовность разрешить многие из них, прежде всего военно-силовым путём¹, является одним из ключевых элементов внешней политики новой администрации.

Современные эксперты выделяют несколько основных последствий прихода второй администрации Д. Трампа, отражающихся на военной политике США по отношению к другим государствам.

КАВЕРИН Дмитрий Юрьевич – аспирант Дипломатической академии МГИМО МИД России.
E-mail: kaverin.legal@gmail.com

Ключевые слова: США, президент Д. Трамп, военная политика, безопасность.

¹ Иванов О.П. Особенности современной ядерной стратегии США // Обозреватель–Observer. 2025. № 3. С. 16–28.

С одной стороны, предполагается усиление стратегической сдержанности с некоторыми элементами изоляционизма, выражающимися в стремлении ограничить масштаб внешних военных обязательств и сосредоточиться на более активном участии прежде всего в регионах, имеющих критическое значение для национальных интересов Соединённых Штатов.

Во-вторых, акцент делается на сохранении «транзакционной» логики внешнеполитического поведения, при которой прагматический обмен уступками и ресурсами сочетается с амбициями поддержания глобального доминирования, включая модернизацию стратегических вооружений и систем противоракетной обороны, а также проведение демонстративных ограниченных акций силового сдерживания в отношении более слабых оппонентов, что, в частности, отмечается в аналитике *Brookings Institution*².

В-третьих, определена необходимость регионального перепозиционирования военных ресурсов США с целью их концентрации в ключевых геополитических пространствах, прежде всего в Западном полушарии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где основное внимание будет уделяться противодействию усилению Китая и сохранению американского стратегического превосходства.

При этом особенное значение имеет проведение системного анализа документов-первоисточников, являющихся основами военной политики второй администрации Д. Трампа, их взаимосвязи с конкретными практическими шагами администрации, сопоставление военной политики периода начала второго срока Д. Трампа с военной политикой его предшественников – предыдущей администрацией президента Дж. Байдена.

Во время кампании 2024 г. Д. Трамп последовательно выдвигал тезис о необходимости пересмотра приоритетов США в сфере оборонной политики, связывая снижение эффективности американской стратегии с решениями предыдущих администраций – администрацией Дж. Байдена.

В соответствующей риторике военная проблематика рассматривалась как компонент более широкой повестки, включавшей внешнеполитическое позиционирование, состояние военно-промышленной базы, миграционную тематику и охрану

государственной границы, а также бюджетные и распределительные аспекты союзнических обязательств.

В качестве одного из ориентиров декларировался слоган «мир через силу» (*peace through strength*), предполагающий усиление военного потенциала США, а также обеспечение реальной политики сдерживания противников при одновременной установке на избегание длительных и ресурсозатратных военных кампаний за рубежом. Особый акцент при этом делался на «недопущение третьей мировой войны», угроза которой стала как никогда близкой из-за ри-

² Anderson S.R., Brockwehl A., Escobari M. [et al.]. Making sense of the US military operation in Venezuela // Brookings Institution. 05 January 2026 // URL: <https://www.brookings.edu/articles/making-sense-of-the-us-military-operation-in-venezuela/>

скованной политики администрации Дж. Байдена на Украине³.

В программных документах и публичных выступлениях Д. Трамп также акцентировал внимание на необходимости перекалывания финансового бремени по обеспечению коллективной безопасности на союзников (прежде всего европейских членов НАТО), а также наращивания возможностей противоракетной обороны как ключевого элемента национальной безопасности и технологического лидерства. Отдельная линия предвыборной кампании Д. Трампа касалась расширения роли вооружённых сил в обеспечении внутренней безопасности, охраны государственной границы и противодействии транснациональной организованной преступности, включая наркотрафик⁴. Указанные факторы, хотя и не являлись ключевыми в рамках предвыборной кампании, тем не менее внесли значимый вклад в итоговую победу Д. Трампа на президентских выборах 2024 г.

Сразу после инаугурации (20 января 2025 г.) администрация Д. Трампа определила обеспечение внутренней безопасности (*homeland security*) в качестве ключевого приоритета своей политики через пакет исполнительных указов, допускавших в числе прочего привлечение вооружённых сил к обеспечению безопасности южной границы. Так, введение режима чрезвычайной ситуации на южной границе сопровождалось прямыми ука-

заниями на возможность задействования военных ресурсов, включая резервные компоненты, инженерные подразделения и военную логистику, а также оказание вооружёнными силами содействия гражданским ведомствам при строительстве физических барьеров. Параллельно был задан контур институционального закрепления за Северным командованием ВС США (*USNORTHCOM*) соответствующих профильных задач, в том числе планирование и обеспечение устойчивого закрытия границы (*to seal the border*) и отражение форм вторжения, к числу которых относили нелегальную массовую миграцию и наркотрафик⁵.

Внутриполитический контур антимиграционной повестки администрации Д. Трампа был также усилен более жёсткими мерами по обеспечению исполнения иммиграционного законодательства, включая формирование межведомственных механизмов правоприменения, потенциально предусматривавших различного рода логистическую, разведывательную и операционную поддержку со стороны федеральных структур, к числу которых относится и Министерство обороны. Дополнительное развитие получила и прямая военная компонента пограничной политики на основании меморандума от 11 апреля 2025 г., который конкретизировал более «прямую» роль вооружённых сил в охране государственной границы (прежде

³ Republican National Committee. 2024 Republican Party Platform (RNC 2024 GOP Platform). 2024 // URL: <https://rncplatform.donaldjtrump.com/>

⁴ Щербунов В. Проект 2025: контуры «Доктрины Трампа»? // РСМД. Аналитика. 2025. 2 апреля. С. 22–37 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-2025-kontury-doktriny-trampa/>

⁵ Executive Order № 14165 of January 20, 2025: Securing the Borders of the United States. 2025 // URL: <https://www.federalregister.gov/>

всего южной), а также допускал использование ими в указанных целях определённых федеральных земель в приграничных районах.

В новой Стратегии национальной безопасности (декабрь 2025 г.) охрана границ США была обозначена в качестве первичного (*primary*) элемента национальной безопасности, а противодействие нелегальной миграции и транснациональным угрозам, в свою очередь, позиционировалось как основание для усиления присутствия и опорной (в том числе военной) инфраструктуры США в Западном полушарии⁶.

В экспертной среде подобная постановка вопроса нередко интерпретировалась как возобновление применения США региональной доктрины доминирования в Западном полушарии (включая ссылки на легендарную доктрину Монро) в контексте конкуренции с внешними акторами.

Значимым юридико-политическим механизмом расширения инструментария по использованию вооружённых сил за пределами США стала институционализация подхода, при котором отдельные транснациональные преступные структуры могли рассматриваться в логике контртеррористического регулирования: в частности, Указ президента Д. Трампа от 20 января 2025 г. установил процедуру для отнесения картелей и транснациональных организованных преступных группировок к зарубежным террористическим организациям (*foreign terrorist organizations, FTO*). В дальнейшем соответствующая

практика была применена к так называемому картелю солнц (*Cartel de los Soles*), который, по мнению представителей администрации Д. Трампа, контролировался и управлялся непосредственно официальными властями Венесуэлы во главе с её законно избранным президентом Н. Мадуро.

Несмотря на очевидное нарушение администрацией президента Д. Трампа общепризнанных норм международного права, эти решения стали важной частью внутренней легитимационной рамки для осуществления США более жёстких действий в отношении Венесуэлы, включая операцию вооружённых сил США по захвату Н. Мадуро (3 января 2026 г.).

Внутренняя трансформация военного ведомства США в первые месяцы 2025 г. сопровождалась мерами, направленными на пересмотр ценностно-нормативных установок кадровой политики и институциональной инфраструктуры управления персоналом.

Указ президента Д. Трампа от 27 января 2025 г. «О постановке на первое место военных заслуг и боевой готовности» устанавливает для армии приоритеты в виде единых стандартов боеготовности и заслуг, при этом отдельно были затронуты вопросы гендерной политики и медицинские критерии для определения пола (что в последующем привело к увольнению с военной службы активно привлекавшихся на неё в период администрации Дж. Байдена трансгендеров)⁷. Смежные ре-

⁶ National Security Strategy of the United States of America (November 2025). 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/>

⁷ Executive Order № 14183 of January 27, 2025: Prioritizing Military Readiness and Lethality. 2025 // URL: <https://www.federalregister.gov/>

шения включали восстановление на службе военнослужащих, уволенных в связи с отказом от вакцинации против COVID-19, а также демонтаж институтов и практик, связанных с реализацией политик DEI («разнообразие, равенство и инклюзивность»), активно внедрявшихся в период администрации Дж. Байдена для привлечения на службу и продвижения по службе разного рода меньшинств в Минобороны и военном образовании.

Параллельно новая администрация Д. Трампа реализовала ускоренную кадровую перестройку высшего военно-политического управления, комбинируя назначения исполняющих обязанности и продвижение политических назначенцев на позиции, не требующие длительных процедур утверждения.

Важными кадровыми вехами стало утверждение П. Хегсета на должность министра обороны (в условиях минимального перевеса благодаря решающему голосу вице-президента Дж.Д. Вэнса при равенстве голосов за и против в сенате), а также утверждение Э. Колби на должность заместителя министра по оборонной политике, что в совокупности усилило управляемость курса на стратегическую переориентацию и пересмотр приоритетов США в рамках оборонной политики.

На уровне высшего командования вооружённых сил при этом отмечались масштабные ротации и увольнения, включая отставку председателя Объединённого комитета начальников штабов, и ряд перестановок в смежных структурах, что в публичных комментариях нередко связывалось с вопросом политико-идеологической совместимости

с новой администрацией, в том числе отношением к DEI-повестке⁸.

Кроме того, администрация президента Трампа решительно отказалась от ряда климатических инициатив, интегрированных ранее в оборонное планирование при предыдущей администрации Байдена, закрепив соответствующий разворот как на уровне президентского указа, так и на уровне ведомственных директивных документов. В публичной коммуникации министра обороны П. Хегсета и в программных установках Пентагона при этом для обозначения ключевых приоритетов оборонной политики стала регулярно использоваться триада «восстановить дух воина – перестроить вооружённые силы – восстановить сдерживание» (*restoring the warrior ethos – rebuilding our military – reestablishing deterrence*).

Наконец, ещё одним важным символическим элементом новой идентичности Пентагона при администрации президента Д. Трампа стало закрепление за ведомством вторичного исторического наименования Министерство войны (*Department of War*), которое было оформлено отдельным президентским решением и сопровождалось дополнительными разъяснительными материалами администрации⁹.

Ключевым институциональным импульсом к пересмотру подходов в сфере оборонного планирования и

⁸ Stewart P., Ali I. Trump fires top US general in unprecedented Pentagon shakeup // Reuters. 22 February 2025 // URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-pushes-out-top-us-general-nominates-retired-three-star-2025-02-22/>

⁹ Stewart P., Hunnicutt T. Trump orders return to the US 'War Department' // Reuters. 06 September 2025 // URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-orders-return-us-war-department-2025-09-05/>

закупок стал Указ президента США от 9 апреля 2025 г. № 14265 о модернизации оборонных закупок и стимулировании инноваций в оборонно-промышленном комплексе¹⁰.

Нормативная логика данного документа опирается на приоритизацию параметров оперативности и адаптивности закупочных циклов, а также на тезис о сопоставимой значимости производственных мощностей оборонной промышленности и динамики боевых действий при обеспечении национальной безопасности. В более широком контексте указ следует рассматривать как реакцию на выявившиеся в последние годы из-за вовлечённости США в конфликт на Украине структурные ограничения американской оборонно-промышленной базы и закупочной бюрократии, в том числе проблемы масштабирования выпуска отдельных категорий «обычных» боеприпасов (в частности, 155-мм артиллерийских снарядов), дефицит производственных мощностей и инерционность процедур внедрения инновационных решений.

Дальнейшее развитие данной линии прослеживается в решениях, направленных на дерегуляцию и децентрализацию закупок беспилотных систем.

В меморандуме министра обороны США от 10 июля 2025 г. («Об установлении доминирования США в сфере военных беспилотных летальных аппаратов») закреплены меры по упрощению тестирования

и закупок БПЛА, перераспределению полномочий на уровень видов вооружённых сил и отдельных командований, а также по институционализации подхода, при котором малые БПЛА впервые стали рассматриваться как расходные материалы, по аналогии с боеприпасами¹¹.

В практико-ориентированном измерении эта установка коррелирует с накопленным опытом современных конфликтов (прежде всего специальной военной операции России на Украине), в рамках которых малые дроны становятся одним из базовых средств тактической разведки и поражения, что влечёт за собой требование обеспечивать их постоянную доступность на низовом организационном уровне подразделений.

Существенное внимание уделялось и повышению эффективности экспортных поставок в оборонном секторе.

Указ президента США от 9 апреля 2025 г. № 14268 предусматривает реформирование механизмов военно-технического сотрудничества, ускорение процедур и снижение регуляторных барьеров в системе экспортного контроля и поставок вооружений союзникам и партнёрам. При этом в экспертной и аналитической литературе фиксируется, что нагрузка на производственные цепочки и логистику экспортных поставок в предшествующий период усиливалась вследствие масштаби-

¹⁰ Executive Order № 14265 dated 09.04.2025. Modernizing defense acquisitions and spurring innovation in the defense industrial base // The White House. 09.04.2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/modernizing-defense-acquisitions-and-spurring-innovation-in-the-defense-industrial-base/>

¹¹ Unleashing U.S. Military Drone Dominance: Memorandum of the Secretary of Defense. U.S. Department of Defense. 10.07.2025 // URL: <https://media.defense.gov/2025/Jul/10/2003735007/-1/-1/1/L>

рования внеплановых поставок в интересах Украины, что объективно обостряло проблемы производственной ёмкости и управляемости поставок по линии внешних контрактов и, в числе прочего, могло являться одной из причин готовности администрации Д. Трампа пойти на встречу многим требованиям России для скорейшего урегулирования конфликта на Украине¹².

Отдельного внимания заслуживает изданный 7 января 2026 г. Указ президента Д. Трампа «Об обеспечении приоритетного учёта интереса военнослужащих при заключении оборонных контрактов», на основании которого были введены элементы жёсткого контрактного дисциплинирования оборонных подрядчиков, включая установление ограничений в отношении отдельных корпоративно-финансовых практик (выплата дивидендов и обратный выкуп акций) до устранения компаниями нарушений сроков и стоимости по государственным контрактам. По существу, речь идёт о попытке государства через инструменты контрактного права и закупочного регулирования повысить степень мобилизационной готовности промышленной базы и снизить риски оптимизации оборонными подрядчиками краткосрочных финансовых показателей в ущерб выполнению государственного оборонного заказа.

В части развития военно-морского флота приоритет новой админи-

страции смещается в сторону расширения судостроительной базы и повышения темпов обновления флота, что институционально закреплено Указом президента Д. Трампа № 14269, на основании которого должен быть подготовлен комплексный План развития в морской сфере (*Maritime Action Plan*) и должна быть произведена оценка требуемых инвестиций в судостроение, цепочки поставок, ремонтную и портовую инфраструктуру, а также кадровое обеспечение¹³.

Данный курс во многом обусловлен изменением военно-морского баланса в условиях «конкуренции великих держав»: так, по оценкам Министерства обороны США, ВМС, Народно-освободительная армия Китая обладает крупнейшей в мире численностью боевых единиц (более 370 платформ) и демонстрирует устойчивую траекторию роста согласно существовавшим прогнозам на 2025–2030 гг. На этом фоне американские плановые показатели строительства и списания кораблей сохраняют признаки структурного напряжения: прогнозируемая динамика численности боевого состава при текущих параметрах бюджетного планирования предполагает риск сокращения общего количества единиц флота в отдельных финансовых периодах вследствие дисбаланса ввода и вывода кораблей, что, согласно аналитическим данным специализированных отчётов

¹² Сулов Д. Трамп откровенно даёт понять, что готов пойти на значительную часть российских условий // РСМД. Комментарии. 2025. 28 октября // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tramp-otkrovenno-daet-ponyat-chto-gotov-poyti-na-znachitelnuyu-chast-rossiyskikh-usloviy/?phrase_id=252767890

¹³ Executive Order № 14269 dated 09.04.2025. Restoring America's Maritime Dominance // The White House. 09.04.2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/restoring-americas-maritime-dominance/>

для членов конгресса, продолжает негативно сказываться на общей динамике численности военно-морского флота¹⁴.

Наконец, отдельным фокусом военной политики администрации Д. Трампа является ускорение внедрения технологий искусственного интеллекта в оборонное управление и подготовку к ведению боевых действий. В опубликованной 9 января 2026 г. Стратегии по искусственному интеллекту Министерства обороны (войны) США декларируются задачи по внедрению модели «массового экспериментирования», снятию бюрократических барьеров и запуску приоритетных проектов (*pace-setting*) для ускоренного внедрения ИИ в сферы управления, разведки и непосредственно ведения боевых действий¹⁵. Практическая реализация данного курса сопровождается институционализацией взаимодействия Пентагона с крупными технологическими компаниями через механизмы пилотных проектов и партнёрств (в том числе в рамках программ, курируемых главным директором по цифровым технологиям и искусственному интеллекту Министерства обороны США (CDAO), должность которого была специально учреждена при новой администрации).

Одним из ключевых элементов повестки в области стратегической обороны стала программа создания системы противоракетной обо-

роны территории США нового поколения, которая в период предвыборной кампании и вскоре после инаугурации именовалась Д. Трампом «Железный купол» (*Iron Dome for America*), по аналогии с израильской, а несколько позднее была переименована в «Золотой купол» (*Golden Dome*). Исполнительный Указ президента Д. Трампа от 27 января 2025 г. № 14186 определил необходимость разработки «противоракетного щита нового поколения» для защиты от баллистических, гиперзвуковых и крылатых угроз с отдельным акцентом на возможности космического эшелонирования (в том числе перспективные перехватчики).

По данным агентства *Reuters*, в мае 2025 г. президентом США были публично обозначены ориентиры программы (включая оценку совокупной стоимости порядка 175 млрд долл. и целевую привязку к текущему президентскому циклу), а также был назначен руководитель программы – бывший глава командования космических сил США генерал М. Гэтлейн.

Международно-политический эффект программы проявился и на уровне реакций стратегических конкурентов: в совместном заявлении России и Китая (май 2025 г.) соответствующие инициативы в области ПРО и космических компонентов были охарактеризованы как фактор,

¹⁴ Navy Force Structure and Shipbuilding Plans: Background and Issues for Congress. CRS Report RL32665. Congressional Research Service. 21.05.2024 // URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/RL/PDF/RL32665/RL32665.292.pdf

¹⁵ Artificial Intelligence Strategy for the Department of War: Accelerating America's Military AI Dominance // U.S. Department of War. 09.01.2026 // URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/12/2003855671/-1/-1/0/artificial-intelligence-strategy-for-the-department-of-war.pdf>

потенциально подрывающий стратегическую стабильность¹⁶.

По состоянию на начало 2026 г. программу *Golden Dome* корректнее квалифицировать как политически инициированную и формально запущенную, но находящуюся на этапе формирования требований, архитектуры и механизмов контрактования. В публикациях СМИ отмечались риски, связанные с кадрово-организационными ограничениями, сложностью согласования крупных контрактов, а также вероятной недооценкой финансовой ёмкости проекта, что, по мнению многих экспертов, способно привести к пересмотру его первоначальных сроков¹⁷. Поэтому дальнейшее развитие программы будет зависеть от способности администрации обеспечить устойчивое межведомственное управление, а также получение достаточного бюджетного финансирования со стороны конгресса.

Также следует отметить, что в части военной политики администрации Д. Трампа в сфере стратегической стабильности и контроля над вооружениями прослеживаются элементы непоследовательности.

С одной стороны, президент Д. Трамп в течение первого года срока своих полномочий неоднократно призывал к разработке возможных новых многосторонних форматов по ядерной проблематике (с участием в

том числе США, России и Китая), а с другой – подавал сигналы, допускающие возврат США к проведению ядерных испытаний.

Так, 30 октября 2025 г. агентство *Reuters* сообщало о распоряжении президента США возобновить процесс, связанный с проведением испытаний ядерных вооружений, при одновременной неопределённости трактовки в отношении характера испытаний¹⁸.

При этом на фоне истечения 5 февраля 2026 г. срока действия договора СНВ-III существенное значение приобрели инициативы по поддержанию предельных уровней развёрнутых стратегических вооружений. Несмотря на то что президент России В.В. Путин 22 сентября 2025 г. публично предложил США продолжить на взаимной основе добровольно придерживаться ограничений в рамках СНВ-III в течение одного года после формального истечения срока действия договора, никакого официального ответа на это предложение со стороны Д. Трампа и его администрации до момента официального истечения срока действия договора так и не последовало, в связи с чем Россия более не считает себя связанной обязательствами по указанному договору и готова к решительным военно-техническим контрмерам в целях купирования потенциальных

¹⁶ Козюлин В. Эволюция оборонной космической доктрины США при администрации Дональда Трампа // РСМД. Аналитика. 2025. 19 июня // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evolyutsiya-oboronnoy-kosmicheskoy-doktriny-ssha-pri-administratsii-donald-trampa>

¹⁷ Stone M. Golden Dome missile shield: little progress, new funds, and questions on Greenland // Reuters. 27.01.2026 // URL: <https://www.reuters.com/world/us/golden-dome-missile-shield-little-progress-new-funds-questions-greenland-2026-01-27/>

¹⁸ Hunnicutt T., Shakil I., Singh K. Trump tells Pentagon to resume testing US nuclear weapons // Reuters. 30.10.2025 // URL: <https://www.reuters.com/world/china/trump-asks-pentagon-immediately-start-testing-us-nuclear-weapons-2025-10-30/>

дополнительных угроз национальной безопасности, хоть и заявила о том, что остаётся открытой для поиска политико-дипломатических путей комплексной стабилизации стратегической обстановки на основе равноправных и взаимовыгодных диалоговых решений¹⁹.

В новой редакции Стратегии национальной безопасности США (декабрь 2025 г.) активно критикуется прежняя модель отношений США с союзниками и партнёрами, при которой «США поддерживали весь мировой порядок как Атлас», при этом документ содержит призывы к переносу основной ответственности за региональную безопасность в большинстве регионов мира на союзников и партнёров, которые будут поощряться к внесению большего вклада в собственную оборону и коллективную безопасность.

Таким образом, если администрация Дж. Байдена ставила на первое место «союзы и партнёрства как ключевое стратегическое преимущество США», составлявшее основу концепции «интегрированного сдерживания оппонентов и защиты мира, основанного на правилах», то стратегия новой администрации Д. Трампа ставит во главу угла защиту собственной территории и распространение своего доминирующего влияния и контроля на отдельные регионы, имеющие ключевое значение для национальной безопасности США (прежде всего

Западное полушарие). При этом США не должны вступать в отношения с союзниками как «спонсор обеспечения их безопасности».

В соответствии с новой редакцией Национальной оборонной стратегии США (январь 2026 г.) тоже акцентируется внимание на том, что США необходимо ужесточить требования к союзникам, которые должны взять на себя основную ответственность за противодействие угрозам в соответствующих регионах, при этом их поддержка со стороны США будет оставаться «критически важной, но более ограниченной»²⁰.

Если в рамках подходов и документов стратегического планирования администрацией Дж. Байдена обязанность США по поддержке союзников рассматривалась как безусловная и имеющая в своей основе защиту разделяемых с ними общих ценностей и основ глобального миропорядка, то в стратегии Д. Трампа поддержка союзников во многом связана с продвижением экономических и геополитических интересов США при внесении союзниками «справедливого вклада» в обеспечение безопасности. Основными выгодоприобретателями от этого, как правило, являются американские корпорации (прежде всего военно-промышленный и технологический сектор).

Если говорить о конкретных союзниках, то наибольшей критике за недостаточные оборонные расходы сразу после инаугурации Д. Трампа стали подвергаться европейские

¹⁹ Заявление МИД России в связи с истечением срока действия российско-американского Договора о СНВ. 04.02.2026 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2076815/

²⁰ 2026 National Defense Strategy // U.S. Department of Defense. 23.01.2026 // URL: <https://media.defense.gov/2026/jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-national-defense-strategy.pdf>

члены НАТО. Ещё во время предвыборной кампании Трамп указал новую цель по оборонным расходам для членов блока в размере 5% от ВВП (вместо 2% в период его первого срока).

На Мюнхенской конференции по безопасности (14 февраля 2025 г.) вице-президент Дж.Д. Вэнс в своём выступлении указал на то, что Европа «должна стать равным партнёром и увеличивать свои оборонные расходы, чтобы меньше зависеть от США». Это означало политическую переоценку отношения США к европейским союзникам²¹.

Следует отметить, что под давлением США по итогам саммита НАТО (24–25 июня 2025 г., Гаага) было официально зафиксировано обязательство стран – членов НАТО к 2035 г. ежегодно инвестировать не менее 5% от ВВП на оборону и связанные с ней расходы, в том числе не менее 3,5% непосредственно на основные оборонные нужды (*core defense requirements*) и до 1,5% на прочие расходы, связанные с обеспечением безопасности и обороны (инфраструктура, инновации, укрепление военно-промышленной базы и т. п.)²².

Следует также отметить отличия подходов администраций Дж. Байдена и Д. Трампа в отношении «российской угрозы»: если в стратегиях

администрации Дж. Байдена Россия рассматривается как «острая угроза», противодействие которой должно было строиться на укреплении альянса НАТО и совместном сдерживании, то согласно Национальной оборонной стратегии администрации Д. Трампа (январь 2026 г.) основную роль по сдерживанию России (в том числе по обеспечению конвенциональной обороны стран Европы, развития их военно-промышленной базы и т. п.) должны взять на себя именно европейские союзники по НАТО, а поддержка США должна быть более точечной и критической.

Ещё одной важной деталью является то, что сам президент Д. Трамп и некоторые высокопоставленные члены его администрации нередко отзываются о НАТО в третьем лице.

Например, Трамп неоднократно заявлял, что «НАТО должна вносить свой справедливый вклад», «НАТО годами получала выгоды от Соединённых Штатов», «мы защищаем НАТО, тогда как участники тратят деньги на другие вещи»²³.

Аналогичной терминологии он придерживался и в публичных высказываниях о военной политике США по конфликту на Украине («теперь мы поставляем оружие НАТО, и НАТО на 100% оплачивает это оружие, после чего поставляет его Украине») ²⁴.

Таким образом, представляется, что высказывания президента

²¹ Munich Security Conference. MSC Speeches 2025 (Vol. 2) // Speech by Vice President J. D. Vance at the Munich Security Conference. 14.02.2025 // URL: https://securityconference.org/assets/user_upload/MSCSpeeches_2025_Vol2_Ansicht.pdf

²² The Hague Summit Declaration // NATO. 25.06.2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration>

²³ Hunnicutt T. Trump says he is not sure US should be spending anything on NATO // Reuters. 23.01.2025 // URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-says-not-sure-us-should-be-spending-anything-nato-2025-01-23/>

²⁴ Lee M., Madhani A., Novikov I., Burrows E. US is selling weapons to NATO allies to give to Ukraine, Trump says // AP News. 11.07.2025 // URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-war-zelenskyy-trump-drones-05ba74cd9bfecd81cc90886d091af5a>

Д. Трампа и ключевых членов его администрации о НАТО в третьем лице являлись не случайными оговорками, а целенаправленной публичной стратегией, направленной прежде всего на деконструкцию шаблона о том, что США должны автоматически нести обязательства по защите других членов альянса, а также на оказание дополнительного давления на союзников для обеспечения выполнения ими обязательств по увеличению оборонных расходов. Также это полностью согласуется с общей линией рациональной и транзакционной политики администрации Трампа, в рамках которой союзники по НАТО, наряду с прочими союзниками и партнёрами, расцениваются как самостоятельные субъекты, отношения с которыми должны не только являться составной частью американской политики безопасности, но и должны быть выгодными для США с коммерческой и экономической точки зрения.

Это резко контрастирует с публичной риторикой предыдущих администраций Дж. Байдена и Б. Обамы, которые неизменно делали акцент на том, что США являются основой (*core*) альянса НАТО, т. е. НАТО для США не просто инструмент, а воплощение коллективной идентичности в условиях американского глобального лидерства.

Многие эксперты отмечают, что подобные резкие контрасты свидетельствуют о непоследовательности внешнеполитического курса США, а также наличии в этой свя-

зи серьёзных проблем в области стратегического планирования США в целом²⁵.

Попытки администрации президента Д. Трампа заставить союзников более активно участвовать в обеспечении коллективной и региональной безопасности явно прослеживаются и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то что, исходя из Стратегии национальной безопасности 2025 г., АТР продолжает иметь важное стратегическое значение для национальных интересов США, в документе прямо указывается, что США будут требовать от своих союзников и здесь «принять первичную ответственность за свой регион».

В частности, в новой версии Национальной оборонной стратегии 2026 г. отмечается, что Республика Корея способна взять на себя «первичную ответственность» по сдерживанию КНДР при «критически важной, но более ограниченной поддержке США» (по сути, формулировка, аналогичная использованной в отношении союзников по НАТО в Европе). При этом в новых редакциях Стратегии национальной безопасности и Национальной оборонной стратегии, утверждённых Трампом, в принципе, прямо не упоминаются такие форматы партнёрства, как *AUKUS* и *QUAD*, что также контрастирует с документами стратегического планирования администрации Дж. Байдена, в которых их развитию придавалось первоочередное значение. Это не означает, что США намерены полностью отказаться от участия в указан-

²⁵ Александрия О.М., Савельев А.Г. Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. № 2. С. 48–86.

ных структурах, но свидетельствует о том, что администрация Д. Трампа не желает позиционировать США в качестве архитектора и гаранта подобных сетевых партнёрств и как-либо акцентировать внимание на наличии у США институциональных обязательств перед союзниками. Кроме того, отсутствие предметного

упоминания AUKUS и QUAD также может быть попыткой формального дистанцирования от риторики администрации Дж. Байдена, зачастую являвшейся фактором раздражения для Китая, даже несмотря на то, что практическая политика США в АТР де-факто может оставаться без существенных изменений.

Таким образом, изменения в военной политике США при новой администрации президента Д. Трампа свидетельствуют о заметном изменении взглядов, характерных не только для его предшественников (Дж. Буш-мл., Б. Обама, Дж. Байден), но и даже в определённой степени от первого срока самого Д. Трампа (2017–2021 гг.). Если Б. Обама и Дж. Байден делали акцент на многосторонних форматах сотрудничества, союзнических обязательств и институциональных механизмах сдерживания, то администрация Д. Трампа демонстрирует более прагматичный и транзакционный подход, в основе которого лежат именно национальные интересы США (принцип «Америка превыше всего» – *America First*).

При этом следует отметить, что по сравнению с первым сроком Д. Трампа значение военной силы как ключевого инструмента внешней политики администрации значительно усилилось, что подтверждается фактами её практического применения в течение первого года нового президентского срока Трампа, при значительном увеличении расходов на оборону.

Так, военный бюджет на 2026 г. впервые в истории превысил значение в триллион долларов, а согласно одному из предложений Трампа в 2027 г. планируется увеличить его примерно до 1,5 трлн, что предполагает рекордный рост в течение одного года (почти в 1,5 раза).

Следует также отметить значительную роль личных качеств президента Д. Трампа при формировании основных направлений политики США, в том числе в военной сфере. Несмотря на то что многие эксперты обвиняют Трампа в излишней эмоциональности, переменчивости, а также чрезвычайном тщеславии и зачастую неуместном эпатаже, следует признать, что шаги его новой администрации в сфере военной политики являются достаточно последовательными, логичными и направленными на достижение конкретного результата по обеспечению усиления оборонного потенциала США как основного инструмента для противодействия стратегическим противникам в условиях очевидно обостряющейся конкуренции за лидерство на фоне турбулентности мирового порядка²⁶. Однако несмотря на попытки Д. Трампа позиционировать себя глобальным миротворцем по урегулированию про-

²⁶ Тренин Д. Какие выводы Россия должна сделать из Стратегии национальной обороны США // РСМД. Комментарии. 2026. 29 января // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakie-vyvody-rossiya-dolzha-sdelat-iz-strategii-natsionalnoy-oborony-ssha/>

должающихся в мире вооружённых конфликтов (включая Украину), стоит признать, что многие его действия (Иран, Венесуэла, Куба) провоцируют рост неопределённости в системе глобальной безопасности, а также стимулируют милитаризацию и гонку вооружений в ряде областей (например, в части использования технологий ИИ в военной сфере, размещения вооружений в космосе, развития БПЛА, гиперзвуковых вооружений и противоракетной обороны).

Сложившаяся ситуация при отсутствии прогресса в сфере поддержания глобальной стратегической стабильности (продолжающаяся деградация международной договорной базы, снижение роли механизмов доверия и транспарентности, фактическое отсутствие субстантивного международного диалога по многим проблемам) только усиливает нестабильность международной системы безопасности. Последние изменения в военной политике США ещё больше обостряют стратегическое соперничество²⁷ с ключевыми оппонентами (Россией, Китаем), а также дополнительно усиливают роль военной силы в таком соперничестве. В данных условиях военная политика России должна сочетать прагматичную открытость к диалогу с США с учётом возможных будущих инициатив администрации Д. Трампа по снижению конфронтации и двусторонней напряжённости, но при этом с последовательным курсом на укрепление собственной обороноспособности, включая реализацию своих приоритетных стратегических задач, к числу которых относится прежде всего скорейшее достижение целей специальной военной операции.

Библиография

- Александрия О.М., Савельев А.Г.* Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. № 2. С. 48–86.
- Иванов О.П.* Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель–Observer. 2024. № 2. С. 27–36.
- Иванов О.П.* Особенности современной ядерной стратегии США // Обозреватель–Observer. 2025. № 3. С. 16–28.
- Козюлин В.* Эволюция оборонной космической доктрины США при администрации Дональда Трампа // РСМД. Аналитика. 2025. 19 июня // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evolyutsiya-oboronnoy-kosmicheskoy-doktriny-ssha-pri-administratsii-donald-trampa>
- Щербунов В.* Проект 2025: контуры «Доктрины Трампа»? // РСМД. Аналитика. 2025. 2 апреля. С. 22–37.
- 2026 National Defense Strategy // U.S. Department of Defense. 23.01.2026 // URL: <https://media.defense.gov/2026/jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-national-defense-strategy.pdf>

²⁷ *Иванов О.П.* Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель–Observer. 2024. № 2. С. 27–36.

- Artificial Intelligence Strategy for the Department of War: Accelerating America's Military AI Dominance // U.S. Department of War. 09.01.2026 // URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/12/2003855671/-1/-1/0/artificial-intelligence-strategy-for-the-department-of-war.pdf>
- Executive Order № 14265 dated 09.04.2025. Modernizing defense acquisitions and spurring innovation in the defense industrial base // The White House. 09.04.2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/modernizing-defense-acquisitions-and-spurring-innovation-in-the-defense-industrial-base/>
- Executive Order № 14183 of January 27, 2025: Prioritizing Military Readiness and Lethality. 2025 // URL: <https://www.federalregister.gov/>
- Executive Order № 14269 dated 09.04.2025. Restoring America's Maritime Dominance // The White House. 09.04.2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/restoring-americas-maritime-dominance/>
- Republican National Committee. 2024 Republican Party Platform (RNC 2024 GOP Platform). 2024 // URL: <https://rncplatform.donaldjtrump.com/>
- The Hague Summit Declaration // NATO. 25.06.2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration>
- Unleashing U.S. Military Drone Dominance: Memorandum of the Secretary of Defense. U.S. Department of Defense. 10.07.2025 // URL: <https://media.defense.gov/2025/Jul/10/2003735007/-1/-1/1/L>

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2026 г.

Статья принята к публикации 19 мая 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Просим обратить внимание на изменения требований к подготовке сопроводительной документации.

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Кибертерроризм – дестабилизирующий фактор и угроза национальной безопасности

Игорь СВИРИДОВ

Геополитическая поляризация мира привела к тому, что киберпространство превратилось в полноценный театр военных действий. Государственные субъекты всё чаще используют кибератаки как инструмент давления с целью уничтожения инфраструктуры и дезорганизации работы противника. В условиях новой геополитической реальности кибертерроризм¹ стал мощным дестабилизирующим фактором и серьёзной угрозой для национальной безопасности. Также кибертерроризм может использоваться и для распространения пропаганды, и для манипулирования общественным мнением, что чревато социальными и политическими потрясениями.

В настоящее время универсального определения международного терроризма нет, что создаёт серьёзные препятствия для эффективного международного сотрудничества². Отсутствие единой дефиниции терроризма в международном праве образует опасную правовую серую зону, в которой

СВИРИДОВ Игорь Владимирович – заместитель директора ФГБУ НИИ «Интеграл» (Минцифры).
E-mail: igoindigo@yandex.ru

Ключевые слова: киберпреступность, кибертерроризм, гибридная война, цифровой суверенитет, национальная безопасность.

¹ *Побегайло А.Э.* Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности // Обозреватель–Observer. 2025. № 5. С. 105–119.

² *Холов С.Х.* Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений // Вестник МГЛУ. 2025. № 1. С. 41–52.

кибертерроризм не может быть последовательно преследуем в судебном порядке³.

Следует отметить, что в отличие от международного уровня во многих государствах сформированы собственные правовые подходы к определению террористических действий, что создаёт дополнительные сложности для международного сотрудничества из-за различий в квалификации одних и тех же действий.

Так, в российском законодательстве закреплено легальное определение терроризма: ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет акт международного терроризма как совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации, совершённых в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угрозу совершения указанных действий^{4, 5}.

Конституционный Суд России в отношении терроризма опирается на нормы действующего уголовного законодательства РФ (УК РФ) и нормы международного права⁶. При этом им выработана важная концептуальная позиция, которая имеет принципиальное значение для понимания этой угрозы: терроризм должен рассматриваться не только как преступление против общественного порядка, но и как преступление против безопасности человечества.

Законодательство США также содержит развёрнутое определение международного терроризма в разделе 2331 Кодекса США (18 U.S.C. § 2331)^{7, 8, 9}.

В Китайской Народной Республике определение терроризма закреплено в Законе о борьбе с терроризмом от 27 декабря 2015 г.^{10, 11}

³ Diwaker S. Cyber-Terrorism and the Changing Definition of Terrorism: Prospects for India in International Law // International Journal of Law Management & Humanities. 2026.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Статья 361 «Акт международного терроризма» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3ezdca/

⁵ Котова М. Пароль к периметру. Почему защита высокотехнологичной экономики больше не делится на «цифру» и «физику» // Коммерсантъ. 2026. 22 апреля.

⁶ Постановления Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2055-О // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=242563#10>; 31 марта 2022 г. № 804-О // <https://normativ.kontur.ru/document/7/422237-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31-03-2022-n-804-o>

⁷ 18 U.S.C. § 2331 – Definitions (United States Code). – Title 18, Part I, Chapter 113B // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331>

⁸ Котова М. Пароль к периметру.

⁹ Montasari R. Cyberspace, Cyberterrorism and the International Security in the Fourth Industrial Revolution: Threats, Assessment and Responses. Cham: Springer NATURE Switzerland AG, 2024. – 270 p.

¹⁰ Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом от 27 декабря 2015 г. (Counter-Terrorism Law of the People's Republic of China) (принят на 18-й сессии ПК ВСНП 12-го созыва) // URL: https://www.spp.gov.cn/tt/201512/t20151228_109920.shtml

¹¹ Маслов К.Н. OSINT в условиях цифрового суверенитета: методы, ограничения, перспективы // Журнал международного права и информационной безопасности. 2024. Т. 12. № 3. С. 45–62.

В Европейском союзе правовой основой для гармонизации национальных подходов является Рамочное решение Совета ЕС 2002/475/JHA о борьбе с терроризмом (с изменениями 2008/919/JHA)^{12, 13}.

Разнообразие национальных подходов к определению международного терроризма, различающихся по признакам субъекта, целей, способов совершения и порогов наказуемости, создаёт дополнительные сложности для экстрадиции и международного правового сотрудничества, что подтверждает необходимость выработки универсальной дефиниции на уровне ООН.

В современных условиях террористические организации активно используют искусственный интеллект (ИИ) для вербовки, коммуникации и планирования атак¹⁴. Как показывает анализ данной проблематики, развитие искусственного интеллекта снижает порог входа для злоумышленников, что облегчает использование ИИ без необходимости обладания обширными навыками или технической экспертизой¹⁵.

Понятие кибертерроризма и история возникновения

Кибертерроризм – это преднамеренные, политически, идеологически или религиозно мотивированные действия в киберпространстве. Его цель – не просто нанести технический ущерб, а дестабилизировать работу государственных институтов, вызвать панику в обществе, оказать давление на власть, распространить страх или дискредитировать государственные структуры.

Одновременно с этим существует узкая трактовка кибертерроризма: совершение террористических актов в киберпространстве, комплекс противозаконных действий в информационном пространстве, представляющих собой атаки на ком-

пьютерные и телекоммуникационные технологии, направленные на создание угрозы международной и государственной безопасности с целью влияния на решение политических, экономических и иных задач. При таком подходе сущность кибертерроризма составляет деятельность по подготовке и реализации кибератак.

Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC) определяет кибертерроризм как «использование интернета для осуществления террористической деятельности, включая атаки на информационные системы, которые приводят или могут привести к гибели или ранению людей, повреждению иму-

¹² Council Framework Decision 2002/475/JHA of 13 June 2002 on combating terrorism (as amended by Council Framework Decision 2008/919/JHA) // Official Journal of the European Union, L 164, 22.6.2002. P. 3–7 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002F0475>

¹³ Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений.

¹⁴ Krisnayanto Suryadi. Exploring the Dark Horizon: Artificial Intelligence (AI) as Cyberterrorism Tools // Journal of Terrorism Studies. 2025. Vol. 7. № 1.

¹⁵ Ibid.

щества или нарушению работы основных служб»¹⁶.

Европейское агентство по сотрудничеству в сфере правоохранительной деятельности (Европол – *Europol*) трактует кибертерроризм как «использование интернета для совершения насильственных действий, которые приводят или угрожают привести к гибели людей или причинению значительного вреда здоровью, с целью достижения политических или идеологических выгод путём запугивания»¹⁷.

В то же время в расширенной трактовке речь идёт не только о совершении террористических актов с помощью компьютерных сетей, но и о гибридном формате, когда цифровые средства применяются для пропаганды идеологии терроризма, вербовки и обучения новых членов террористических организаций, поддержания коммуникации между ячейками, координации их деятельности, поиска и осуществления финансирования террористической деятельности, проведения реальных террористических атак.

Однако с точки зрения государственной политики противодействия кибертерроризму представляется не совсем верным сводить сущность и содержание кибертерроризма только к террористическим актам в киберсреде, связанным главным образом с нанесением ущерба критически важным и потенциально опасным объектам,

объектам обеспечения жизнедеятельности населения или созданием опасности причинения значительного вреда жизни, здоровью или имуществу неопределённого круга лиц, национальной безопасности государства. Целесообразно рассматривать кибертерроризм как противозаконную деятельность, направленную на распространение идеологии экстремизма и терроризма посредством интернета, вербовку лиц для совершения преступлений террористического характера в киберпространстве, финансирование терроризма, а также атаки на критически важные объекты информационной инфраструктуры.

Сам термин «кибертерроризм» был предложен в 1982 г. старшим научным сотрудником Института безопасности и разведки (*Institute for Security and Intelligence*) США Б. Коллином¹⁸. Концепция кибертерроризма начала формироваться в 90-х годах, когда мир стал активно переходить в цифровую эпоху, а интернет становился всё более доступным. С развитием технологий возможности для кибертеррористов также расширялись, делая угрозу более серьёзной и многообразной. Исторически первые проявления кибертерроризма были связаны с простыми вирусами и хакерскими атаками, но со временем они стали более сложными и тонко настроенными, способными поражать целые

¹⁶ The Use of the Internet for Terrorist Purposes. Vienna: United Nations, 2012. – 96 p. // URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf

¹⁷ Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2025. The Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2025. – 112 p. // URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2025>

¹⁸ Diwaker S. Cyber-Terrorism and the Changing Definition of Terrorism: Prospects for India in International Law.

секторы инфраструктуры и национальной безопасности.

Сегодня это явление эволюционировало от разрозненных действий до полноценного инструмента гибридной войны и стратегического фактора дестабилизации. В современных условиях кибертерроризм интегрируется с ментальным терроризмом – методом ведения гибридной войны в цифровом обществе¹⁹.

Новая промышленная революция, происходящая в мире, в своей основе имеет революционные пре-

образования в сфере информационных технологий. В XXI в. в геометрической прогрессии растёт ущерб от киберпреступлений, и фактически ни один из крупных террористических актов не обходится без использования современных информационных технологий. В условиях четвёртой промышленной революции кибертерроризм приобретает двойственную природу – выступая одновременно как угроза и как объект для международного реагирования²⁰.

Объекты и цели кибертерроризма

Суть кибертерроризма заключается в том, что для достижения идеологических, политических, религиозных или социальных целей злоумышленники используют цифровые инструменты. Они воздействуют либо на то, что формирует мнения и настроения людей (массовое сознание, доверие к институтам), либо на саму цифровую среду и управляемые ею реальные процессы.

Воздействие на сознание – это, например, распространение дезинформации, пропаганды или пугающих сообщений через соцсети и мессенджеры, чтобы вызвать панику, раскол в обществе, сформировать определённые установки.

Воздействие на инфраструктуру – это кибератаки на объекты, которые в современном мире полностью зависят от цифровых технологий (системы управления энергосетями, во-

доснабжением, транспортом, финансовыми системами, базами данных медицинских учреждений). Цель таких атак – вывести объекты из строя, создать угрозу техногенных аварий, нанести экономический ущерб или дестабилизировать работу целых отраслей.

Под удар попадают самые разные объекты:

- государственная и военная сферы (правительственные сети, учреждения, оборонные предприятия, системы военного управления);
- критическая инфраструктура (энергетические объекты, системы водоснабжения и очистки воды, транспортные системы, телекоммуникационные сети);
- финансовый сектор (банки, платёжные системы, биржи);
- бизнес (крупные корпорации и компании);

¹⁹ Савушкина М.А. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны в цифровом обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7. С. 48–54.

²⁰ Montasari R. Cyberspace, Cyberterrorism and the International Security in the Fourth Industrial Revolution: Threats, Assessment and Responses.

- отдельные личности (политики, общественные деятели, эксперты);
- программное обеспечение и сети.

На первый взгляд кибертерроризм и иные киберпреступления могут казаться схожими: и там и там атакуют компьютеры, сети, данные. Но ключевое отличие кибертерроризма от других видов киберпреступлений лежит в мотивации, где на первый план выходят политические, идеологические или социальные задачи, а не личная или корпоративная выгода. В корыстных мошеннических киберпреступлениях мотив чаще сугубо личный или корпоративный: кража денег (например, через взлом банковского счёта), хищение коммерческой тайны для перепродажи, шантаж с целью получения выкупа, распространение запрещённого контента. Если киберпреступление обычно направлено на конкретный объект (человека, компанию, систему), то кибертерроризм нацелен на достижение широких системных последствий. Преступники атакуют критически важную инфраструктуру (энергетические системы, банки, транспортные сети, государственные порталы), чтобы вызвать масштабный сбой, парализовать работу целых секторов, посеять панику.

Основные задачи:

- запугивание и дестабилизация (посеять страх среди населения, подорвать доверие к государственным институтам);
- распространение дезинформации, влияние на общественное мнение или создание искажённой картины событий, оказание давления на власть и изменение политики (принудить государство к определённым решениям);

– нарушение общественной безопасности (вывод из строя объектов инфраструктуры);

– распространение идей и требований (использование цифровых каналов для пропаганды);

– сбор разведданных (кибершпионаж);

– финансовый ущерб как средство давления.

По своему характеру воздействия кибертерроризм часто подразумевает открытость: злоумышленники могут публично заявлять о своих требованиях, демонстрировать угрозу для усиления психологического эффекта. Это создаёт атмосферу постоянного страха и неопределённости.

В «обычных» киберпреступлениях фокус направлен на конкретного пользователя или организацию: взлом личного аккаунта, кража данных клиента магазина, компрометация корпоративной тайны. В кибертерроризме мишенью становятся не столько коммерческие структуры, сколько государственные институты, международные организации, символы власти, публичные фигуры. Основная цель – нанесение удара по доверию к институтам в целом.

Если хакер взломал базу данных больницы, чтобы продать данные конкурентам, – это киберпреступление (финансовая выгода).

Если тот же взлом использовали, чтобы спровоцировать панику, нарушить работу системы экстренного реагирования и выдвинуть политические требования властям – это уже кибертерроризм.

Иногда действия, изначально нацеленные на личную выгоду, со временем приобретают политический подтекст (например, крупная утечка данных большой компании, которую затем используют для политического

давления). Но базовое отличие сохраняется – в первичном стимуле и масштабе последствий для общества. Для любого террористического акта должны быть выполнены два ключевых элемента: оперативная способность провести атаку и мотив или мотивация для её осуществления²¹.

Понимание этих форм помогает выстраивать защиту, укреплять кибербезопасность критически важных объектов, развивать системы обнаружения атак и совершенствовать международное сотрудничество в сфере противодействия таким угрозам.

Основные формы кибертерроризма

Косновным формам кибертерроризма относятся: атаки на информационные системы и критически важную инфраструктуру, взлом государственных и корпоративных систем с целью кражи информации, подмены данных или саботажа, распространение вредоносного программного обеспечения (вирусов, троянов, программ-вымогателей), деструктивная пропаганда и вербовка через интернет, нарушение работы и захват каналов связи, СМИ и распространение дезинформации.

Атаки на информационные системы и критически важную инфраструктуру – это наиболее опасная форма кибертерроризма, нацеленная на вывод из строя энергосетей, транспортных узлов, банковских учреждений, систем водоснабжения и здравоохранения и других жизненно важных объектов. Злоумышленники проникают в компьютерные системы, чтобы нарушить их работу, вывести из строя оборудование или ПО, иска-

зить данные, вызывая физические разрушения и техногенные катастрофы (*DDoS-атаки*, внедрение вирусов и программных закладок, захват управления технологическими процессами).

В 2025 г. основными целями атак стали правительственные учреждения (22%), промышленные организации (16%) и оборонные подрядчики (10%). В 2025–2026 гг. фокус сместился на физическую деструкцию и диверсии, а атаки окончательно перешли из плоскости ИТ в область операционных технологий²².

Например, в 2025 г. в Европе были зафиксированы кибератаки на энергетические объекты Швеции и Польши, а также на системы водоснабжения в некоторых польских городах. В частности, в январе 2025 г. шведская теплоэлектростанция в г. Кристинехамн подверглась кибератаке, в результате которой злоумышленники получили доступ к системам управления и на несколько часов отключили отопление в городе, оставив без тепла около 10 тыс. жителей²³.

В декабре 2025 г. зафиксирована масштабная скоординированная кибератака на польскую энер-

²¹ Trifunović D. Intelligence and Counterterrorism // National Security and The Future. 2025. Vol. 26. № 1. P. 179–192.

²² Котова М. Пароль к периметру.

²³ Fjärrvärmen i Kristinehamn slogs ut av cyberattack. 15 januari 2025 // URL: <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/varmland/fjarrvarmen-i-kristinehamn-slogs-ut-av-cyberattack>

госеть: были выведены из строя ветряные и солнечные электростанции, а также промышленные системы управления, что привело к неремонтопригодному повреждению оборудования²⁴.

Кроме того, в 2025 г. было взломано не менее пяти водоочистных станций в небольших польских городах, где злоумышленники получили доступ к системам, отвечающим за работу насосов, фильтров и дозирования химикатов²⁵.

В России за первый квартал 2026 г. на критическую информационную инфраструктуру (КИИ) пришлось рекордные 77% всех кибератак на организации, а общее количество атак на отрасли КИИ превысило 9 тыс. за три месяца. Доля высококритичных атак в секторе КИИ достигла 27%, тогда как в остальных отраслях этот показатель не превышает 20%²⁶.

Одной из крупнейших кибератак на инфраструктуру в России в 2025 г. была атака на авиакомпанию «Аэрофлот», уничтожено около 7 тыс. физических и виртуальных серверов, похищено 12 Тбайт баз данных, 8 Тбайт конфиденциальной информации.

В результате атаки было отменено более 100 рейсов, а недополученная выручка авиакомпании могла составить порядка 275 млн руб.²⁷

Число кибератак с использованием ИИ на российскую критическую

инфраструктуру в 2025 г. почти удвоилось по сравнению с 2024 г.

Общее количество атак с использованием ИИ по всему миру выросло за прошлый год на 93%. По прогнозам, в 2026 г. глобальное осуществление 85% кибератак будет проводиться с использованием ИИ²⁸.

Как было отмечено в Конвенции ООН против киберпреступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 г., кибератаки с использованием искусственного интеллекта могут уничтожить критически важную инфраструктуру или нарушить её работу в считанные минуты, что превращает ИИ в мощнейший мультипликатор угроз для национальной безопасности в новой геополитической реальности²⁹. Злоумышленники всё чаще используют легальные коммерческие ИИ-модели в качестве инструментов вторжения.

Например, атака на водоканал в Мексике (декабрь 2025 – февраль 2026): хакеры использовали модели *Claude (Anthropic)* и *GPT (OpenAI)*. *Claude* применялся для планирования проникновения и разработки инструментов, а *GPT* – для аналитических задач и работы с испаноязычными документами³⁰.

При этом, согласно отчёту Европейского агентства по кибербезопас-

²⁴ Poland says Russian hackers targeted its energy grid in December. 10 January 2026 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/poland-says-russian-hackers-targeted-its-energy-grid-december-2026-01-10/>

²⁵ Polish water utilities hit by cyberattacks in 2025. 15 December 2025 // URL: <https://therecord.media/polish-water-utilities-cyberattacks-2025>

²⁶ Котова М. Пароль к периметру.

²⁷ Там же.

²⁸ Актуальные киберугрозы: итоги 2025 года. М.: Positive Technologies, 2026 // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2025/>

²⁹ Convention against Cybercrime: strengthening international cooperation in combating certain crimes committed through information and communications technology and sharing electronic evidence in real time. N.Y.: United Nations, 2024. – 45 p.

³⁰ AI-Assisted Cyberattacks: Case Study of Mexico Water Utility. (December 2025 – February 2026). 2026 // URL: <https://www.recordedfuture.com/research/mexico-water-utility-ai-attack>

ности (ENISA), более 65% конфиденциальных цифровых коммуникаций остаются вне зоны досягаемости стандартных поисковых алгоритмов³¹. В то же время злоумышленники постоянно адаптируют свои стратегии, используя ИИ для повышения эффективности атак и манипулирования системами безопасности на основе ИИ³².

Взлом государственных и корпоративных систем с целью кражи информации, подмены данных или саботажа. Цель – получить доступ к конфиденциальной информации (личным данным граждан, государственным и военным секретам, коммерческим тайнам). Это может быть взлом баз данных, использование методов социальной инженерии (фишинг, спуфинг), эксплуатация уязвимостей (в том числе «нулевого дня»). В 2025–2026 гг. эта форма кибертерроризма превратилась в одну из главных угроз национальной безопасности. Основным трендом является переход от точечной кражи данных к полному уничтожению инфраструктуры и саботажу, при этом всё чаще используются технологии искусственного интеллекта.

В июне 2026 г. произошла атака на системы федеральных ведомств США (*SolarWinds*): хакеры, проникшие в системы через уязвимости в программном обеспечении *SolarWinds* и *Microsoft*, по-

хищили секретные данные о расследованиях американской контрразведки и санкционной политике.

Произошла утечка данных 70 тыс. французских госслужащих (*Tchap*), в результате кибератаки на приложение для обмена сообщениями *Tchap* могли быть похищены данные государственных служащих и до 643 тыс. сообщений³³.

В 2026 г. группировка *ShinyHunters* использовала критическую уязвимость «нулевого дня» в *Oracle PeopleSoft* (CVE-2026-35273) для взлома более 100 организаций по всему миру, включая Совет Европы и Университет Ноттингема, похитив более 297 Гб данных.

«Лаборатория Касперского» выявила продолжающуюся с начала 2025 г. кампанию кибершпионажа, организованную АPT-группой *Tomiris*. Основными целями атак были государственные учреждения и дипломатические службы в России и странах СНГ.

Государственные организации России стали главной мишенью для хакеров в 2025 г., на них пришлось 73% всех утечек данных в стране. Всего за отчётный период в сеть утекло более 145 млн строк данных. Атаки на структуры госсектора в первую очередь связаны с политической мотивацией хакеров³⁴.

Атаки на государственный сектор чаще всего вызывают сбои в основной деятельности организаций (48%), утечки данных (41%) и угрожают интересам государства (27%). Хакеры активно применяют фишинговые, ИИ- и OSINT-инструменты, изучая по открытым источникам сотрудников и инфраструктуру для подбора индивидуальных сценариев атак³⁵.

³¹ Cybersecurity and Data Protection in the Era of Encrypted Communications. Athens: ENISA, 2025. – 112 p.

³² Syllaidopoulos I., Ntalianis K.S., Salmon I.A Comprehensive Survey on AI in Counter-Terrorism and Cybersecurity: Challenges and Ethical Dimensions // IEEE Access. 2025. Vol. 13. P. 1–32.

³³ Котова М. Пароль к периметру.

³⁴ Котова М. Кибератаки июня 2026: SolarWinds, Tchap, ShinyHunters, Tomiris и утечки в госсекторе России // Коммерсантъ. 2026. 25 июня.

³⁵ Маслов К.Н. OSINT в условиях цифрового суверенитета: методы, ограничения, перспективы.

Распространение вредоносного ПО (вирусов, троянов, программ-вымогателей). Эта форма кибер-терроризма предполагает создание и распространение ПО, специально разработанного для вывода из строя промышленного оборудования и технологических процессов. Одно и то же вредоносное ПО всё чаще используется как для кибершпионажа, так и для деструктивных атак, что стирает грань между этими видами деятельности.

В 2025 г. в России зафиксировано рекордное количество украденных учётных данных (около 2,86 млрд), включая данные из вредоносного ПО типа инфостилер, баз данных утечек и подпольных рынков³⁶.

В том же году – 7549 жертв программ-вымогателей по всему миру (на 45% выше, чем в 2024 г.), причём более 53% из них находились в США.

В июне 2026 г. червь *Miasma* скомпрометировал более 70 репозиторий компании *Microsoft* на платформе *GitHub*. Под удар попали проекты в организациях *Azure*, *Azure-Samples*, *Microsoft* и *MicrosoftDocs*. Атака началась с того, что злоумышленники получили доступ к учётной записи одного из контрибьюторов и добавили вредоносный коммит в репозиторий *Azure/durabletask*.

Одним из заметных примеров атак стала кампания кибершпионажа *DreamJob* 2025 г., которую проводила связанная с Северной Кореей группировка *Lazarus Group* против европейских компаний, производящих беспилотники и оборонные

комплектующие. В результате были похищены технические данные, что нанесло удар по военной безопасности нескольких стран³⁷.

Искусственный интеллект позволяет злоумышленникам автоматизировать генерацию и модификацию вредоносного кода, делая его менее заметным для традиционных антивирусных систем.

Дополнительно количество заражений операционной системы *macOS* увеличилось с менее чем 1000 случаев (2024 г.) до более чем 70 тыс. (2025 г.)³⁸. Кроме того, было зафиксировано вредоносное ПО *HONESTCUE*, использующее *API Google Gemini* для динамической генерации и выполнения вредоносного кода в памяти системы³⁹.

В конце декабря 2025 – начале января 2026 г. специалисты *BI.ZONE* обнаружили деятельность группировки *Forbidden Hyena*, которая применяла ИИ для атаки на российские госорганы, системы ЖКХ и здравоохранения⁴⁰.

Деструктивная пропаганда и вербовка через интернет. Интернет-пространство используется террористическими организациями для радикализации населения, вербовки новых членов и распространения пропаганды. Мессенджеры *Telegram* и *WhatsApp** являются основными инструментами для этого.

³⁶ HONESTCUE: AI-Assisted Malware Using Gemini API. 2026 // URL: <https://cloud.google.com/blog/products/security/honestcue-malware-gemini-api>

³⁷ Cyber Threat Report 2025: Ransomware, Data Breaches, and Cyber Espionage Trends. Singapore: Group-IB, 2026 // URL: <https://www.group-ib.com/resources/threat-research/2025-cyber-threat-report/>

³⁸ Malwarebytes. macOS Threat Report 2025. Santa Clara: Malwarebytes, 2026 // URL: <https://www.malwarebytes.com/resources/macOS-threat-report-2025>

³⁹ HONESTCUE: AI-Assisted Malware Using Gemini API. 2026.

⁴⁰ Котова М. Пароль к периметру.

* Мессенджеры Telegram и WhatsApp принадлежит Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации на законодательном уровне.

В марте 2025 г. было зафиксировано 294 аккаунта вербовщиков в *Telegram*, а к маю их число превысило тысячу.

Злоумышленники вступают в игровые чаты, заводят контакт, создают иллюзию дружбы. Они используют игровые механики (прокачка, награды, достижения), чтобы сформировать чувство принадлежности к группе. Игровые платформы *Discord*, игровые чаты в *Counter-Strike*, *PUBG*, *Fortnite*, а также «песочницы» вроде *Roblox* и *Minecraft* стали новой серой зоной для радикализации⁴¹.

В 2025 г. 78% попыток вовлечения молодёжи в деструктивные группы стартовали именно через эти каналы. В 2026 г. антитеррористический центр Казахстана предупредил о новой волне вербовки подростков через видеоигры. Террористическая организация «Исламское государство»^{*} активизировала вербовку в интернете, делая ставку на молодёжь. После потери территорий в Сирии и Ираке группировка перешла к модели скрытой электронной вербовки, используя современные технологии.

Так, франкоязычный международный телеканал *TV5 Monde* подвергся масштабной кибератаке: хакеры, заявившие о связи с террористической группировкой ИГ, заблокировали трансляцию 11 каналов, взломали сайт и аккаунты в социальных сетях, включая *Facebook*, в которых появились

фотографии людей в чёрной одежде с подписью «Киберхалифат» и «Я – ИГ».

Этот инцидент продемонстрировал, что кибертерроризм может быть использован не только для дестабилизации инфраструктуры, но и для прямого захвата медийного пространства с целью распространения идеологии и запугивания широкой аудитории.

Деструктивная пропаганда и вербовка в интернете превратились в высокоорганизованную индустрию, угрожающую национальной безопасности. Используя уязвимости людей и несовершенство модерации на многих платформах, вербовщики эффективно вовлекают граждан в экстремистскую деятельность, что напрямую ведёт к росту числа как киберпреступлений, так и реальных террористических атак.

Одновременно были представлены данные об активном использовании нейросетей и чат-ботов для вербовки, агитации, совершения кибертерроризма⁴².

Нарушение работы и захват каналов связи, СМИ и распространение дезинформации. В последние годы кибератаки на СМИ и телекоммуникационную инфраструктуру стали важным инструментом гибридной войны. Злоумышленники используют взлом каналов вещания для распространения дезинформа-

⁴¹ Голубова В.И., Жук М.Г. Уголовно-правовые и процессуальные механизмы борьбы с кибертерроризмом, осуществляемым с применением искусственного интеллекта // Nextgen-наука глазами молодёжи: искусственный интеллект и междисциплинарные решения. Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. обучающ., посвящ. Году цифровизации и искусственного интеллекта, Семей, 19 марта 2026 г. Семей: Alikhan Bokeikhan University, 2026. С. 114–117.

⁴² Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений.

^{*} Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

ции и пропаганды, а также применяют методы *swatting* – ложные вызовы экстренных служб для нарушения работы СМИ⁴³. Эта форма направлена на дестабилизацию общества через распространение дезинформации, фейковых новостей и манипуляцию поведением людей для того, чтобы транслировать ложные сведения, слухи, пропаганду, предъявлять свои требования. Цель – посеять панику в обществе, повлиять на общественное мнение. Сюда же можно отнести создание и распространение дипфейков.

Одним из самых масштабных захватов эфира произошёл 24 августа 2025 г., когда был взломан российский провайдер украинскими киберподразделениями, которые вывели на 116 телеканалах видеоролик о потерях Российской армии. Трансляция продолжалась более трёх часов в вечерний прайм-тайм, видео увидели не менее 50 тыс. абонентов Москвы и других регионов. Кибертеррористы заблокировали доступ администраторов провайдера к серверу, чтобы затруднить прерывание трансляции.

В мае 2026 г. польская полиция расследовала крупномасштабную кибератаку на сотрудников правого телеканала *TV Republika*. Злоумышленники отправили в полицию ложные сообщения о

том, что по адресам сотрудников канала находятся дети в опасности и есть взрывчатка. Личные данные и *email*-аккаунты были взломаны и использованы для сокрытия следов преступников.

Кибератаки на СМИ всё чаще сочетают технический взлом (отключение эфира, удаление баз данных) с психологическим воздействием (дезинформация, угрозы, паника), что делает их особенно опасными для национальной безопасности. Дипфейки стали мощным инструментом пропаганды и психологического воздействия. Возможность фальсифицировать и манипулировать аудио- и видеоматериалами с использованием ИИ угрожает целостности информации, усиливает поляризацию и может спровоцировать дипломатические кризисы⁴⁴.

В настоящее время кибертерроризм – это не одна изолированная атака, а комбинация.

Например, сначала идёт фишинговая рассылка с вредоносным вложением, затем вредоносное ПО проникает в систему, после чего злоумышленники используют захваченный канал для распространения дезинформации и одновременно угрожают дальнейшей атакой, если не будет выплачен выкуп.

Угроза кибертерроризма в новой геополитической реальности

Кибертерроризм стал повсеместной глобальной угрозой, выходящей за пределы национальных границ и угрожающей критической инфраструктуре, национальной безопасно-

сти и международному миру. Развитие интернета вещей, искусственного интеллекта и цифровой взаимосвязанности предоставляет террористическим организациям новые возмож-

⁴³ Cybersecurity and Data Protection in the Era of Encrypted Communications.

⁴⁴ Савушкина М.А. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны в цифровом обществе.

ности для анонимных и эффективных действий⁴⁵.

Согласно данным *ENISA*, в 2025 г. доля атак на субъекты КИИ выросла с 47% в 2023 г. до 64% в 2024 г.⁴⁶

В настоящее время можно выделить четыре ключевых фактора, усиливающих угрозу кибертерроризма в современных условиях.

Во-первых, геополитическая напряжённость: обострение отношений между государствами переводит киберугрозы в новую фазу, когда кибератаки становятся инструментом политического давления и элементом гибридных конфликтов. Стороны могут использовать киберпространство для нанесения ущерба оппоненту, не прибегая к прямому военному столкновению.

Во-вторых, анонимность и трансграничность: киберпространство не знает границ, что позволяет злоумышленникам действовать из любой точки мира, усложняя идентификацию и привлечение к ответственности. В условиях политизации международных отношений это ещё больше затрудняет сотрудничество в расследовании.

В-третьих, технологическое развитие: злоумышленники активно внедряют новые инструменты, включая искусственный интеллект для автоматизации поиска уязвимостей, генерации фишинговых сообщений или создания дипфейков.

В-четвёртых, рост зависимости от цифровых технологий: чем больше сфер жизни опирается на цифровые системы, тем выше потенциальный ущерб от успешной атаки.

Противодействие кибертерроризму

Борьба с кибертерроризмом с учётом трудностей, возникающих при противодействии ему, включает несколько проблем:

- отсутствие единого международного определения. На глобальном уровне нет консенсуса, что именно считать кибертерроризмом, а что – киберпреступностью или кибервойной;

- отсутствие консенсуса в определении кибертерроризма затрудняет

выработку общих правовых норм и механизмов взаимодействия⁴⁷. Международное право в области кибертерроризма сталкивается с серьёзными вызовами из-за отсутствия единой дефиниции, и существующие региональные инициативы, такие как Будапештская конвенция о киберпреступности (2001 г.), имеют ограничения по географии и не охватывают специфику кибертерроризма⁴⁸;

⁴⁵ Ransomware Report 2025: Trends and Statistics. N.Y.: Chainalysis, 2026 // URL: <https://www.chainalysis.com/ransomware-2025/>

⁴⁶ Cybersecurity and Data Protection in the Era of Encrypted Communications.

⁴⁷ Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений.

⁴⁸ Diwaker S. Cyber-Terrorism and the Changing Definition of Terrorism: Prospects for India in International Law.

– сложность расследований. Удалённость преступника, использование сложных технических приёмов и необходимость взаимодействия разных юрисдикций осложняют поиск и доказательство вины;

– необходимость комплексного подхода. Эффективное противодей-

ствие требует не только технических мер (например, защита инфраструктуры, внедрение безопасных решений и т. д.), но и работы в правовой, информационной и психологической сферах, включая многоуровневое международное сотрудничество.

Борьба с кибертерроризмом

Для результативной борьбы с кибертерроризмом необходимо применять комплексные меры на государственном, корпоративном и индивидуальном уровнях.

Совершенствование и внедрение технических мер. Представляется целесообразным использование и внедрение следующих технических мер по противодействию кибертерроризму:

– инструменты для своевременного выявления и оперативной блокировки террористических ресурсов путём внедрения аналитических систем и автоматизированных аппаратно-программных комплексов мониторинга национального сегмента интернета;

– решения по противодействию использованию пользователями интернета средств обеспечения анонимности в преступных целях (прокси-серверы различных видов, SSH-туннели, TOR, VPN-сервисы и др.). Борьба с ними возможна как глобальным запретом и блокировкой систем анонимизации пользовате-

лей («Великий китайский файервол»), так и привлечением к ответственности виновных в создании и распространении таких средств;

– информационные системы на основе технологий ИИ, позволяющие анализировать большие объёмы информации (IP-адреса, история активности, различная вторичная информация и сведения) и с высокой степенью вероятности устанавливать личность пользователя;

– инструменты для отслеживания денежных потоков, в том числе криптовалютных операций, используемых для финансирования деятельности кибертеррористов⁴⁹;

– технологические решения, эксплуатирующие уязвимости сайтов и сетей с целью определения IP-адресов пользователей и иных данных, обеспечивающих идентификацию преступников.

Технологии прогнозной аналитики, обработки естественного языка и машинного обучения значительно повышают возможности обнаружения угроз, но при этом вызывают серьёзные проблемы, связанные с

⁴⁹ Меркурьев В.В., Боброва О.В. Финансирование террористической и иной противоправной деятельности. Правовая характеристика. Часть 2. Новое в российском законодательстве по противодействию террористической и диверсионной деятельности // Обозреватель–Observer. 2026. № 4. С. 139–161.

алгоритмической предвзятостью, качеством данных и управленческими вызовами⁵⁰.

Расширение международного сотрудничества и разработка эффективной правовой базы. В условиях новой геополитической реальности, когда кибертерроризм превратился в системный фактор дестабилизации, международное сотрудничество выходит на принципиально новый уровень.

Так, принятая Генеральной Ассамблеей ООН (24 декабря 2024 г.) и подписанная представителями 71 страны (25 октября 2025 г., Ханой, Вьетнам) Конвенция ООН против киберпреступности стала первым глобальным многосторонним договором, посвящённым борьбе с киберпреступностью⁵¹. Она устанавливает единые правовые стандарты для государств в сфере предотвращения, выявления, расследования и преследования преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Документ закладывает правовую основу для обмена электронными доказательствами в режиме реального времени, экстрадиции преступников и совместных мер по противодействию легализации криминальных доходов. Он направлен на установление общих составов преступлений и процессуальных полномочий, а также на лишение безопасного убежища тех, кто вовлечён в киберпреступность. Конвенция закладывает правовую основу для обмена электронными доказательствами

ми в режиме реального времени и экстрадиции преступников.

Одновременно с этим в рамках глобальной контртеррористической деятельности по кибербезопасности и новым технологиям принята программа *CT TECH+*, инициированная Управлением ООН по противодействию терроризму (*UNOCT*) и Интерполом. Финансирование обеспечивается Европейским союзом со сроком реализации: январь 2025 г. – декабрь 2026 г. Цель программы – укрепление потенциала правоохранительных органов государств-партнёров в противодействии использованию новых технологий в террористических целях.

Параллельно развивается региональное сотрудничество.

Так, 20 ноября 2025 г. прошёл второй структурированный диалог ЕС и НАТО по кибербезопасности, на котором стороны обсудили инициативы по усилению способности обнаруживать, сдерживать и защищаться от вредоносной кибердеятельности, а также вопросы повышения киберустойчивости и готовности.

Ключевым достижением стало оформление (май 2026 г.) соглашения киберпартнёрства НАТО с тремя ведущими ИТ-компаниями (*Microsoft*, *Palo Alto Networks* и *ESET*). Эти некоммерческие стратегические партнёрства направлены на обмен разведывательной информацией и укрепление коллективной киберобороны.

В октябре 2025 г. в Таджикистане прошла Третья конференция СНГ по борьбе с терроризмом и экстремизмом с участием более 150 представителей. Участники договорились о запуске Сети раннего

⁵⁰ Syllaidopoulos I., Ntalianis K.S., Salmon I.A Comprehensive Survey on AI in Counter-Terrorism and Cybersecurity: Challenges and Ethical Dimensions.

⁵¹ Convention against Cybercrime: strengthening international cooperation in combating certain crimes committed through information and communications technology and sharing electronic evidence in real time.

предупреждения в Центральной Азии, чтобы оперативнее обмениваться сигналами о киберугрозах.

Весной 2025 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция по противодействию использованию искусственного интеллекта и новых технологий в террористических целях с участием более 100 представителей из 22 международных организаций. В её итоговом документе зафиксировано, что неправомерное использование ИИ создаёт «беспрецедентные правовые, этические и оперативные проблемы».

В России внесены изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»⁵², которые запрещают использование интернета для осуществления экстремистской деятельности. Также рассматриваются законопроекты, обязывающие операторов связи отключать любую связь по запросу ФСБ при угрозах безопасности.

Организация должного межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти с общественными организациями и объединениями, т. е. создание площадок для выработки стратегических решений.

Примером служит Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по общественной безопасности, которая определяет дополнительные меры по противодействию

преступлениям с использованием *IT-технологий*.

На региональном уровне проводятся координационные совещания с участием территориальных органов федеральной власти и межведомственные рабочие группы для выработки конкретных мер.

Одновременно с этим организуется сотрудничество с *IT-компаниями* и некоммерческими организациями, например, МВД России и АНО «Диалог Регионы» совместно проводят мониторинг публичного поля для выявления деструктивного контента и мошеннических схем.

С начала 2026 г. аналитики зафиксировали уже порядка 500 опасных информационных поводов.

Также создаются профессиональные сообщества для обмена опытом.

Так, в Астраханской области в этом году запущено первое в стране профессиональное сообщество *IT-специалистов* по информационной безопасности из органов власти.

Повышение уровня осведомлённости сотрудников компаний организаций и граждан о методах кибертеррористов, обучение их действиям в случае угрозы и при реализации таких атак. Необходимо обучение их действиям в случае угрозы и при реализации таких атак.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что современный кибертерроризм представляет собой стремительно эволюционирующую угрозу, характеризующуюся постоянным усложнением тактик (таких как цепочки поставок и атаки «нулевого дня»), появлением новых высокоэффективных векторов атак (включая эксплойты для IoT и облачных сред) и трансформацией мотивации от идеологической до геополитической и финансовой.

⁵² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939>

Анализ текущих тенденций (рост целевых атак на критическую инфраструктуру, масштабирование программ-вымогателей, использование ИИ злоумышленниками) и возникающих угроз (потенциал квантовых вычислений для взлома шифрования, использование *deepfake-технологии*) вместе с моделированием будущих сценариев однозначно указывает на критическую необходимость формирования и имплементации стратегии по противодействию кибертерроризму, предусматривающей комплексную реализацию мер технического, юридического и социального характера как на национальном, так и международном уровне.

В новых геополитических реалиях кибертерроризм перестал быть просто технической проблемой – он стал инструментом стратегического давления. Поэтому обеспечение кибербезопасности и защита критической информационной инфраструктуры сегодня – один из ключевых элементов стратегии национальной безопасности любого государства. Именно сочетание технологических, правовых и организационных решений, дополненное повышением цифровой грамотности населения, способно сформировать устойчивую систему противодействия кибертерроризму в долгосрочной перспективе.

Ключевая проблема: требуется найти баланс между необходимостью защиты и сохранением открытости цифрового пространства с выстраиванием эффективных механизмов международного взаимодействия.

Библиография

- Актуальные киберугрозы: итоги 2025 года. М.: Positive Technologies, 2026 // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2025/>
- Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом от 27 декабря 2015 г. (Counter-Terrorism Law of the People's Republic of China) (принят на 18-й сессии ПК ВСНП 12-го созыва) // URL: https://www.spp.gov.cn/tt/201512/t20151228_109920.shtml
- Маслов К.Н. OSINT в условиях цифрового суверенитета: методы, ограничения, перспективы // Журнал международного права и информационной безопасности. 2024. Т. 12. № 3. С. 45–62.
- Меркурьев В.В., Боброва О.В. Финансирование террористической и иной противоправной деятельности. Правовая характеристика. Часть 2. Новое в российском законодательстве по противодействию террористической и диверсионной деятельности // Обозреватель–Observer. 2026. № 4. С. 139–161.
- Побегайло А.Э. Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности // Обозреватель–Observer. 2025. № 5. С. 105–119.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2055-О // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=242563#lo>
- Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 804-О // <https://normativ.kontur.ru/document/7/422237-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31-03-2022-n-804-o>
- Савушкина М.А. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны в цифровом обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7. С. 48–54.

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Статья 361 «Акт международного терроризма» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3e3dca/
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939>
- Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений // Вестник МГУИУ. 2025. № 1. С. 41–52.
- 18 U.S.C. § 2331 // Definitions (United States Code). Title 18. Part I. Chapter 113B // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331>
- Council Framework Decision 2002/475/JHA of 13 June 2002 on combating terrorism (as amended by Council Framework Decision 2008/919/JHA) // Official Journal of the European Union, L 164, 22.6.2002. P. 3–7 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002F0475>
- Divaker S.* Cyber-Terrorism and the Changing Definition of Terrorism: Prospects for India in International Law // International Journal of Law Management & Humanities. 2026.
- Krisnayanto Suryadi.* Exploring the Dark Horizon: Artificial Intelligence (AI) as Cyberterrorism Tools // Journal of Terrorism Studies. 2025. Vol. 7. № 1.
- Montasari R.* Cyberspace, Cyberterrorism and the International Security in the Fourth Industrial Revolution: Threats, Assessment and Responses. Cham: Springer NATURE Switzerland AG, 2024. – 270 p.
- Syllaidopoulos I., Ntalianis K.S., Salmon I.A* Comprehensive Survey on AI in Counter-Terrorism and Cybersecurity: Challenges and Ethical Dimensions // IEEE Access. 2025. Vol. 13. P. 1–32.
- Trifunović D.* Intelligence and Counterterrorism // National Security and The Future. 2025. Vol. 26. № 1. P. 179–192.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2026 г.

Статья принята к публикации 23 июля 2026 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2027 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
 тел.: +7-495-951-22-25

Образ мигранта в telegram-дискурсе

Ольга САВИНА

Миграционная повестка и фреймы угрозы в Telegram

Одним из главных каналов общественно-политической коммуникации в России стал *Telegram*^{*}. Его используют не только для личной переписки, но и для получения новостей, обсуждения текущих событий и быстрой реакции на резонансные происшествия.

По данным ВЦИОМ, мессенджерами пользуются 85% россиян¹, а *Telegram* входит в число наиболее востребованных цифровых площадок для обмена информацией и общественной коммуникации².

Mediascope фиксирует высокий охват *Telegram* среди россиян старше 12 лет и рост ежедневного использования платформы³.

В верхних позициях рейтингов регулярно оказываются новостные и политические каналы⁴. Для части аудитории они уже заменили традиционные СМИ и стали оперативным источником информации, который при этом не только сообщает о событии, но и сразу предлагает его оценку.

САВИНА Ольга Вячеславовна – научный сотрудник Центра миграционных исследований Института Китая и современной Азии РАН. *SPIN-код*: 8845-9448, *E-mail*: savina.pro@mail.ru

Ключевые слова: язык вражды, миграция, telegram-дискурс, образ врага.

¹ Национальный мессенджер: ожидания и перспективы // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnyi-messendzher-ozhidaniya-i-perspektivy?utm_source=chatgpt.com

² Телевидение в цифровую эпоху // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-v-cifrovuyu-epokhu?utm_source=chatgpt.com

³ Аудитория Telegram в России снова выросла // URL: https://ppc.world/news/auditoriya-telegram-v-rossii-snova-vyroslo/?utm_source

⁴ Mediascope. Аналитика: цифры и тренды // URL: https://mediascope.net/upload/iblock/foc/tdzyl93d36eeqrc5ndrkg7fnt667i5ss/Конференция%20Mediascope%202025_Ирина%20Суанова_Аналитика_цифры%20и%20тренды.pdf

^{*} Для Telegram Роскомнадзор ввёл ограничения из-за нарушения российского законодательства.

Особенно заметно влияние *Telegram* в момент резонансных событий. Устройство платформы таково, что любое сообщение о чрезвычайной ситуации способно за считанные минуты разойтись по десяткам каналов и чатов. При этом на пути распространения информация почти никогда не проходит полноценной редакционной проверки: может исказиться её тон, могут добавиться субъективные эмоциональные оценки. Скорость, с которой здесь циркулируют сведения, анонимность владельцев каналов, лёгкость пересылки постов между разными сообществами, слабая модерация и отсутствие реальной ответственности за размещаемый контент – всё это формирует среду для быстрого распространения эмоционально окрашенных материалов. Для читателя значимым становится не столько само событие, сколько та оценка, которую оно получает. В итоге новость превращается в самостоятельный конфликтный сюжет.

Для миграционной повестки эта логика работает с особой остротой. В ней почти любое сообщение затрагивает сразу несколько болезненных вопросов: безопасность, занятость, этнические отношения, культурные различия и доверие к государственному контролю. Поэтому даже частный эпизод с участием мигранта редко остаётся просто нейтральной новостью. Он быстро получает более широкий смысл и негативную оценку.

Эта оценка часто строится вокруг конфликта и меняет саму логику сообщения. Если в заголовке или пер-

вом абзаце подчёркивается происхождение участника события, внимание читателя смещается с поступка конкретного человека на группу, с которой он отождествляется. Сначала мигрант маркируется как «чужой». Затем «чужой» связывается с риском. После этого негативная оценка переносится с отдельного человека на всю группу. В результате информационный повод начинает работать как элемент образа «мигранта-врага».

Исследование М.А. Самковой и С.Л. Кушнерук позволяет точнее увидеть, как именно *telegram-посты* переводят миграционную тему в конфликтную рамку. Авторы проанализировали 551 сообщение о трудовой миграции в политическом *telegram-канале*, аудитория которого превышала 640 тыс. подписчиков⁵. В 40% рассмотренных постов указывалась географическая принадлежность иностранных специалистов: чаще всего речь шла о выходцах из Центрально-Азиатского региона. Это важно, поскольку происхождение участника события в таких текстах становится не нейтральной биографической деталью, а частью смысловой конструкции угрозы.

Итак, конфликтогенный эффект создаётся через совместную работу диагностических, прогностических и мотивационных фреймов.

Диагностические фреймы называют проблему и виновных: в центре оказываются конкуренция за рабочие места, межкультурные и межэтнические конфликты, криминалитет, рейды компетентных органов и бездействие властей.

⁵ Самкова М.А., Кушнерук С.Л. Актуализация фреймов в конфликтогенных текстах телеграм-постов о трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 175–192.

Прогностические фреймы предполагают направление реакции – уже сточение контроля, запреты, реформирование правил, усиление регулирования.

Мотивационные фреймы обращаются к коллективному адресату и побуждают его к участию, поддержке или одобрению таких действий.

В результате миграция предстаёт не как сложный социальный процесс, а как набор проблем, требующих защиты «своих» от «чужих».

Особенно значим вывод авторов указанной работы о том, что «коактивация диагностических, прогностических и мотивационных фреймов» создаёт отрицательный образ трудовой миграции как социального неблагополучия. Основой этого образа выступает оппозиция «свой – чужой», которая реализуется через модально-оценочные средства языка и разные речевые акты – осуждение, обвинение, оправдание, упрёк, призыв. При этом обращается внимание на использование лексемы «этнопреступность», которая не закреплена ни в уголовном законодательстве, ни в криминологии, но в *telegram-дискурсе* работает как идеологема, акцентирующая этническую принадлежность нарушителя и формирующая негативное представление о мигрантах.

Поэтому фреймы угрозы в *telegram-дискурсе* действуют не изолированно, они задают читателю готовую траекторию восприятия: кто виноват, почему ситуация опасна, какие меры выглядят оправданными и кто должен действовать. На этом

основании можно выделить несколько устойчивых фреймов, через которые образ мигранта как угрозы получает конкретное содержание.

В *криминальном фрейме* мигрант связывается с преступностью, насилием и угрозой физической безопасности.

Так, в *telegram-канале* с 2 млн подписчиков в посте о нападении мужчины на девушку уже в первой строке используется формула: «В Москве мигрант схватил девушку и попытался изнасиловать, угрожая убийством»⁶. Далее авторы уточняют происхождение нападавшего – «уроженец Киргизии», а нейтральное обозначение подозреваемого заменяют эмоционально окрашенными характеристиками: «неадекват», «озверевший иностранец».

В результате читатель получает не просто сообщение о конкретном преступлении, а сюжет, в котором миграционный статус становится ключевым объяснением опасности. Индивидуальное преступление начинает восприниматься как проявление угрозы, исходящей от «чужого» мужчины-мигранта.

В *социально-экономическом фрейме* мигрант предстаёт как нагрузка на экономику, городскую инфраструктуру и социальные ресурсы.

Например, в одном из крупных политических каналов обсуждение кадрового дефицита в Москве переводится в критику агломерационной модели, которая якобы требует «всё новых переселенцев из стран Средней Азии и Закавказья»⁷.

⁶ В Москве мигрант схватил девушку и попытался изнасиловать, угрожая убийством, – возбуждено уголовное дело по двум статьям, неадекват задержан // URL: <https://t.me/readovkanews/80532>

⁷ Совсем недавно руководство Москвы заявило, что дефицит кадров в столице к 2030 году может достигнуть 1 млн человек // URL: <https://t.me/kabanovkv/4248>

В тексте появляются выражения «обслуга», «основное орудие “производства”», «идеальные потребители», «массовый завоз», «миллионы малообразованных и низкоквалифицированных мигрантов». Мигрант здесь описывается не как участник рынка труда, а как элемент чуждой экономической схемы, выгодной «лоббистам», «влиятельным людям» и «экономике бесконечного потребления».

Угроза формируется через противопоставление интересов «нашей страны» и интересов тех, кто якобы использует миграцию ради прибыли и власти.

В *культурном фрейме* акцент переносится с правонарушения или экономической пользы на несовместимость норм поведения.

Так, в посте новостного канала о дорожно-транспортном происшествии в Челябинске участник события обозначается как «агрессивный мигрант из Таджикистана», а его поведение связывается с чуждыми представлениями о допустимом внешнем виде женщины⁸. В публикации приводятся фразы: «пристал к русским девушкам», «оскорбил её за русскую национальность и внешний вид», «у него на родине в Душанбе девушки так не одеваются», «у них в Душанбе перед девушками не извиняются».

В таком описании конфликт на дороге перестаёт быть только бытовым эпизодом. Он превращается в пример столкновения культурных норм, где мигрант представлен как носитель «иных правил», не совпа-

дающих с нормами принимающего общества.

В *политическом фрейме* миграция связывается уже не с отдельными социальными проблемами, а с рисками для государства, спецслужб, секретной информации и национальной безопасности.

Например, в посте о гражданине Таджикистана, осуждённом за госизмену, одно уголовное дело расширяется до подозрения в отношении выходцев из Центральной Азии в целом. Автор пишет о «лживой, агрессивной и откровенно антироссийской/русофобской идеологии», о том, что такие граждане «представляют наибольший интерес для вербовки» со стороны международного терроризма и иностранных спецслужб. Ключевая формула этого фрейма – вопрос о том, сколько ещё «потенциальных врагов» находится в государственных учреждениях и госкорпорациях «под видом уборщиков и доставщиков». Здесь индивидуальное дело о госизмене превращается в аргумент о скрытом присутствии в стране внутреннего врага.

Таким образом, *Telegram* целесообразно рассмотреть не просто как канал распространения новостей, а с точки зрения среды миграционной повестки, когда она получает устойчивую конфликтную форму. Через повторяющиеся фреймы угрозы локальные события выходят за пределы частного случая и конструируют политически значимый образ мигранта.

⁸ «У нас такого нет, чтобы перед девушкой извиниться»: в Челябинске мигрант специально подрезал нашу чемпионку UFC и стал оскорблять её за то, что она русская и одета не так, как бы ему хотелось // URL: <https://t.me/readovkanews/78669>

Язык вражды – инструмент конструирования угрозы

Само по себе упоминание иностранца в криминальном контексте ещё не делает его образ символом опасности. Если *Telegram* лишь пересказывает официальную статистику или приводит комментарий полиции, он, по сути, транслирует государственную точку зрения⁹. Но ситуация меняется, когда в одном сообщении сходятся три элемента:

- подчёркивается национальная или этническая принадлежность фигуранта;
- событие получает отчётливую эмоциональную окраску;
- угроза перестаёт быть персональной – она приписывается целой общности.

Именно в этом случае фрейм угрозы усиливается за счёт языка вражды.

Язык вражды (*hate speech*) в миграционном дискурсе принято рассматривать как форму агрессивной или дискриминационной речи¹⁰. Однако его реальная функция гораздо шире. Фактически он диктует, как следует интерпретировать те или иные события. Любая проверка документов, бытовая ссора или криминальный инцидент – всё это начинает осмысляться сквозь готовую схему: мигрант автоматически подразумевает опасность или нарушение установленного порядка. Получается,

язык вражды не ограничивается просто негативными характеристиками в адрес приезжих. Он создаёт альтернативную реальность, в которой миграция прочно размещена внутри поля угрозы, и эта картина подменяет собой сложную социальную действительность.

Чем чаще повторяется такая схема, тем прочнее закрепляется представление о коллективной ответственности.

Исследования европейского сегмента социальных сетей показывают, что уровень *hate speech* в отношении мигрантов напрямую связан с особенностями их общественного восприятия и принятия принимающим населением¹¹.

Этот механизм затрагивает не только отношение к мигрантам, он меняет и групповое самоопределение принимающего общества. В такой логике «свои» начинают восприниматься как сторона, нуждающаяся в защите, а «чужие» – как источник угрозы. В условиях аффективной поляризации* важным оказывается не только содержание конкретного сообщения, но и то, какую групповую принадлежность оно активизирует. Читатель вовлекается не в обсуждение отдельного события, а в противопоставление «своих» и «чужих», где эмоциональная солидарность со сво-

⁹ В России втрое возросло число преступлений, совершённых нелегальными мигрантами, – об этом заявил глава СК Александр Бастрыкин на совещании, посвящённом высокому уровню преступности среди мигрантов // URL: <https://t.me/bazabazon/30933>

¹⁰ Сычев А.А., Коваль Е.А., Жадунцова Н.В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов на примере Республики Мордовия // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4. С. 798–815.

¹¹ Arcila-Calderyn C., Blanco-Herrero D., Valdez-Apolo M.B., Amores J.J. Hate speech and social acceptance of migrants in Europe: Analysis of tweets with geolocation // Comunicar. 2022. Vol. 30. № 71. P. 9–20.

* Под аффективной поляризацией подразумеваются крайне эмоциональная неприязнь и недоверие между социальными или политическими группами.

ей группой оказывается важнее анализ фактов.

В этом смысле язык вражды можно рассматривать как один из индикаторов аффективной поляризации. Через него становится видно, какие различия превращаются в линии конфликта, какие группы описываются как угрожающие и какие эмоциональные оценки закрепляются за ними^{12, 13}.

Поэтому язык вражды в миграционном дискурсе следует понимать не только как речевую агрессию: он выполняет функцию эмоционального кодирования угрозы. Криминальные, социально-экономические, культурные и политические фреймы могут различаться по содержанию, однако язык вражды связывает их общей логикой, где мигрант – представитель внешней

группы, от которой исходит риск. Так разные механизмы работают на один и тот же образ.

В этом смысле *hate speech* можно рассматривать как технологию воздействия. Его задача заключается не столько в оскорблении конкретной группы, сколько в создании устойчивой системы распознавания угрозы. Он подсказывает аудитории, кого считать «своими», от кого ждать опасности и какие события воспринимать как подтверждение уже сложившейся картины мира.

Современные исследования цифровой коммуникации доказывают, что онлайн-язык вражды способен усиливать предубеждения и мобилизовать аудиторию вокруг групповой идентичности, коллективных страхов и политически значимых требований¹⁴.

Риски для политической коммуникации

Когда образ мигранта как коллективной угрозы закрепляется в *telegram-дискурсе*, он влияет не только на отношение к приезжим, но и на ожидания от государства. В обществе появляется запрос на конкретные решения: усилить контроль, ограничить въезд, депортировать при малейшем правонарушении, лишить права на обучение и медицинское обслуживание. Язык вражды уже выходит за пределы речевой агрессии и начи-

нает воздействовать на политическую повестку.

Формирование образа врага в этом случае не является конечной точкой, гораздо важнее его способность менять характер общественной дискуссии. Миграция перестаёт восприниматься как сложный социальный процесс, связанный с регулированием, адаптацией и трудовым рынком. На первый план выходит вопрос: кто представляет опасность и как эту опасность нейтрализовать.

¹² Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498.

¹³ Кручинская Е.В. Язык ненависти как индикатор аффективной политической поляризации в условиях мобилизации: от измерения к прогнозированию // Политическая наука. 2025. № 1. С. 156–180.

¹⁴ Kentmen-Cin Ç. Hate Speech on Social Media: A Systemic Narrative Review of Political Science Contributions // Social Sciences. 2025. Vol. 14. № 10. Article 610.

В такой логике очень мало места для спокойного разговора о причинах и последствиях миграции.

Напряжённость может усиливаться не только из-за самих событий, но и из-за того, как одна группа представляет отношение к себе со стороны другой группы. Исследования цифровой коммуникации показывают, что пользователи склонны переоценивать степень враждебности внешних групп по отношению к собственной группе. Такие представления становятся самостоятельным фактором роста аффективной поляризации¹⁵.

В такой ситуации миграционная тема всё чаще обсуждается не как вопрос занятости, адаптации или демографической потребности, а постепенно приобретает политическое значение и строится вокруг вопросов безопасности, контроля и ограничений. При этом эмоциональные оценки начинают играть более заметную роль, чем статистика или результаты научных работ. Как показывают исследования цифровой среды, контент, апеллирующий к страху, тревоге и групповым предубеждениям, распространяется быстрее и вызывает более высокий уровень вовлечённости аудитории, чем нейтральные сообщения¹⁶.

В итоге представление о миграции складывается не только из объективных показателей – цифр, фактов и управленческих решений, всё большую роль играют эмоционально насыщенные сюжеты, которые проще запомнить и легче переслать.

Это создаёт риск подмены политической дискуссии гонкой тревожных нарративов. Чем чаще миграция связывается с угрозой, тем труднее говорить о ней как о процессе, требующем не одних жёстких мер, а комплекса решений.

Особого внимания заслуживает разрыв между официальной риторикой и тем, что сегодня транслируется в сети. Государственная миграционная политика пытается балансировать между несколькими задачами: потребности рынка труда, требования безопасности, вопросы социальной адаптации и интеграции приезжих.

Однако в интернет-среде эта сложная, многоуровневая логика часто проигрывает упрощённым и эмоционально привлекательным объяснениям. В результате складываются две параллельные реальности: институциональная, где речь идёт о регулировании и балансе интересов, и цифровая, основанная на жёстком противопоставлении «своих» и «чужих».

Этот разрыв важен, однако не сам по себе. Он влияет, с одной стороны, на то, как общество в целом видит и оценивает мигрантов, а с другой – и это, пожалуй, ключевой момент – на то, как граждане воспринимают решения, которые принимает государство. Когда миграцию постоянно преподносят как источник опасности, неизбежной реакцией и единственно возможным ответом на ситуацию становится требование ужесточить контроль.

В таких условиях публичная дискуссия перестаёт быть обсуждением

¹⁵ Overgaard C.S.B. Perceiving Affective Polarization in the United States: How Social Media Shape Meta-Perceptions and Affective Polarization // Social Media + Society. 2024. Vol. 10. № 1.

¹⁶ Kentmen-Cin Ç. Hate Speech on Social Media: A Systemic Narrative Review of Political Science Contributions.

практических инструментов и всё чаще воспроизводит схему межгруппового противостояния. Как показывают современные исследования поляризации, конфликт всё чаще развивается не вокруг сути политических позиций, а вокруг принадлежности участников к конкурирующим социальным группам¹⁷. Политика начинает восприниматься как борьба коллективных идентичностей, а не как поиск компромиссов. На первый план выходит уже не эффективность конкретных мер регулирования миграции, а то, к какому лагерю – «своих» или «чужих» – принадлежит говорящий. В итоге поддержка или критика миграционной политики начинает определяться всё меньше содержанием предлагаемых решений, а всё больше отношением к группам, которые считаются «своими» или «чужими».

Стоит отметить, что образ внешней группы – это не просто маркер,

который проводит границу между «нами» и «ими». У него есть и другая не менее важная роль: он становится важным механизмом внутреннего сплочения сообщества. В цифровой среде это особенно заметно, поскольку в ней одновременно развиваются два процесса: с одной стороны, внутригрупповая солидарность крепнет, а с другой – эмоциональная дистанция по отношению к внешним группам растёт. Этот вывод подтверждает анализ более 1,2 млн сообщений в русскоязычных *telegram*-каналах, который показал, что в моменты кризиса внутригрупповая сплочённость действительно растёт, но при этом синхронно усиливается и межгрупповая поляризация¹⁸. В результате негативный образ внешней группы перестаёт выполнять только функцию исключения, а всё отчётливее работает на внутреннюю консолидацию.

Таким образом, влияние языка вражды не ограничивается тем, что о мигрантах распространяют неприятные высказывания. Его значение определяется способностью задавать рамки общественной дискуссии – те самые фреймы, через которые миграция связывается с преступностью, социальной нагрузкой, культурной несовместимостью и рисками для безопасности. Последовательно связывая миграцию с нарушением привычного порядка жизни, язык вражды переводит сложную социальную проблему в простую и понятную эмоциональную схему – противостояние «своих» и «чужих».

В этом контексте *telegram*-дискурс важен не только как часть цифровой коммуникации, он позволяет понять, к каким политическим последствиям приводит обсуждение миграции. В нём видно, как разговор о миграции постепенно становится разговором о безопасности, и о том, какие меры для этой безопасности можно считать допустимыми. В результате *Telegram* выступает не просто площадкой, где обмениваются мнениями, а становится средой, где формируется политически значимый образ мигранта.

¹⁷ Törnberg P., Andersson C., Lindgren K., Banisch S. Modeling the Emergence of Affective Polarization in the Social Media Society // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. № 10. Article e0258259.

¹⁸ Синицина А.В., Соловьёв В.А., Тяпкин Д.И. Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 444–458.

Библиография

- Кручинская Е.В. Язык ненависти как индикатор аффективной политической поляризации в условиях мобилизации: от измерения к прогнозированию // Политическая наука. 2025. № 1. С. 156–180.
- Самкова М.А., Кушнерук С.Л. Актуализация фреймов в конфликтогенных текстах телеграм-постов о трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 175–192.
- Синицина А.В., Соловьёв В.А., Тяпкин Д.И. Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 444–458.
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498.
- Сычев А.А., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов на примере Республики Мордовия // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 798–815.
- Arcila-Calderyn C., Blanco-Herrero D., Valdez-Apolo M.B., Amores J.J. Hate speech and social acceptance of migrants in Europe: Analysis of tweets with geolocation // Comunicar. 2022. Vol. 30. № 71. P. 9–20.
- Kentmen-Cin Ç. Hate Speech on Social Media: A Systemic Narrative Review of Political Science Contributions // Social Sciences. 2025. Vol. 14. № 10. Article 610.
- Overgaard C.S.B. Perceiving Affective Polarization in the United States: How Social Media Shape Meta-Perceptions and Affective Polarization // Social Media + Society. 2024. Vol. 10. № 1.
- Törnberg P., Andersson C., Lindgren K., Banisch S. Modeling the Emergence of Affective Polarization in the Social Media Society // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. № 10. Article e0258259.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2026 г.

Статья принята к публикации 7 июля 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)

Трансформация международных связей российской экономики в санкционных условиях

Юрий ЛЕВИН

Векторы интеграции российской экономики в глобальные цепочки до введения санкций

Характеризуя исходную позицию России в глобальной экономике до эскалации санкций, следует в первую очередь отметить, что российская экономика отличалась высокой ресурсной обеспеченностью и была крупным игроком на энергетических и сырьевых рынках.

На долю России приходилось около 10% мирового экспорта нефти, значительные доли в экспорте газа, угля, металлов и удобрений. Российской экономике была присуща глубокая встроенность в европейские цепочки.

В 2020–2021 гг. ЕС был основным заказчиком экспорта нефти и газа из России, его доля составляла 44% от общего объема экспорта нефти и газа и в целом являлся крупнейшим торговым партнером: на него приходилось более трети российского внешнеторгового оборота, причём в экспорте его доля была почти 38%.

Также в 2020 г. на долю ЕС пришлось 76,5% прямых иностранных инвестиций в Россию¹.

Вместе с тем интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости была сравнительно умеренной, поскольку Россия оставалась в основном поставщиком сырья и ба-

ЛЕВИН Юрий Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры национальной экономики и экономического регулирования МГИМО МИД России. *SPIN-код*: 1697-9525, *E-mail*: u.levin@odin.mgimo.ru

Ключевые слова: международные цепочки поставок, внешнеторговый оборот, санкции, фрагментация экономики.

¹ Статистика внешнего сектора // Банк России // URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs

зовых материалов, а экспорт высокотехнологичной продукции и участие в сложных производственных цепочках были ограничены.

До 2022 г. модель «энергетический донор Европы плюс умеренно открытая финансовая площадка» не

менялась, несмотря на то что начал нарастать после 2014 г. санкционный режим².

Доля России в мировом ВВП по паритету покупательской способности стабильно находилась около 3–3,5%.

Деструктивное и созидательное воздействие санкций на экономику

С началом СВО в 2022 г. против России были введены беспрецедентные по масштабу санкции: торговые ограничения, финансовые меры, персональные санкции против элиты и госкорпораций, транспортные ограничения.

Основной прямой удар пришёлся по логистике, внешней торговле, финансовому сектору, энергетическим и технологическим цепочкам. Однако российская экономика оказалась способной выдерживать санкционное давление и противостоять санкциям в течение уже достаточно длительного периода времени, обеспечив быстрый разворот торговли и платежей к альтернативным партнёрам³.

В первую очередь российская экономика сумела радикально переключить логистику после ухода глобальных контейнерных линий. После 2022 г. крупнейшие контейнерные операторы (*Maersk*, *MSC* и др.) свернули работу в России; европейские порты ограничили либо закрыли приём российских судов; был вве-

дён запрет на страхование и фрахт для судов с российскими грузами в ряде случаев.

В ответ Россия развернула новые маршруты через Чёрное море и Дальний Восток, а также стала активно развивать коридор «Север – Юг» через Иран и Индию. Контейнерные потоки частично сместились из Санкт-Петербурга в Новороссийск и порты Дальнего Востока, а российские и китайские перевозчики открыли новые прямые сервисы между портами Китая, Ближнего Востока, Латинской Америки и России.

Международный транспортный коридор «Север – Юг» (Россия – Иран – Индия) стал ключевым элементом обхода европейских маршрутов: по восточной ветке через Казахстан и Туркмению в 2024 г. было перевезено в три раза больше грузов, чем в 2023 г.; впервые российский уголь пошёл в Индию железнодорожно-морским маршрутом. Новый коридор позволяет сократить срок доставки Индия – Россия с 40–60 дней через Суэц до 25–30 дней и снизить стоимость на 20–30%.

² Конопляник А.А. Энергетические отношения России и Европы: эволюция, её причины и перспективы // Форум «Глобальный энергетический диалог». ИМЭМО РАН. 2022, Москва // URL: <https://konoplyanik.ru/speeches/220930>

³ Песоцкий А.А. Экономика России против санкционных угроз: взгляд из 2025 // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 4. С. 125–131.

Вторым шагом была перезагрузка российских внешних энергетических цепочек (нефть, газ, уголь).

Поставки нефти. Ранее ЕС был главным рынком для нефти и нефтепродуктов из России. Значительная часть цепочки включала европейские перерабатывающие мощности и трейдеров. После 2022 г. Россия должна была перезагрузить энергетические цепочки в связи с тем, что ЕС ввёл эмбарго на морские поставки российской нефти и нефтепродуктов и вместе со странами G7 установил ценовой потолок, ограничив доступ к страхованию и судоходным услугам, если нефть продаётся дороже установленного потолка. Это вынудило Россию переориентировать основной объём сырой нефти в Индию, Китай, Турцию и ряд стран Ближнего Востока; это требует более длинных маршрутов и большего количества танкеров, увеличивая логистические издержки и снижая чистую цену для России.

В связи с действием этих факторов, несмотря на то что физические объёмы экспорта нефти остаются высокими, нефтегазовые доходы бюджета и доля нефтяных доходов в ВВП существенно снизились.

По итогам сентября 2025 г., согласно данным Минфина, нефтегазовые доходы бюджета оказались ниже прошлогоднего уровня почти на 32%, а суммарно за девять месяцев на 21% меньше (6,6 трлн руб. против 8,3 трлн).

Поставки газа. В части изменений структуры поставок российского газа следует отметить, что если до 2022 г. было доминирование на основе долгосрочных контрактов отно-

сительно устойчивых трубопроводных цепочек в Европу (*Nord Stream*, Ямал-Европа, Украина), то потом произошло резкое сокращение экспорта в ЕС, остановка *Nord Stream* и переброска части объёмов по газопроводу «Сила Сибири» в Китай.

Однако наряду с успешным развитием СПГ-проектов («Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2», «Портовая СПГ») потеря европейского рынка не компенсирована. Экспорт газа не восстановился, несмотря на попытки роста СПГ и поставок в Китай. При этом ориентация на азиатский рынок усиливает зависимость от Китая, как одного крупных покупателей, и инфраструктурные риски.

Поставки угля. На российский уголь основной спрос формирует энергетический уголь. Российская угольная отрасль, столкнувшаяся с санкциями ЕС и падением мировых цен, претерпела снижение доходности, поскольку отрасль вынуждена предлагать азиатским покупателям большие скидки при резко выросших транспортных издержках.

Китай, Индия и Турция, которые являются крупнейшими импортерами российского угля, в 2024 г. существенно сократили его закупку из-за ряда критических факторов, среди которых логистические проблемы; изменения в законодательстве; трансформация мирового спроса; ужесточение экологических норм, введённых как национальными, так и международными органами.

В 2025 г. основным покупателем угля, отгрузки которого на протяжении всего года продолжали расти, стала Турция, где спрос на него вырос из-за сокращения выработки ту-

рецких ГЭС и одновременно устойчивого уровня выпуска цемента. Росту поставок российского угля в минувшем году в Турцию также содействовало сокращение его добычи в Колумбии, основном конкуренте России на турецком рынке. Однако

в долгосрочной перспективе потенциал турецкого рынка ограничен. Тем не менее Россия по-прежнему остаётся одним из крупнейших в мире поставщиков угля, хотя и в менее выгодной позиции при высокой региональной концентрации.

Усиление фрагментированности российской экономики

Резкая смена географии и структуры торговли явились необходимыми направлениями адаптации к новым условиям вследствие разрыва с коллективным Западом и поворотом к Азии и Глобальному Югу, обеспечив сохранение относительно открытой экономики.

Хотя торговля товарами между ЕС и Россией сократилась примерно на 74% с 257,5 млрд евро в 2021 г. до 67,5 млрд евро в 2024 г., а доля ЕС в экспорте России упала с 37,9% в 2020 г. до 7,3% в 2024 г., в импорте – с 36,5 до 10,3%, но доля России в мировом ВВП по ППС в 2025 г. составила около 3,4% по оценке МВФ, что близко к показателям до санкционных значений.

Во внешней торговле в 2024 г. товарооборот составлял около 41% ВВП.

Товарооборот с **Китаем** с 2021 по 2023 г. вырос более чем в два раза: 107,8 млрд долл. в 2020 г., 146,9 млрд в 2021 г., 190,3 млрд в 2022 г., 240,1 млрд в 2023 г.

Торговля с Китаем достигла рекордных 245 млрд долл. в 2024 г., закрепив за КНР статус крупнейшего партнёра России. Однако в дальнейшем за первые девять месяцев 2025 г. объём российско-китайской торговли снизился и составил

163,6 млрд долл., что на 9% меньше показателя за тот же период 2024 г. в силу рыночной конъюнктуры.

Экспорт из КНР в Россию за это время уменьшился на 11,3%, а из России в Китай – на 7,7%.

За 11 месяцев 2025 г. объём товарооборота между Россией и КНР составляет около 220 млрд долл. (17,2 трлн руб.).

По данным КНР, объём товарооборота за прошедший год составил около 225 млрд долл.⁴

Индия стала одним из ключевых покупателей российской нефти: в 2024 г. импорт нефти из России составил 52,7 млрд долл. Поставки российской нефти в Индию России (7,7 млн т) достигли шестимесячного максимума в ноябре 2025 г., составив 35,1% от всего индийского импорта. В сравнении с ноябрём 2024 г. объём российских поставок вырос на 7%⁵.

Рост поставок нефти наблюдается и в торговле с **Турцией**, странами **Персидского залива, Ираном**, странами **ЕАЭС и Центральной Азии**. Однако в значительной мере за счёт реэкспорта и серых схем⁶.

Перестройка технологических цепочек связана с тем, что примерно треть прежнего экспорта ЕС в Рос-

⁴ <https://russian.rt.com/business/news/1575947-rossiya-kitai-torgovlya>

⁵ <https://ura.news/news/1053056257>

⁶ Тесля П.Н. Антисанкционный манёвр России // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 7. С. 1783–1800.

сию теперь под прямыми или косвенными запретами, а это касается в основном импорта оборудования и высокотехнологичных товаров. В ответ на санкции, блокирующие поставки в Россию машиностроительной продукции, электроники, компонентов двойного назначения из ЕС, США, Японии, Кореи и других стран, Россия смогла осуществить переориентацию на альтернативных поставщиков из Китая, Турции, ОАЭ, стран ЕАЭС и Центральной Азии. Эти страны часто выступают реэкспортными транзитными хабами, через которые в Россию попадает продукция западных брендов. Однако серые схемы через третьи страны в качестве транзитных пунктов означают более высокие цены, более долгие сроки поставки и юридические риски, в том числе включая угрозу вторичных санкций для посредников⁷.

Работа параллельного импорта как серого канала связана также с тем, что с 2022 г. действуют специальные списки товаров, разрешённых для ввоза без согласия правообладателя; список регулярно обновляется Минпромторгом.

Объём параллельного импорта составил в 2022–2023 гг. совокупно порядка 70 млрд долл., в 2024 г. – в среднем около 3 млрд в месяц, с пиковыми значениями до 4 млрд; а к середине 2025 г. – падение до 1,4–1,5 млрд долл. в месяц⁸.

Устойчивый спад параллельного импорта, ставшего ключевым каналом ввоза после ухода зарубежных брендов, интерпретируется как частичное «обеление» цепочек и насыщение запасов.

Финансовые организации и финансовый рынок России столкнулись с масштабными вызовами с введением санкций против крупнейших финансовых организаций. Их последствием стало уменьшение участия России в глобальных финансовых и инвестиционных цепочках из-за масштабных ограничений для финансовой системы страны:

- заморозка российских финансовых резервов в странах ЕС с обсуждением использования доходов от них для финансирования Украины;
- введение ограничений на расчёты в долларах/евро;

- заморозка счетов Национального расчётного депозитария;

- приостановка работы клиринговых центров *Euroclear* и *Clearstream* с главным российским депозитарием;

- отключение банков от системы международных платежей *SWIFT*;

- запреты использования на территории других стран банковских карт, международных платёжных систем *Visa* и *MasterCard*, операций с российскими государственными ценными бумагами для нерезидентов, размещения за рубежом российских облигационных займов;

- ограничения доступа к международным рынкам капитала.

Из-за выхода зарубежных инвесторов из российских активов произошло превращение притока прямых иностранных инвестиций в чистый отток.

⁷ Потёмкин А.С. Адаптация российской экономики к санкциям 2022–2025 годов и её глобальные экономические последствия // Сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции «Всероссийские научные чтения – 2025». Петрозаводск, 2025. С. 88–98.

⁸ <https://ecomhub.ru/parallel-import-russia-decline-2022-2025>

Так, по оценке ЦБ РФ, иностранные инвесторы вывели около 138 млрд долл. в 2022 г., 80 млрд долл. в 2023 г. и ещё 44 млрд долл. за три квартала 2024 г.

В итоге остаток накопленных прямых иностранных инвестиций к концу 2024 г. снизился до минимальных за 15 лет значений.

В то же время совокупный объём накопленных прямых иностранных инвестиций в странах Евразийского региона, преимущественно за счёт инвестиций частных компаний, сконцентрированных в трёх секторах: сырьевом (14,3 млрд долл.), обрабатывающем (8,9 млрд долл.) и транспортно-логистическом (5,4 млрд долл.), – в 2025 г. существенно вырос и составил за первое полугодие рекордные 48,4 млрд долл. против в 46,5 млрд долл. за тот же период в 2024 г.⁹

В сложившихся условиях одним из оптимальных решений для привлечения денег в экономику страны, её трансформации и достижения технологического суверенитета является рост инвестиционной активности, увеличение капитализации фондового рынка страны как источника инвестиций¹⁰.

В международных платежах ключевой сдвиг, после того как под санкции попали операции в долларах и евро, заключался в переходе к расчётам в национальных валютах, прежде всего в юане, т. е. фактическую «юанизацию» внешнеторговых расчётов¹¹. На практике это привело к фрагментации глобального финансового пространства: расчёты между Россией и

«санкционным блоком» стали крайне ограничены, тогда как в расчётах с Китаем, Индией и др. растёт роль юаня и национальных валют¹².

В июне 2024 г. юань обеспечивал более 90% оборота на внутреннем валютном рынке, почти вытеснив доллар и евро.

В 2025 г. Россия впервые разместила крупный выпуск суверенных облигаций в юанях (20 млрд юаней ≈ 2,8 млрд долл.), углубив финансовую связку с Китаем¹³.

Одним из способов реагирования на санкции и снижения долларизации национальной экономики является внедрение альтернативной платёжной системы – система передачи финансовых сообщений (СПФС), которая выступает качестве аналога *SWIFT*.

Развитие собственной конкурентоспособной платёжной системы существенно способствовало дедолларизации и сделало Россию одним из передовых государств с точки зрения цифровизации банкинга. Дружественные страны продолжают подключаться к СПФС Банка России.

По данным ЦБ, в 2025 г. к СПФС было подключено 177 иностранных участников из 24 стран.

С июня 2024 г. система СПФС в рамках 14-го пакета санкций запрещена Европейским советом для банков ЕС за пределами России. Вместе

⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/8273111>

¹⁰ <https://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

¹¹ Ермоловская О.Ю. Аспекты противодействия России международным финансовым санкциям // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 2. С. 591–604.

¹² Кузнецов А.В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряжённости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 56–66.

¹³ https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40099

с тем ЕС устанавливает определённые исключения для подключения к СПФС¹⁴.

Хотя возникают проблемы расчётов даже с дружественными и нейтральными странами.

Так, с 2024 г. обострились проблемы с платежами в торговле с Китаем и странами Глобального Юга. Поскольку банки этих стран опасаются вторичных санкций, то расчёты задерживаются, а часть платежей блокируется.

В отношениях с Индией накопились значительные рублёво-рупийные дисбалансы. Россия получает выручку в рупиях, которые сложно конвертировать и использовать, что приводит к политическим переговорам о новых схемах, в том числе через использование третьих валют¹⁵.

Санкции и разрыв международного сотрудничества с рядом стран негативно влияют на научно-технологическое развитие России и могут привести к отставанию России от технологического прогресса большинства развитых стран¹⁶. Ограничения на доступ к оборудованию, ИКТ-компонентам и некоторым международным коллаборациям усиливают необходимость снижения зависимости от западных рынков и технологий за счёт развития импортонезависимых

технологий и перестройки сотрудничества для приоритетной реализации национальных интересов России, обеспечения национального суверенитета и международного лидерства страны в различных направлениях глобальной повестки научно-технологического развития.

В условиях формирования многополярного мира реализация эффективной модели международной кооперации в сфере исследований и разработок, распространяющейся на весь инновационный цикл – от фундаментальных исследований до высокотехнологичных товаров, происходит через углубление технологического партнёрства с дружественными и нейтральными странами¹⁷. Наиболее масштабным является научно-технологическое сотрудничество с Китаем, которое охватывает широкий спектр отраслей от промышленной робототехники до космических исследований.

Вместе с тем дальнейшее углубление технологического партнёрства с Китаем сталкивается с ростом риска односторонней зависимости из-за структурной асимметрии, вызванной тем, что Россия в основном поставляет сырьё, тогда как Китай – продукцию с высокой добавленной стоимостью¹⁸.

¹⁴ Как новые санкции ЕС повлияют на банковский рынок // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/06/25/667934579a79470>

¹⁵ Косов М.Е., Платонов А.П., Решетников С.Б., Чернышева Т.К. Влияние санкционных ограничений на финансовый и банковский секторы Российской Федерации // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 4. С. 62–82.

¹⁶ Хватов А.А., Деревянкин А.Ю. Влияние санкций на развитие информационных технологий в России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s1 // URL: <https://esj.today/PDF/60FAVN123.pdf>

¹⁷ Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию. Институт исследований и экспертизы ВЭБ: научный доклад. Москва, РУДН, 2024. – 140 с.

¹⁸ Лян Х. Будущее российско-китайских отношений в условиях мировой турбулентности: вызовы и перспективы стратегического партнёрства // Молодой учёный. 2025. № 26. С. 411–412.

Динамика российской экономики при переходе к многополярной модели

Несмотря на эскалацию санкций, снижение спроса на традиционные товары российского экспорта, развязывание мировых торговых войн и замедление общей мировой экономики, российская экономика растёт.

Однако её структура и источники роста меняются.

В 2022 г. российский ВВП сократился примерно на 2,1%, но затем вернулся к росту, составившему в 2023 г. около 3%, а в 2024 г. поднялся до 4,3%. Достигнутый резуль-

тат существенно превзошёл российские и зарубежные прогнозы¹⁹.

По итогам 2025 г. рост ВВП российской экономики замедлился и составил около 1%, его реальное состояние характеризуется стагнацией, сужением источников роста и снижением инвестиционной активности. Доля России в мировом ВВП по ППС осталась на уровне примерно 3,4%, т. е. страна по-прежнему находится в лидерах на экономической карте мира, но структура роста изменилась²⁰.

Таким образом, на фоне усиления общей тенденции к экономической регионализации и роста глобальной турбулентности интеграция России в мировую экономику сохранилась, страна активно участвует как в процессах мирового финансово-экономического и научно-технологического взаимодействия, так и в региональных инициативах, успешно встраиваясь в систему производственной кооперации дружественных и нейтральных стран, но стала существенно более фрагментированной²¹.

В то же время сами международные экономические отношения в силу критического давления на устойчивость глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости при происходящих серьёзных геополитических обострениях, связанных с появлением новых центров силы, на которые начинают замыкаться контуры товарных и финансовых потоков, воздействуя на формирование многополярной модели и фрагментацию валютно-финансовой системы, стали претерпевать самую масштабную за последние десятилетия трансформацию.

Библиография

Братерский М.В. Мир фрагментации на смену миру глобализации // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1. С. 18–41.

¹⁹ Широв А.А., Порфирьев Б.Н., Гусев М.С., Колпаков А.Ю. Россия в условиях регионализации мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 72–83.

²⁰ Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Научный доклад / под ред. М.Ю. Головинина. М.: ИЭ РАН, 2025. – 120 с.

²¹ *Братерский М.В.* Мир фрагментации на смену миру глобализации // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1. С. 18–41.

- Ермоловская О.Ю. Аспекты противодействия России международным финансовым санкциям // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 2. С. 591–604.
- Конопляник А.А. Энергетические отношения России и Европы: эволюция, её причины и перспективы // Форум «Глобальный энергетический диалог». ИМЭМО РАН. 2022, Москва // URL: <https://konoplyanik.ru/speeches/220930>
- Косов М.Е., Платонов А.П., Решетников С. Б., Чернышева Т.К. Влияние санкционных ограничений на финансовый и банковский секторы Российской Федерации // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 4. С. 62–82.
- Кузнецов А.В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряжённости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 56–66.
- Песоцкий А.А. Экономика России против санкционных угроз: взгляд из 2025 // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 4. С. 125–131.
- Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Научный доклад / под ред. М.Ю. Головнина. М.: ИЭ РАН, 2025. – 120 с.
- Статистика внешнего сектора // Банк России // URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs
- Тесля П.Н. Антисанкционный манёвр России // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 7. С. 1783–1800.
- Хватов А.А., Дерезянкин А.Ю. Влияние санкций на развитие информационных технологий в России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s1 // URL: <https://esj.today/PDF/6oFAVN123.pdf>
- Широв А.А., Порфирьев Б.Н., Гусев М.С., Колпаков А.Ю. Россия в условиях регионализации мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 72–83.
- <https://ecomhub.ru/parallel-import-russia-decline-2022-2025>
- <https://russian.rt.com/business/news/1575947-rossiya-kitai-torgovlya>
- <https://ura.news/news/1053056257>

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2026 г.

Статья принята к публикации 25 июня 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Финансирование террористической и иной противоправной деятельности. Правовая характеристика

Часть 3. Международное сотрудничество в сфере
противодействия финансированию терроризма и иной
противоправной деятельности*

Виктор МЕРКУРЬЕВ

Ольга БОБРОВА

Ключевым вопросом в международном сотрудничестве по противодействию терроризму и экстремизму является подрыв материальных и финансовых основ противоправной деятельности. Во многих международных документах отмечается, что количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, получаемого террористами.

Противодействие финансированию терроризма и экстремистской деятельности невозможно без международного сотрудничества. Каналы связи между органами безопасности и подразделениями финансовых разведок государств

МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* merkuriev-vui@mail.ru

БОБРОВА Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* bogomazova.olga2013@yandex.ru

Ключевые слова: Конституция РФ, федеральное законодательство, терроризм, экстремизм, межконфессиональные и межэтнические конфликты, УК РФ, валюта.

* Окончание. Начало см.: Обозреватель–Observer. 2026. № 3, 4.

при оперативном обмене информацией служат одним из самых надёжных способов предупреждения финансирования терроризма (п. 3 ст. 18 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма¹).

Именно благодаря международному сотрудничеству, которое должно осуществляться на глобальном, региональном, субрегиональном и двустороннем уровнях (последние будут дополняющими, а не взаимоисключающими²), возможно обеспечить правовую защиту личности, общества, государства и мирового сообщества от угроз, исходящих от террористов и экстремистов.

Накопленный годами опыт международных организаций* по противодействию финансированию экстремизма и терроризма, служащий неотъемлемой частью повышения его эффективности, создаёт реальную возможность избежать просчётов и ошибок.

В соответствии с п. 11 Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма³ основными задачами по расширению участия Российской Федерации в международном сотрудничестве являются:

- а) усиление конструктивного взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами в рамках Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и региональных групп, созданных по её типу, с учётом приоритетного партнёрства со странами БРИКС;
- б) разработка и реализация новых форм и процедур взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полу-

ченных преступным путём, и финансированию терроризма в рамках Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности и других интеграционных механизмов в Евразийском регионе;

- в) создание с использованием ресурсов Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и национальной системы механизмов мониторинга рисков и угроз, возникающих в Евразийском экономическом союзе, в целях обеспечения его экономической безопасности;

- г) содействие повышению эффективности функционирования и укреплению позиций Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма;

- д) совершенствование методики проведения международных расследований уголовных дел, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, и финансированием терроризма, и форм участия в таких расследованиях российских специалистов;

- е) развитие взаимодействия Росфинмониторинга с подразделениями финансовой разведки иностранных государств по вопросам нарушения

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята Генеральной Ассамблеей ООН. Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

² *Волеводз А.Г.* Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 151.

³ Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма от 30 мая 2018 г. (утв. Президентом Российской Федерации 30.05.2018) // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310>

* Международные организации правоохранительной направленности: Международная организация уголовной полиции (Интерпол), национальные центральные бюро государств – членов Интерпола, Европейский союз (Европол), Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП).

российскими гражданами требований и запретов, установленных законодательством о противодействии коррупции;

ж) создание системы предоставления технической помощи подразделениям финансовой разведки развивающихся стран в целях реализации российских интересов;

з) укрепление международного сотрудничества в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма на уровне органов, осуществляющих контроль (надзор) за деятельностью финансовых организаций;

и) заключение двусторонних и многосторонних международных договоров о возврате имущества, незаконно приобретённого и (или) образованного в результате легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, и в последующем конфискованного в результате международного сотрудничества.

Российская Федерация входит в состав:

– Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) в соответствии с Соглашением о Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (Москва, 16.06.2011) и принимает участие в реализации Стратегии ЕАГ на 2024–2028 гг. (39-е пленарное заседание, 2023 г.);

– Антикоррупционной рабочей группы (АКГ) БРИКС (в том числе рассматривающей вопросы возврата преступных активов и противодействия финансированию терроризма);

– Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС, действующей во исполнение Концепции сотрудничества государств – членов ШОС в борь-

бе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (утв. решением Совета глав государств – членов ШОС № 1 от 05.06.2005). Различные аспекты противодействия финансированию терроризма отражены в Тяньцзиньской декларации Совета глав государств – членов ШОС (принята в г. Тяньцзине 01.09.2025), Бишкекской декларации Совета глав государств – членов ШОС (принята в г. Бишкеке 14.06.2019);

– Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) и Антитеррористического центра государств – участников СНГ (АТЦ);

– Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Под её эгидой проводится большая работа по выработке согласованной уголовно-правовой политики, унификации и гармонизации национального законодательства в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом государств – участников СНГ⁴. Периодически осуществляются профилактические, оперативно-разыскные мероприятия и специальные операции по предупреждению, выявлению и пресечению террористических актов и иных насильственных проявлений экстремизма, а также причастных к данной преступной деятельности организаций и лиц на территориях государств – участников СНГ. Одновременно проводится работа по выявлению и ликвидации каналов и источников финансирования терроризма и иных насильственных проявлений экстремизма, по осуществлению межгосударственного розыска лиц, совершивших или подозреваемых в совершении преступлений террористического и экстремистского характера, оказывается содействие в их экстрадиции;

– Парламентской Ассамблеи ОДКБ, в рамках которой разрабатываются модельные и рекомендательные нормативные правовые акты для госу-

⁴ Модельный закон о противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств (принят в г. Санкт-Петербурге 04.12.2004 постановлением 24-5 на 24-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ); Постановление № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ» (принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013); Модельный закон о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.2008 постановлением 30-10 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).

дарств – участников, затрагивающие в том числе вопросы противодействия финансированию терроризма⁵.

После начала СВО отношения России в сфере противодействия финансированию терроризма и экстремистской деятельности существенно осложнились как с Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (приостановка членства России в организации произошла 24 февраля 2023 г.), так и с рядом иностранных государств.

Законодательное закрепление получил термин *недружественные государства*⁶; был принят ряд нормативных правовых актов, определяющих особенности осуществления транзакций с лицами, являющимися резидентами недружественных государств, которые требуют дополнительного внимания со стороны уполномоченных органов в сфере ПОД/ФТ; произошло формирование новых направлений сотрудничества.

3 декабря 2025 г. Европейская комиссия опубликовала решение о включении России в перечень так называемых третьих стран с высоким уровнем риска в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ)⁷.

Негативная политизация рядом зарубежных стран взаимодействия с Россией привела к их отказу от сотрудничества, что существенно

влияет на эффективность работы в сфере ПОД/ФТ и является значительной проблемой, создавая новые угрозы и вызовы для нашего государства.

Сфера ПОД/ФТ имеет свои особенности, так как речь идёт не только о предотвращении незаконных операций внутри страны (отмывание денежных средств, финансирование преступной деятельности, обналичивание и др.), а тесно связана с недопущением финансирования преступной международной деятельности. Поэтому эффективное обеспечение решения поставленных задач в сфере ПОД/ФТ невозможно без международного сотрудничества, поскольку в противном случае это приведёт к созданию лазеек для незаконных операций и функционирования теневых рынков, что будет наносить непоправимый ущерб финансовой системе и экономике страны.

Активная роль в организации международного сотрудничества принадлежит Росфинмониторингу, который выстраивает отношения с рядом стран Азии, Ближнего Востока, поскольку движение капитала было переориентировано преимущественно на эти направления.

Так, директор Росфинмониторинга Ю.А. Чиханчин избран председателем Евразийской группы

⁵ Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности (принят 19.12.2023 постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи ОДКБ) // URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatelnyy-glossariy-terminov-i-opredeleniy-gosudarstv-98e7e712-01ff-4efc-aaac-291fb8b44875>

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1861789/

⁷ <https://fedsfm.ru/releases/9343>

по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма на 2026–2027 гг.

Росфинмониторинг принимает участие в работе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег на Ближнем Востоке и в Северной Африке (МЕНАФАТФ) и др.

При Росфинмониторинге:

- действует Международный учебно-методический центр финансового мониторинга (МУМЦФМ), деятельность которого направлена на обмен лучшими практиками в области противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, укрепление взаимодействия по линии оказания технического содействия дружественным государствам, в том числе странам Ближнего Востока и Северной Африки, и повышение потенциала национальных антиотмывочных систем;

- функционирует Международный сетевой институт (МСИ) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ);

- работает научно-образовательный консорциум, созданный Росфинмониторингом (декабрь 2013 г. при поддержке Минобрнауки РФ и Федерального агентства научных организаций (ФАНО).

Историческим событием стала разработанная Генеральной прокуратурой России при координации МИД России Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности (подписана 25 октября 2025 г., Ханой, СРВ)⁸.

Конвенция призвана противостоять противоправным действиям в цифровой сфере, которые нередко связаны с терроризмом, пропаган-

дой экстремизма, незаконным оборотом наркотиков и оружия.

Несмотря на непростую международную обстановку, благодаря поддержке большинством стран мира выдвинутой Россией в 2019 г. инициативы по разработке универсального международного договора о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, дипломаты и представители правоохранительных органов государств – членов ООН смогли объединить усилия, чтобы подготовить и согласовать документ, который уже подписали более 80 государств. Россия тем самым доказала свою приверженность открытому сотрудничеству с другими странами в этой области.

Конвенция имеет огромное значение для всего мирового правоохранительного сообщества по двум основным причинам:

- *во-первых*, обеспечивает более прочную правовую и операционную основу для скоординированных действий по борьбе с киберпреступностью, способствуя унификации в вопросах криминализации киберпреступлений, устанавливая процессуальные правила для обмена электронными доказательствами и укрепляя международное сотрудничество в области предупреждения и технической помощи;

- *во-вторых*, закрепляет за Интерполом статус центральной платформы для международного сотрудничества за счёт прямых

⁸ Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей ООН от 24.12.2024) // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>

ссылок в гл. 5 (ст. 37, 40, 41 и 47), которые охватывают положения об экстрадиции, взаимной правовой помощи, правоохранительном со-

трудничестве и круглосуточных сетях для взаимодействия полиции в борьбе с компьютерными преступлениями.

Минимизация рисков мошеннических действий, используемых для финансирования терроризма и иной противоправной деятельности в условиях проведения СВО

При изучении вопроса, связанного с масштабами финансирования экстремистской и террористической деятельности, нужно проанализировать современные тенденции, которые могут способствовать увеличению или сокращению числа подобных преступлений. Использование при их совершении информационно-телекоммуникационных технологий оказывает существенное влияние на способы совершения подобных преступлений. Данную категорию преступлений характеризует следующее:

- использование социальных сетей, мессенджеров, видеосервисов;
- использование современных финансовых технологий.

Для получения финансовых ресурсов члены преступных организаций используют в своей преступной деятельности современные платёжные системы (*Western Union, American Express, PayPal, VisaTransfer, Яндекс.Деньги,*), внутриигровую валюту и криптовалюту;

- использование криптовалют из-за их децентрализованной структуры и анонимности существенно препятствует отслеживанию финансовых транзакций, что в свою очередь затрудняет пресечение каналов ФТиЭД;

– анонимность ФТиЭД обусловлена замаскированным характером проводимых транзакций; использованием *VPN-сервисов*, позволяющих подменить *IP-адрес* участников финансирования и защищённых каналов связи, которые обеспечивают высокую степень конфиденциальности. Всё это не только создаёт трудности выявления и пресечения ФТиЭД, но и значительно увеличивает уровень латентности данных преступлений;

– транснациональный характер, обуславливающий перемещение денежных средств за пределы государства;

– использование социальной инженерии и манипуляций.

Экстремистские и террористические организации применяют фишинг, мошеннические схемы и другие тактики, которые направлены на дезориентацию и введение в заблуждение законопослушных граждан;

– адаптация к изменяющимся условиям.

Участники ФЭиТД показывают высокую степень адаптивности к изменениям в законодательстве и мерам, применяемым правоохранительными органами для противодействия данным преступлениям, постоянно реорганизуют свою

деятельность, совершенствуют алгоритмы поступления финансовых и материальных средств⁹.

Отдельно необходимо остановиться на преступлениях в информационно-телекоммуникационной сфере.

В России в структуре преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, ежегодно преобладают мошенничества (ст. 159 УК РФ).

На их долю в 2020 г. приходилось 41,2% от общего количества зарегистрированных преступлений, совершённых с использованием ИКТ, в 2021 г. – 46,1%, в 2022 г. – 47,9%, в 2023 г. – 52,2%; в 2024 г. – 49,6%.

Количество совершаемых при помощи ИКТ мошенничеств (ст. 159 УК РФ) неуклонно растёт.

Так, если в 2020 г. было зарегистрировано 210 493 таких деяний, то в 2021 г. – 238 560 (+13,3%), в 2022 г. – 249 984 (+4,8%), в 2023 г. – 353 201 (+41,3%), в 2024 г. – 379 762 (+7,5%).

Это представляет собой преимущественно дополнительный способ финансирования терроризма.

Высокая актуальность проблемы современной высокотехнологичной преступности потребовала её отдельного рассмотрения на координационном совещании руко-

водителей правоохранительных органов, на котором отмечалось, что основной массив установленных по уголовным делам лиц составляют рядовые исполнители (курьеры, закладчики, операторы и т. д.).

Необходимо указать процедуры, направленные и предпринятые для предотвращения совершения мошеннических действий с ИКТ:

- с 1 марта 2025 г. граждане вправе установить для себя запрет на получение кредитов, займов и кредитных карт (ФЗ от 26.02.2024 № 31-ФЗ). Активировать самозапрет или снять его возможно через Госуслуги и в МФЦ. Кроме выдачи кредитов ограничения можно наложить и на другие операции, например, на переводы;

- ФЗ от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ введён так называемый период охлаждения для получения кредитов;

- введена спецкнопка для жалоб в банковском приложении;

- с 1 октября 2025 г. крупные и системно значимые банки ввели для клиентов возможность отправлять жалобы на мошенников через приложение. Также банки обязали выдавать клиентам справки о мошеннической операции для последующего обращения в органы МВД России¹⁰;

- введён приём банками обращений о внесении средств на токенизированные карты*;

- с 1 октября 2025 г. банки обязаны принимать от всех граждан обращения по операциям, совершённым под давлением мошенников, в том числе речь идёт о внесении наличных на счета мошен-

⁹ Глуценко П.А. Современные масштабы и тенденции финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Экономика и право». 2025. Т. 35. Вып. 1. С. 116–122.

¹⁰ Положение Банка России от 30 января 2025 г. № 851-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411601713/>

* Токенизированные карты создаются в смартфоне при привязке в приложении Mir Pay или подобных сервисах номера карты, «выданной» мошенниками, действующими под видом сотрудников ЦБ, для «внесения средств на безопасный счёт».

ников через банкоматы с помощью токенизированных карт¹¹;

– установлено обязательное уведомление банком родителей о выдаче карты ребёнку;

– принят ФЗ от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Законом закреплена возможность онлайн-обмена информацией между государственными

органами, банками и цифровыми платформами. Автоматический мониторинг позволит практически моментально выявлять подозрительные действия, блокировать их и уведомлять правоохранительные органы о потенциальных преступлениях.

Безусловно, данные меры во многом создают дополнительную защиту от мошеннических действий, однако об их эффективности можно будет судить только по результатам борьбы с преступностью за 2026 г.

Совершенствование форм реагирования правоохранительной системы на появление новых методов осуществления преступной деятельности

В рекомендациях Группы разработки финансовых мер ФАТФ¹² отмечается, что методы и техника отмывания денег меняются в ответ на развитие контрмер. ФАТФ констатирует, что преступность изобретает всё более сложные комбинации, такие как растущее использование юридических лиц для сокрытия истинного владения и контроля преступными доходами и возросшее использование профессионалов для получения помощи в отмывании преступных доходов. Эта устойчивая тенденция больше всего характерна для данного вида преступлений.

В связи с изложенным приоритетными мерами совершенствования реагирования правоохранительной системы на появление новых методов осуществления преступной деятельности в данной сфере являются следующие.

1. В сфере международного сотрудничества правоохранительных органов:

1.1. Всестороннее расширение участия России в международном сотрудничестве правоохранительных органов на площадках ЕАГ, БРИКС, ШОС, СНГ, ОДКБ по противодействию финансированию терроризма и иной противоправной деятельности, а также на межгосударственном уровне.

1.2. Укрепление международного сотрудничества правоохранительных органов государств-членов по следующим направлениям:

– повышение эффективности выполнения запросов об оказании правовой помощи и экстрадиции;

– расширение практики использования совместных международных следственных групп;

– возможное введение механизмов упрощённой экстрадиции;

¹¹ Положение Банка России от 30 января 2025 г. № 851-П.

¹² The FATF Recommendations (последнее обновление в октябре 2025 г.) // URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html>

- организация взаимного двустороннего обмена данными о схемах и методах финансирования терроризма и иной противоправной деятельности, выявляемых в трансграничных преступлениях;

- создание механизмов и инструментов для упрощения международного обмена информацией;

- продолжение деятельности по реализации мер по противодействию транснациональной преступности на основе непрерывного мониторинга криминальной обстановки, взаимного обмена информацией, практики проведения совместных тактических операций, оперативно-профилактических и оперативно-разыскных мероприятий.

2. В сфере повышения эффективности сотрудничества правоохранительных органов с гражданами, их объединениями и организациями:

2.1. Противодействие финансированию терроризма и иной противоправной деятельности требует организации взаимодействия правоохранительных органов не только с финансовыми учреждениями, но и другими секторами, являющимися уязвимыми, в рамках которых используются новые способы движения средств (например, через предоплаченные карты, системы мобильных платежей, виртуальные активы и т. д.). Кроме этого, к уязвимым секторам относятся крупные промышленные, добывающие и обрабатывающие отрасли, рынки и др.

Поэтому надлежит проводить на систематической основе консультации с сотрудниками подразделений Росфинмониторинга и правоохранительных органов, представителями частного сектора из различных сфер.

2.2. Преодоление трудностей в обмене значимой информацией, которая может способствовать раскрытию преступлений, связанных с финансированием терроризма и иной противоправной деятельностью, на добровольной основе.

Отсутствие надлежащего правового регулирования и практика неформальной передачи оперативно-значимой информации, препятствующие использованию сведений в качестве доказательств по уголовному делу, не позволяют обеспечивать своевременное выявление подозрительной активности преступников.

Пробелы в законодательной базе, как правило, затрагивают социальные сети и краудфандинговые платформы, которые используют террористы и экстремисты для сбора и перемещения средств и которые не являются подотчётными субъектами, обязанными направлять информацию о подозрительных операциях.

Поэтому целесообразно создание специальных подразделений, специализирующихся на сборе разведывательных данных, мониторинге и расследованиях по делам, связанным с использованием социальных сетей в целях ФТгЭД.

2.3. Решение оперативных и технических трудностей при обмене информацией между правоохранительными органами и частным сектором возможно с использованием не шаблонной передачи данных, а за счёт создания специальных коммуникационных платформ с технологиями повышенной конфиденциальности. Это будет способствовать созданию стабильной и прозрачной финансовой системы, свободной от преступных операций, создающих угрозу суверенитету государства.

3. В сфере профилактики финансирования терроризма и иной противоправной деятельности:

- повышение эффективности разъяснительной работы с населением и участниками финансово-экономической деятельности, выработка экономических, административных и иных мер профилактики для отдельных категорий населения и профессиональных групп, которые могут быть причастными к осуществлению финансирования экстремистской и террористической деятельности;

- разработка новых форм профилактического воздействия (рассылка информации профилактического характера пользователям социальных сетей и мессенджеров, проведение профилактических мероприятий с трудовыми коллективами, организация специализированных профилактических учётов, организация каналов обратной связи с населением и др.).

4. В информационной сфере:

- активизация противодействия использованию информационных технологий для финансирования терроризма и иной противоправной деятельности;

- всестороннее повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям;

- создание при участии ФСБ России и МВД России информационно-технологических паспортов безопасности для цифровых платформ и экосистем, а также социальных сетей.

5. В миграционной, пограничной и трансграничной сферах:

- усиление контроля за лицами, прибывающими в Россию, в целях

своевременного противодействия совершению ими преступлений и иных правонарушений, связанных с финансированием терроризма и иной противоправной деятельности;

- обеспечение простоты, прозрачности процедур и понятности осуществления трудовой и экономической деятельности мигрантами, предотвращение вовлечения их в теневую занятость и нелегальную экономическую деятельность.

6. В уголовно-процессуальной сфере.

Регламентация порядка и правил сбора и использования цифровых доказательств, применения специальных технических средств и программного обеспечения в процессуальной деятельности, а также дистанционного формата фиксации доказательств вызвана настоятельной необходимостью повышения уровня противодействия преступлениям, связанным с указанными преступлениями.

Проблемными аспектами в данных вопросах остаются различия в судебных системах и требованиях к доказательствам, так как финансирование терроризма, экстремизма и иной противоправной деятельности, как правило, носит межгосударственный, трансграничный характер. Электронные доказательства (электронная переписка, банковские транзакции, цифровые следы) становятся важным элементом уголовных расследований. Сотрудничество в этой сфере требует унификации стандартов признания электронных доказательств и упрощения процедур их передачи между государствами. Сбор электронных доказательств на территории иностранного государства по запросам

российской стороны в значительной степени зависит от внутреннего законодательства России. Отсутствие единообразного правового регулирования может повлечь недопустимость доказательств из-за различий в процедурных правилах, а также в порядке регулирования защиты данных.

Учитывая актуальность и значимость проблемы, следовало бы внести изменения и дополнения в Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ в части легального определения понятия электронных доказательств, совершенствования правовых основ и механизмов их сбора и использования при производстве по уголовным делам, в том числе в порядке оказания правовой помощи.

Также необходимо внедрение новых процессуальных (следственных)

действий в цифровой среде с использованием машинного обучения и специальных программных комплектов.

Такие процессуальные действия необходимы по большинству уголовных дел о преступлениях, совершаемых с использованием ИКТ. Кроме того, внедрение специальных технических средств и программного обеспечения позволит разработать новую систему процессуальных (следственных) действий в онлайн-среде (например, онлайн-обыск, онлайн-выемка и т. д.).

Законодательное внедрение подобных дополнительных процессуальных (следственных) действий обуславливает потребность регулирования хранения, сохранности и неизменности получаемой, представляющей интерес компьютерной информации¹³, а также внедрение новых цифровых компетенций среди участников уголовного судопроизводства, осуществляющих уголовное преследование, и, как следствие, привлечение дополнительных финансовых ресурсов.

Выработка мер, направленных на выявление и перекрытие каналов финансирования терроризма и иной противоправной деятельности

На современном этапе в России выявлены следующие основные каналы финансирования терроризма и иной противоправной деятельности, к которым могут быть применимы следующие меры их выявления и перекрытия:

1. Привлечение средств в Интернете (в том числе через социальные сети, мессенджеры, в также посредством краудфандинга).

В условиях развития информационных технологий, интеграции онлайн-сервисов во все сферы жизни, а также ограничений на физическое перемещение лиц, сбор денежных средств в Интернете всё более широко используется террористами, экстремистами и иными радикалами, а также их объединениями.

Привлечение средств физических лиц осуществляется как открытым путём (непосредственно

¹³ Приказ Федерального архивного агентства от 31 июля 2023 г. № 77 «Об утверждении правил организации хранения, комплектования, учёта и использования документов архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=455450>

на нужды финансирования террористической и экстремистской деятельности), так и посредством обмана пользователей сети Интернет (например, под видом осуществления благотворительной деятельности). Для этого используются реквизиты банковских карт, электронных кошельков и виртуальных активов, номера мобильных телефонов.

Таким образом, использование возможностей Интернета позволяет преступникам осуществлять сбор денежных средств от широкого круга лиц в различных регионах мира.

Проблемы: недостаточное регулирование сектора виртуальных активов для осуществления расчётов между физическими лицами; ограниченность требований, обеспечивающих сопровождение информации об отправителе и получателе перевода в электронных средствах платежа; неудовлетворительное регулирование вопросов использования иностранных поставщиков платёжных услуг.

Предлагаемые меры: доработка законодательного регулирования сферы оборота виртуальных активов, в том числе за счёт внесения дополнений в ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (например, идентификация владельцев цифровых активов и обеспечение доступа правоохранительных органов к ключам их хранилищ, а также разработка регулирования зарубежного и частного рынков ЦФА, прежде всего в правовом пространстве Таможенного союза в рамках ЕАЭС); установление сотрудничества правоохранительных органов с владель-

цами и операторами социальных сетей, мессенджеров, краудфандинговых платформ.

2. Самофинансирование за счёт легальных доходов.

Это является одним из наиболее распространённых способов сбора средств.

Лица, нуждающиеся в средствах для выезда в зоны боевых действий для присоединения к действующим МТО, осуществления террористической и экстремистской деятельности или её финансирования на территории страны, в первую очередь прибегают к поиску легальных источников дохода: заработная плата, социальные выплаты, заёмные средства, продажа (сдача в аренду) недвижимого и движимого имущества, законная предпринимательская деятельность.

Проблемы: недостаточное регулирование ограничений для лиц, включённых в Перечень террористов и экстремистов, быть учредителями или руководителями коммерческих организаций; отсутствие детальных требований по замораживанию движимого имущества; функционирование серой и чёрной экономики, а также криминальных рынков, получение заработной платы в конвертах.

Предлагаемые меры: принятие комплекса мер по борьбе с теневой экономикой и криминальными рынками, а также повышение контроля за расходами физических лиц.

3. Привлечение средств за счёт материальной помощи от родственников и иных лиц.

Многими террористами и экстремистами, осуществляющими подготовку к осуществлению противоправной деятельности (как внутри стра-

ны, так и выезда за рубеж для участия в боевых действиях, в экстремистской деятельности, направленной против национальной безопасности России), помимо самофинансирования также ведётся активное привлечение денежных средств или иного имущества (например, обмундирования, продуктов питания, средств связи и т.п.) от родственников и иных лиц, в том числе членов этнических диаспор (внутри страны и за рубежом).

Согласно материалам следственной и судебной практики, указанный способ сбора средств является одним из самых распространённых среди террористов и экстремистов, планирующих либо уже совершивших перемещение в зоны боевых действий. Вместе с тем суммы, собираемые для каждого конкретного лица, как правило, незначительны.

Проблемы: использование альтернативных (неформальных) систем переводов денежных средств, в том числе функционирующих вне рамок традиционного финансового рынка (осуществление трансграничных платежей и переводов денежных средств).

Предлагаемые меры: принятие мер по ограничению использования альтернативных (неформальных) систем переводов денежных средств путём повышения прозрачности их функционирования; организация профилактических мероприятий с родственниками и близкими лиц, причастных к осуществлению террористической и экстремистской деятельности.

4. Привлечение средств с использованием незаконных способов их получения.

Террористические и экстремистские организации прилагают значительные усилия для диверсификации финансовых потоков. Это позволяет

им гибко реагировать на изменения обстановки, переключаясь с одних способов получения дохода на другие.

К числу основных незаконных источников относятся незаконная предпринимательская деятельность, доходы от совершения общеуголовных преступлений, вымогательства, похищения людей и др.

Членами террористических и экстремистских организаций может формироваться имущественная база за счёт собственных взносов, представляющих собой прибыль от реализации запрещённых к свободному обороту товаров либо совершения иных предикатных преступлений.

Преступники также активно вовлечены в преступную деятельность в сфере финансово-цифровых отношений: кликджекинг (использование в целях скрытого криптомайнинга ресурсов компьютера пользователя, который зашёл на конкретный интернет-ресурс), взлом цифрового платёжного портала в Интернете (в том числе за счёт методов социальной инженерии), фишинг (создание псевдокриптосайта), киберсаботаж (взлом серверов и проч.), отмыwanie денежных средств с помощью криптовалют и специальных программ микшеров (при отсутствии должной правовой защиты граждан криптоэкономике весьма высоки), продажа-покупка запрещённых к легальному обороту товаров за криптовалюту.

Проблемы: активное развитие ИКТ (технических средств, программных продуктов (услуг), сервисов информационной коммуникации), позволяющих анонимно осуществлять незаконную (в частности, мошенническую) деятельность.

Предлагаемые меры: активизация разработки специальных профилей и финансовых индикаторов, описывающих взаимосвязь организованной преступной деятельности и международных террористических и экстремистских организаций.

5. Привлечение средств с использованием некоммерческих организаций.

Неправомерное использование некоммерческих организаций в преступных целях может осуществляться следующими способами:

- использование подконтрольных преступникам некоммерческих организаций для сбора средств под видом благотворительной деятельности. Террористические группировки и экстремистские объединения создают различные фонды, через которые ведётся сбор пожертвований на «благотворительность». При этом «дарители» могут быть не осведомлены об истинных целях переводов;

- использование территории религиозной организации для сбора средств и вербовки лиц в ряды сторонников радикальных учений. Террористы могут под видом сотрудников НКО или обычных прихожан осуществлять мониторинг контингента, посещающего территорию религиозной организации, для выявления и склонения лиц к участию в террористической деятельности или её финансированию;

- введение в заблуждение реально действующих НКО для неправомерного получения террористами и экстремистами (связанными с ними лицами) средств, предназначенных для благотворительных целей.

Проблемы: недостаточность регулирования порядка сбора денежных средств некоммерческими организациями, в том числе через их зачисление на банковский счёт НКО.

Предлагаемые меры: усиление контроля и надзора за финансовой деятельностью НКО.

6. Перемещение средств в форме наличных денежных средств или иного имущества.

Полученные на этапе сбора средства в форме наличных денег, денежных инструментов (дорож-

ные и банковские чеки, векселя и иные ценные бумаги на предъявителя или иного имущества, в том числе драгоценные металлы и камни, предметы роскоши, исторические и культурные ценности, транспортные средства, могут перемещаться как внутри страны (например, на нужды террористических и экстремистских формирований, действующих в отдельных регионах), так и через государственную границу (на территории, приграничные с зонами боевых действий, либо наоборот – в сторону России из граничащих с ней государств для подпитки местных ячеек МТО, финансирования террористических актов и экстремистской деятельности).

Для перемещения средств между государствами могут использоваться различия в правоприменительной практике по организации таможенного контроля. Применение наличной валюты и денежных инструментов для вывода средств за рубеж осложняет возможности отслеживания источников их происхождения и путей их дальнейшего использования из-за перемещения без необходимости их декларирования (ввиду объёмов существенно меньше установленных порогов) либо с нарушениями в порядке декларирования (контрабандным путём).

Проблемы: высокий уровень расчётов наличными денежными средствами; злоупотребление действующими механизмами интеграции в рамках ЕАЭС для перемещения наличной валюты между странами-членами.

Предлагаемые меры: продолжить работу по налаживанию механизмов обмена информацией в сфере ПОД/ФТ при перемещении наличных средств и инструментов через таможенную границу ЕАЭС; активизировать работу по реализации Соглашения об обмене информацией в сфере ПОД/ФТ; подготовить и довести до сведения правоохранительных органов руководящие указания о практике по делам о не-

законном пересечении государственной границы и преступлениях, связанных с незаконной миграцией.

7. Перемещение средств с использованием банковских счетов и банковских карт.

Выявление операций, связанных с использованием банковских карт и счетов осложняется высокой степенью доступности, скоростью обработки и большим объёмом банковских переводов. Ещё больше выявление преступной деятельности усложняет использование банковских карт, эмитированных иностранными кредитными организациями.

Собранные для финансирования терроризма и иной противоправной деятельности денежные средства могут перемещаться по банковским картам физических лиц как внутри страны, так и за её пределы.

Например, наиболее часто финансирование деятельности МТО на территории Сирии, Ирака, Афганистана осуществляется за счёт денежных переводов через кредитные учреждения. При этом нередко намеревающиеся выехать в Сирию или Ирак лица берут банковскую карту с собой для получения финансирования после вступления в МТО. Затем денежные средства обналичиваются на территориях, приграничных к зонам боевых действий.

Проблемы: уязвимости, связанные с недостаточным контролем за использованием банковских карт и банковских счетов.

Предлагаемые меры: повышение эффективности межгосударственного сотрудничества в банковской и финансовой сферах для увеличения прозрачности финансовых операций, введения алгоритмов автоматического мониторинга и блокировки подозрительных операций, а также технологий поведенческого контроля (анализ нетипичного по-

ведения клиентов – от числа и скорости транзакций до изменения шаблонов входа), усиления информационного взаимодействия.

8. Перемещение средств с использованием электронных кошельков.

В схемах финансирования терроризма и экстремистской деятельности продолжают использоваться электронные кошельки. Собранные денежные средства могут перемещаться по электронным кошелькам как внутри страны, так и за её пределы, и использоваться как для получения наличных денежных средств, так и для оплаты товаров и услуг.

Проблемы: уязвимости, связанные с имеющимися правовыми пробелами и недостаточным контролем за использованием электронных кошельков.

Предлагаемые меры: усиление контроля за использованием электронных кошельков для предотвращения совершения по ним несанкционированных транзакций.

9. Перемещение средств с использованием систем денежных переводов без открытия счёта.

Осуществление перечислений средств с использованием систем денежных переводов без открытия банковского счёта и почтовых переводов денежных средств в зоны с повышенной террористической и экстремистской активностью либо приграничные к ним юрисдикции является одним из наиболее популярных способов.

В качестве отправителя и получателя переводов могут выступать одни и те же лица в пунктах, находящихся на значительном удалении друг от друга (разные страны, города). В частности, лица, работающие в других государствах, могут направлять денежные средства под видом материальной помощи родственникам в свои страны посред-

ством переводов без открытия банковского счёта. В действительности указанные средства получают члены местных или международных террористических организаций, а также экстремистских объединений.

Несмотря на то что с 30 мая 2025 г. в России вступил в силу закон¹⁴, согласно которому перевести без открытия счёта по упрощённой идентификации можно не более 100 тыс. руб.^{*}, проблемы в указанной сфере остаются, так как в отдельных случаях для осуществления экстремистской и террористической деятельности не требуются значительные денежные средства.

Проблемы: более простые требования к проведению идентификации отправителя и получателя денежных средств (по сравнению с банковскими счётами); трудности реализации полного объёма контрольно-надзорных мер в условиях ограниченности времени, предоставляемого на принятие решения об отсутствии признаков подозрительности осуществляемого клиентом перевода денежных средств без открытия банковского счёта.

Предлагаемые меры: реализация комплекса мер по дальнейшему усилению требований к использованию систем денежных переводов без открытия счёта.

10. Перемещение средств с использованием нерегулируемых провайдеров продуктов и услуг.

Анализ информации, поступающей от участников национальной системы ПОД/ФТ, свидетель-

ствует о том, что МТО всё более активно используют возможности нерегулируемых субъектов для финансирования терроризма.

Существующие возможности получения доступа через Интернет к электронным кошелькам, зарегистрированным за рубежом, обеспечивают популярность данного способа перемещения средств. Использование неформальных систем денежных переводов позволяет перемещать денежные средства для террористических и экстремистских организаций, в зоны боевых действий, приграничные с ними регионы и иные высокорисковые территории.

Кроме того, в схемах финансирования терроризма и экстремистской деятельности может использоваться внутриигровая валюта в онлайн-играх для создания сложной сети транзакций между участниками, осуществляющими куплю-продажу игровых активов среди поддельных учётных записей, и последующим выводом средств на платёжные реквизиты, зарегистрированные в разных государствах.

Проблемы: неурегулированность вопросов использования электронных кошельков, выпущенных за рубежом (в том числе в государствах, имеющих неэффективную систему ПОД/ФТ); лёгкость получения доступа к платёжному сервису посредством Интернета без проведения надлежащей идентификации.

Предлагаемые меры: выработка дополнительных мер, направленных на регламентацию механизмов использования электронных кошельков, выпущенных за рубежом, а также по использованию внутриигровой валюты в онлайн-играх.

¹⁴ Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и статью 10 Федерального закона “О национальной платёжной системе”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50651>

^{*} Если необходимо перевести более 100 тыс. руб., нужно пройти полную идентификацию или совершить перевод с использованием своего банковского счёта.

11. Перемещение средств с использованием услуг некредитных финансовых организаций и установленных нефинансовых предприятий и профессий (УНФПП)*.

Несмотря на имеющийся международный опыт использования предоставляемых указанными организациями услуг, в России данный способ недостаточно изучен и редко используется, так как требует дополнительных действий со стороны террористов и экстремистов.

При этом в отдельных схемах перемещения средств на цели финансирования терроризма и экстремистской деятельности могут также использоваться лицевые счета абонентов операторов связи. Указанные инструменты позволяют перемещать денежные средства с одного лицевого счёта на другой через пополнение баланса одного счёта за счёт остатка на другом. Также денежные средства могут аккумулироваться на лицевом счёте абонента и использоваться напрямую для оплаты различных услуг и сервисов.

Проблемы: существует возможность использования лицевых счетов абонентов связи, в том числе оформленных на подставных лиц, для аккумулирования и перемещения денежных средств в целях финансирования терроризма на иные лицевые счета либо вывода остатка на счёте на платёжные реквизиты или в наличную форму.

Предлагаемые меры: активизировать работу Росфинмониторинга по проведению мониторинга соблюдения операторами связи обязанности по проверке достоверности сведений об абонентах и сведений о пользователях услугами связи; усиление контроля.

12. Перемещение средств с использованием юридических лиц.

Использование подконтрольных террористам и экстремистам (их окружению) коммерческих организаций позволяет проводить финансовые операции по перемещению средств в крупных объёмах под видом осуществления легальной финансово-экономической деятельности. Но использование юридических лиц требует дополнительных усилий (например, создания новой либо приобретения уже существующей компании), что в совокупности с действующими механизмами контроля за правомерностью осуществления финансовых операций, в том числе со стороны ФНС России**, Банка России и Росфинмониторинга, снижает популярность данного способа для перемещения средств.

Проблемы: отсутствие ограничений для лиц, включённых в Перечень террористов и экстремистов, являться руководителями или учредителями коммерческих организаций.

* К некредитным финансовым организациям и нефинансовым предприятиям и профессиям относятся: страховые компании; организации, осуществляющие скупку, куплю-продажу драгоценных металлов и драгоценных камней, ювелирных изделий; организации, содержащие тотализаторы и букмекерские конторы; организации, оказывающие посреднические услуги при осуществлении сделок купли-продажи недвижимого имущества; микрофинансовые организации; операторы связи, имеющие право самостоятельно оказывать услуги подвижной радиотелефонной связи, а также операторы связи, занимающие существенное положение в сети связи общего пользования, которые имеют право самостоятельно оказывать услуги связи по передаче данных; профессиональные участники рынка ценных бумаг; организации федеральной почтовой связи, нотариусы, адвокаты, аудиторы, бухгалтеры, юристы.

** ФНС России проводит мероприятия налогового контроля для установления возможных рисков совершения налогоплательщиком налогового правонарушения.

Предлагаемые меры: предотвращение развития бизнеса российских юридических лиц в государствах (на территориях), не участвующих в международном сотрудничестве в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма; развитие систем риск-скоринга блокчейн-транзакций в российских финансовых институтах.

13. Перемещение средств с использованием виртуальных активов (криптовалют, токенов, *NFT*, стейблкоинов и др.) или провайдеров услуг виртуальных активов.

Одним из наиболее активно развивающихся способов перемещения средств являются переводы с использованием криптокошельков. Принимая во внимание незавершённость правового регулирования в России вопросов, связанных с виртуальными активами, а также сложности выявления и доказывания преступлений с использованием виртуальных активов, рассматриваемый способ обеспечивает высокую латентность деятельности по финансированию терроризма.

Так, отсутствие легальной инфраструктуры, позволяющей гражданам России использовать в гражданском обороте криптовалюты, иные цифровые финансовые инструменты, не связанные с операторами информационных систем и обмена в контексте Закона о ЦФА, создаёт основу для возникновения и развития риска появления дополнительных инструментов бесконтрольного оттока капиталов, так как отсутствуют меры противодействия совершению гражданами фактических цифровых операций на территории страны, в том числе с учётом возможности выбора зарубежного сервера, через Интернет.

Вышеуказанные уязвимости подчёркивают большой потенциал для дальнейшего использования виртуальных активов в незаконных целях на фоне усиления государственного контроля за ис-

пользованием легальных финансовых инструментов. Развитие финансовых технологий влияет и на теневой сектор. Криптовалюты и *P2P*-платежи активно применяются на теневом рынке, а участники схем с дропами и нелегальные кредиторы используют преимущества моментальных платежей и дистанционного обслуживания клиентов. В связи с этим указанные инструменты и схемы должны находиться в зоне особого внимания участников системы ПОД/ФТ.

Вместе с тем анализ информации, поступающей от участников национальной системы ПОД/ФТ, свидетельствует о том, что виртуальные активы редко используются для сбора и перемещения средств для финансирования терроризма (по сравнению с иными финансовыми инструментами, такими как банковские карты, электронные кошельки).

Проблемы: недостаточное законодательное регулирование в части обращения виртуальных активов (ещё более характерно для видов виртуальных активов, обеспечивающих полную анонимность транзакций в виртуальной валюте); отсутствие механизма оперативной блокировки счетов и приостановления (заморозки) переводов в виртуальных активах; возможность использования различных сервисов подмены *IP-адреса*, позволяющих получить доступ к закрытому сегменту сети Интернет, для оплаты виртуальными активами незаконных товаров.

Предлагаемые меры: доработка мер по законодательному регулированию обращения виртуальных активов; усиление взаимодействия всех надзорных органов, прежде всего Росфинмониторинга и Банка России по доработке *IT-инструментария*, позволяющего выявлять новые схемотехники в рассматриваемой сфере.

Таким образом, по рассматриваемой проблематике необходимо на законодательном уровне рассмотреть в перспективе:

- введение уголовной и административной ответственности за незаконные действия с цифровыми активами, в том числе с криптовалютами;
- системное внедрение в массовый оборот цифрового рубля;
- создание межведомственного научно-исследовательского центра по вопросам противодействия финансированию терроризма и иной противоправной деятельности.

Целесообразно:

- дополнить Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ определениями понятия электронных доказательств, правовых основ и механизмов их собирания и использования при производстве по уголовным делам, в том числе в порядке оказания правовой помощи;
- принять комплекс мер по реализации резолюции Генеральной ассамблеи Интерпола (93-я Генеральная ассамблея Интерпола, Марракеш, 27.11.2025), направленной на борьбу с растущей угрозой, исходящей от транснациональных мошеннических центров.

С этой целью необходимо:

- усилить обмен разведданными в режиме реального времени для выявления преступников, мест их нахождения и методов работы;
- проводить многонациональные совместные операции при поддержке Интерпола;
- выявлять источники финансирования противоправной деятельности и незаконных активов, связанных с мошенническими сетями;
- проводить глобальные информационные кампании, ориентированные на уязвимые группы населения.

Библиография

Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 150–160.

Глуценко П.А. Современные масштабы и тенденции финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35. Вып. 1. С. 116–122.

Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей ООН от 24.12.2024) // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>

Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма от 30 мая 2018 г. (утв. Президентом Российской Федерации 30.05.2018) // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310>

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята Генеральной Ассамблеей ООН. Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1861789/

Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и статью 10 Федерального закона “О национальной платёжной системе”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50651>

The FATF Recommendations (последнее обновление в октябре 2025 г.) // URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html>

Статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г.

Статья принята к публикации 27 мая 2026 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2027 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал
«Обозреватель—Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25

Российское измерение классических идеологий

Часть 2. Русский утопический социализм и утопизм с «русским лицом»*

Владимир ЕГОРОВ

Ольга ЗОЗУЛЯ

Как и другие классические идеологии, социализм появился в среде высших образованных слоёв российского общества. При этом идеология социализма имела два отличающихся направления: русское утопическое и научное. Направление научного социализма требует актуального прочтения. Продвигаемая отечественными марксистами стратегия общественного развития уже с момента её распространения в России конца XIX – начала XX в. не получила полного одобрения всеми сторонниками социализма, а методы её воплощения большевиками и сегодня вызывают неоднозначную оценку. Мало того, в отечественной имплементации научного социализма были сделаны большие, обусловленные политической конъюнктурой отступления от классического немецкого содержания этих идей.

С другой стороны, применение в современном академическом дискурсе понятия «научный социализм» вполне оправдано тем, что его распространение и развитие в нашей стране не являлось следствием

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail:* korrka@mail.ru

ЗОЗУЛЯ Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail:* ozozulya@mail.ru

Ключевые слова: классические идеологии, консерватизм, либерализм, национализм, социализм, анархизм.

* Окончание. Начало см.: 2026. № 4.

рефлексии общественной практики и даже значительно расходилось с таковой, но являлось во многом результатом заимствования и попыток воплощения, даже без интеллектуальной адаптации к «почвенной» реальности. Таким образом, научный социализм оставался не руководством к практике, а предметом широкого теоретизирования и прогнозирования.

Теоретические взгляды строителей социализма менялись в зависимости от решаемых задач, вносились коррективы в почерпнутые из марксизма представления о его облике.

Так, дискуссия с теми, кто увидел в новой экономической политике «крах коммунизма», Н.И. Бухарин (1888–1938 гг.) писал: «На самом деле “крах коммунизма” был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так называемого военного коммунизма. Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, не мог представлять себе всей сложности того пути, по которому ему придётся идти»¹.

Присутствие оригинального дискурса научного социализма оправдано и в современном академическом пространстве, *во-первых*, потому что социальная организация, обусловленная рыночной экономической системой, даёт основание сомневаться в стабильности даже в среднесрочной перспективе и актуализирует задачу выработки альтернативных вариантов общественного устройства, а *во-вторых*, потому что социальные тенденции, проявляющиеся по мере движения человечества по пути постмодерна, указывают на черты и характеристики общественного развития, схожие с теми, о которых говорили основоположники научного социализма.

В рамках обозначенной предметной повестки изыскания политологов продолжаются².

Современные сторонники научного социализма говорят, что «ложность утверждения рыночных идеологов о том, что частная собственность является основой свободы и независимости личности, социального и духовного прогресса, особенно очевидна на примере интеллектуальной собственности. Наивно предполагать, что появление, скажем, “Войны и мира” Л. Толстого было обусловлено правом писателя на собственность его литературных произведений. Вообще, частная собственность не может быть источником прогресса уже в силу своей ограниченной природы. Источником развития, жизни мо-

¹ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1990. С. 59.

² Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. М.: Изд-во ИТРК, 2009. – 560 с.

жет быть целостность, а не часть. Недаром Ф. Энгельс высказал гениальное положение, что “части только у трупа”. В этом смысле частной собственности в природе не существует, поскольку частная собственность и человеческое развитие – вещи несовместимые. То, что называют частной собственностью, на самом деле является частным присвоением результатов общественного, коллективного труда»³.

Социализм с национальным лицом воплотился в его утопическом «издании». Его предтечей (если не считать идей и мифотворчества народа о правде и справедливости) стало революционное просветительство А.Н. Радищева (1749–1802 гг.). Проповедуя освобождение крестьян, он уповал на народный бунт. «О, если бы рабы, тяжкими узами отягчённые, яряся в отчаянии своём, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечные своих господ, и кровию нашей обогренивы свои», – говорилось в «Путешествии из Петербурга в Москву»⁴.

Естественное право (по Т. Гоббсу) в артикуляции А.Н. Радищева обрело авторское звучание. Революционный просветитель полагал, что земля принадлежит тем, кто её обрабатывает: «...В начале общества тот, кто ниву обработать может, тот на владение его имеет право, и обрабатывающий её пользуется ею исключительно. Но колико удалились мы от первоначального общественного положения относительно владения у нас тот, кто естественное имеет к тому право, не токмо от этого исключён совершенно, но работая ниву чужую, зрит пропитание своё зависящее от власти другого»⁵. Идеи Радищева, вдохновляющие будущих отечественных социалистов, заключались в истоках справедливости русской общины. «В России, – писал он, имея в виду крестьянский мир, – совершается то, чего искали в древности наилучшие законодатели, о чём новейшие не помышляют, от чего зависит та отменная любовь к своему жилищу российского земледельца»⁶.

Из декабристов вплотную к идеям социализма приблизился П.И. Пестель (1793–1826 гг.). Естественное равенство людей, в его представлении, есть залог того, что «члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели»⁷. Зачатки «крестьянского социализма» содержат его проект, предусматривавший передачу помещичьей земли землепашцам и деление земли на две равные части: «землю общественную», принадлежащую «обществу» и призванную сохранять присущий крестьянам «дух коллективизма», и «землю частную», которая может принадлежать отдельным лицам или государству.

³ Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. С. 507.

⁴ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Ленинградское газетно-журнальное издательство, 1949. С. 246.

⁵ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 315.

⁶ Там же. С. 312.

⁷ Пестель П.И. Русская Правда // URL: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml

Критическое направление утопического социализма связано с идеями П.Я. Чаадаева (1794–1856 гг.), который отрицательно относился к феодально-крепостническим порядкам и не принимал капитализм, апологетику равных возможностей и рыночного механизма *Laissez-faire*. Не признавая «новых аристократов» в лице буржуазии, он писал: «Если новые претенденты на место под солнцем и не совсем учтиво заставят старых владык потесниться, то все же они в этом только последуют образцу расправ, при помощи которых был водворён нынешний (капиталистический. – *Авт.*) порядок»⁸.

Критико-утопические идеи социализма П.Я. Чаадаева оказали влияние на творчество А.И. Герцена, В.Г. Белинского, М.А. Бакунина и И.Н. Сазонова. Принимая за социализм учения западных интеллектуалов и понимая их неадаптивность к российской действительности, П.Я. Чаадаев пришёл к парадоксальному утверждению: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что мы не правы»⁹. С другой стороны, он высмеивал славянофилов за представление, согласно которому «Россия олицетворяла собой некий отвлечённый принцип, заключающий в себе конечное решение социального вопроса»¹⁰. Полагая, что путь к будущему России лежит в общем направлении человеческой цивилизации, П.Я. Чаадаев в известном письме к Ф.В. Шеллингу (20 мая 1842 г.) писал: «Бывают минуты в жизни народов, когда всякое новое учение, каково бы оно ни было, явится облечённым чрезвычайной властью в силу чрезвычайного движения умов, характеризующего эти эпохи»¹¹.

Движение по пути прогресса он неизменно связывал с социализмом: «Скоро придёт человек, имеющий принести нам истину времени, – писал он Пушкину. – Быть может, на первых порах это будет нечто подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже»¹².

В целом идеи социализма на российской почве обретали консервативную окраску. Яркими представителями консервативного утопического социализма стали славянофилы. Антитеза славянофильства и западничества не касалась принципиальных вопросов общественного развития, но выражалась в противопоставлении идеи «Святой Руси» первых просветительно-рациональному взгляду вторых. Более адаптированные к российской почве настроения славянофилов вос-

⁸ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: В 2 томах. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1914. Т. 2. – 342 с.

⁹ Малинин В.А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х г. XIX в.) [учебное пособие для философских факультетов и отделений университетов]. М.: Высшая школа, 1977. С. 68.

¹⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. Т. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

принимались отечественной элитой значительно комплементарнее, нежели западнические.

Воспринимая идеи западноевропейского социализма чуждыми российской действительности, видный представитель славянофильства А.С. Хомяков (1804–1860 гг.) утверждал, что «все будущие попытки в роде устаревшего овенизма или нового социализма будут неудачны и ничтожны»¹³. В отличие от крестьянского общинного равенства «равенство, о котором мечтают социалисты, – по мнению И.С. Аксакова (1823–1886 гг.), – есть что-то вроде казарменного равенства и того, солдатского однообразия, за которым наблюдает начальство, а не живое, свободное равенство»¹⁴.

Солидаризируясь с критикой капитализма западноевропейских социалистов, славянофилы категорически отрицали «бездуховность» и «неверие» их идей. В западном рациональном мироустройстве, как считал И.С. Аксаков, «человек, со всеми своими нравственными запросами, приносится в жертву отвлечённому принципу и имеет значение только как рабочая сила, как часть благоустроенного механизма»¹⁵.

Краеугольным камнем утопического социализма славянофилов являлась община, составлявшая традиционный, выработанный мудростью народа механизм совершенного общежития. В силу своего внутреннего устройства община препятствовала возникновению эксплуатации и крупной капиталистической собственности. В развитии земского самоуправления и «общинного Мира» славянофилы видели единственно верный путь к социализму.

Противоречивость и интеллектуальный поиск основ «русского социализма» значительно все отразились в творчестве В.Г. Белинского (1811–1848 гг.). В его умозаключениях причудливо сочетались западноевропейские идеи эмансипации личности (вплоть до отрицания браков) с утопическими надеждами на устройство общества, «основанного на правде и доблести»¹⁶. Постигая идеи социализма, полагая в таковом будущее всего человечества, В.Г. Белинский задавался вопросом о соотношении этого универсума с национальными особенностями развития общества. «Итак, я теперь в новой крайности, – это идея социализма, – писал он В.П. Боткину, – которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Всё из неё, для неё и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. Действительность возникает на почве, а почва всякой действительности – об-

¹³ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. [Статьи и заметки разнородного содержания]: В 8 томах. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1911. Т. I. С. 150.

¹⁴ Цит. по: Малинин В.А. История русского утопического социализма. С. 83.

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ Белинский В.Г. Из писем В.П. Боткину. 1841 г. // Утопический социализм: Хрестоматия / общ. ред. А.И. Володина. М.: Политиздат, 1982. С. 347.

щество. Общее без особенного и индивидуального действительно только в чистом мышлении, а в живой, видимой действительности оно – мёртвая мечта»¹⁷.

Сомнения В.Г. Белинского по поводу единства пути к прогрессу тем не менее не помешали ему утверждать, что «солнце разума (которое продемонстрировал исторический путь Европы. – *Авт.*) взойдёт над человечеством, и никто из носящих имя человека не будет исключён из даров всем равно присущего духа человеческого»¹⁸. Даже тогда, когда развитие народа «совершается через заимствование, у другого, оно тем не менее совершается национально»¹⁹. В то же время единственно возможный путь развития России В.Г. Белинский видел во всемирном движении к цивилизации, а не в поиске самобытности. России нужны «не проповеди, – утверждал он, – не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства. Угнетённая нищая Россия не может являть “общее” для человечества и должна преодолеть невежество, старые закоренелые привычки и предрассудки, ложные начала, на которых опирается наше земледелие, неразвитость, или лучше сказать, почти несуществование той промышленности, которой потребителем должна б быть масса народа, затруднительность сообщений. Очевидно, что самое верное лекарство против такого зла должно состоять в успехах цивилизации и просвещения»²⁰.

Вместе с тем В.Г. Белинский не связывал победу человеческого разума и наступление эпохи «правды и доблести» с буржуазией, утверждая, что «её совесть – это её прибыль». В 1847 г., в год своего ухода из жизни, он писал, что «владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором»²¹. В то же время он не следовал за славянофилами в идеализации русской общины, а склонялся к революционным методам установления нового социального порядка.

Попытка подвести научное основание под идеи утопического социализма характерна взглядам В.А. Милютина (1826–1855 гг.). В отличие от славянофилов, идеализировавших патриархальную деревенскую общину, социалистические начала взглядов В.А. Милютина были выражены в вопросах земельной собственности. По его предположению, вся земля подлежала национализации и передаче в пользование крестьянским ассоциациям, которые предусматривали «очень широкие права на пользование землёй, но сам предмет собственности – земля – должна оставаться единой и неделимой»²². Как и В.Г. Белинский, В.А. Милютин

¹⁷ Белинский В.Г. Из писем В.П. Боткину. 1841 г. С. 348–349.

¹⁸ Там же. С. 353.

¹⁹ Там же. С. 367.

²⁰ Там же. С. 378.

²¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. XII. Письма 1841–1848. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 447.

²² Малинин В.А. История русского утопического социализма. С. 142.

видел на Западе не признаки загнивания, а «его зрелость, его свежесть, его силу»²³. Утопическими он считал и взгляды западноевропейских мыслителей, но при этом общее движение человечества по этому пути оценивал «как постепенное осуществление идеала»²⁴.

Революционное направление русского социализма представлено работами А.И. Герцена (1812–1870 гг.), Н.П. Огарёва (1813–1877 гг.) и Н.Г. Чернышевского (1828–1889 гг.).

«Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша как отрицание, как переход как противуположность, как отстаивание себя»²⁵, – писал А.И. Герцен в письмах из Франции и Италии. «Обыкновенно думают, – разъяснял он, – что социализм имеет исключительною целью разрешение вопроса о капитале, ренте и заработной плате, т. е. об уничтожении людоедства в его образованных формах. Это не совсем так. Экономические вопросы чрезвычайно важны, но они составляют одну сторону целого воззрения, стремящегося, наравне с уничтожением злоупотреблений собственности, уничтожить на тех же основаниях и всё монархическое, религиозное – в суде, в правительстве, во всём общественном устройстве и, всего более, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности»²⁶.

Принципы, на которых строилась буржуазная политэкономия А. Смита, А.И. Герцен считал антигуманными, которыми выхолащивался живой человек, а в западноевропейском социализме, по его мнению, отсутствовало возбуждающее массы национальное, религиозное и «поэтическое» содержание²⁷. Язвы, вскрытые капитализмом в Европе, России можно избежать, так как «сельский пролетариат – вещь невозможная»²⁸.

Социализм как утопия, не реализованная в европейской общественной практике, сталкиваясь в теоретических представлениях с реальностью, демонстрировала значительное несоответствие умозаключений и их воплощения, особенно в такой стране, как Россия. «Новое, возникающее из борьбы утопий и консерватизма, – писал А.И. Герцен, – входит в жизнь не так, как его ожидала та или другая сторона; оно является переработанным, иным, составленным из воспоминаний и надежд, из существующего и водворяемого, из преданий и возникновений, из верований и знаний, из отживших римлян и неживших германцев,

²³ Милютин В.А. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1946. С. 162.

²⁴ Малинин В.А. История русского утопического социализма. С. 145.

²⁵ Утопический социализм. Хрестоматия. С. 391.

²⁶ Там же. С. 391.

²⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 5. Письма из Франции и Италии, 1847–1852. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 238.

²⁸ Там же. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. С. 260.

соединяемых одной церковью, чуждой обоим. Идеалы, теоретические построения никогда не осуществляются так, как они носят в нашем уме»²⁹. Люди, мыслящие рационально, тем не менее не готовы верить в Бога, но верят в умозрительные построения мыслителей, не верят «в рай на небе», но готовы верить в «пришествие рая на земле»³⁰.

В противоположность мнению части русских эмигрантов об универсальности европейского пути развития А.И. Герцен прямо заявлял: «Я и не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны, пригвождены к Западной Европе»³¹.

Разделяя мнение А. Гакстгаузена о фундаментальной роли общины во внутреннем строе России, А.И. Герцен утверждал, что «сельская община – ещё не всё в России»³².

«Мне кажется, – писал он, – что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община; и более сильное, чем власть; это “нечто” трудно выразить словами, и ещё труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и который, на императорский приказ образоваться, ответил через сто лет громадным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь. Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддержала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели?.. Это-то нам и покажет время»³³.

Судьбу русского социализма, в видении А.И. Герцена, определяло артельное начало, живущее в народном этосе.

«Артель – лучшее доказательство того естественного, безотчётного сочувствия славян с социализмом»³⁴, – писал он.

Развивая эту мысль, Н.П. Огарёв в статье «Частные письма об общем вопросе» чётко заявлял, что в России имеется «историческое основание сельского строя», к которому должен примыкать «городской пролетариат, городское меньшинство»³⁵.

Убеждённым революционером-демократом, материалистом и социалистом являлся Н.Г. Чернышевский, о котором К. Маркс сказал, что он «представляет единственного действительно оригинального мыслителя».

²⁹ Утопический социализм. Хрестоматия. С. 397.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 398.

³² Там же. С. 399.

³³ Там же. С. 399–400.

³⁴ Там же. С. 403.

³⁵ Огарёв Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 томах. М.: Политиздат, 1952. Т. I. С. 715.

Как последовательный материалист, он связывал прогресс с производством благ вообще и промышленностью в частности: «Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен»³⁶. В конечном итоге прогресс, обеспеченный развитием экономики, приведёт человечество к победе «известных форм государственного устройства», к социализму³⁷.

Идеи Н.Г. Чернышевского были полностью освобождены от буржуазно-либеральных представлений. Буржуазия, по его мнению, использовала народ для завоевания собственных прав в борьбе с аристократией, но являлась последовательным противником социализма. Говоря о классической политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, Н.Г. Чернышевский считал, что она «заразилась социализмофобией и коммунизмофобией»³⁸.

Переходной формой к коммунизму, в котором Н.Г. Чернышевский видел «идеал более высокий, чем законы принципа социализма»³⁹, он считал «товарищество трудящихся». «Товарищество трудящихся» является более выгодной формой ведения экономики, чем хозяйство отдельного капиталиста. Члены товарищества заинтересованы в большей производительности труда, рабочий заинтересован в производстве, поскольку он уверен, что сотрудничество в труде обеспечивает и «участие трудящегося в продуктах труда». Социалистический смысл «товарищества трудящихся» заключается в том, что трудящиеся «трудятся для собственного потребления»⁴⁰.

Конструктивный потенциал русского социализма, таким образом, заключался в определении перспективы общественного развития, адаптированной к российским историко-культурным условиям.

Если русский социализм, по определению Н.А. Бердяева (1874–1948 гг.), абсолютизировал социальное равенство, то русский анархизм «верил в благость естественного автономизма и автономизма человека»⁴¹.

Отрицая любые социальные ограничения личности, анархисты тем не менее были также скованы классовым самосознанием, как и социалисты, препятствующим их возвышению до общечеловеческого. «В душевной основе анархизма лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дались и которые чувствуются чужими. Идеология анар-

³⁶ Малинин В.А. История русского утопического социализма. С. 196.

³⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 томах. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 5. С. 395.

³⁸ Там же. Т. 9. С. 349.

³⁹ Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения: В 3 томах / под ред. Н.Д. Удалцова. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 2. С. 170.

⁴⁰ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 609.

⁴¹ Бердяев Н. Философия неравенства. Письмо десятое. Об анархизме // URL: <https://www.livelib.ru/book/82753/read-filosofiya-neravenstva-nikolaj-berdyayev/~10?ysclid=ml6ephajqw42065952>

хизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии. Анархическая страсть к разрушению рождается из чувства ненависти и мести. Анархист в человеческом обществе, в человеческой культуре ничего не чувствует своим, близким, своей собственностью, всё представляется ему чужим, давящим и ненавистным. Государство для анархиста – не его государство, а чуждое, давящее и ненавистное. И что признает анархист своей собственностью? Ничто. Он не имеет не только материальной собственности (иногда он может и иметь её), но, прежде всего, не имеет духовной собственности, он чувствует себя обездоленным и от этого накапливает разрушительную злобу в сердце своём»⁴².

Анархизм, проповедуя полный атомизм социума, оставляет человека вне общностей: наций, государства, а в духовном мире – вне Бога. «На дне анархизма всегда можно найти раскованную личность, утратившую свой образ, свой духовный центр»⁴³.

Искать «русский след» в философских воззрениях М.А. Бакунина бесполезно. Сам он в письме Н.П. Огарёву заявлял: «Ты только русский, а я интернационалий»⁴⁴.

В своих суждениях о России он не избегал злых и жёстких высказываний о патриархальности, неподвижности русского быта, лжи, алчном лицемерии и холопском рабстве в семье и обществе. Многие современники из революционного окружения ставили интернационализм ему в заслугу.

Непосредственно участвовавший в европейских событиях второй половины XIX в., когда её устои сотрясали революции (особенно события Парижской коммуны 1871 г.), М.А. Бакунин оценивал институт государства вообще, независимо от формы правления и национальной принадлежности, реакционным, ориентированным на угнетение народа.

«В настоящее время, – писал он, – серьёзное, сильное государство может иметь только одно прочное основание – военную и бюрократическую централизацию. Между монархией и самой демократической республикой существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной»⁴⁵.

Государство в любом виде в любой форме, по его мнению, является господством «посредством насилия». Понимая гнёт государств единым

⁴² Бердяев Н. Философия неравенства, Письмо десятое. Об анархизме.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 313–314.

для всех народов злом, М.А. Бакунин выступал против продвигаемой политики объединения славянских народов, которая сама по себе в случае реализации означала бы солидарность славянских государств против других народов.

«Славяне могут освободить себя, могут разрушить ненавистное им немецкое государство не тщетными стремлениями подчинить, в свою очередь, немцев своему преобладанию, сделать их рабами своего славянского государства, а только призывом их к общей свободе и к общему человеческому братству на развалинах всех существующих государств. Но государства сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная, интернациональная Социальная Революция»⁴⁶.

М.А. Бакунин верил, что «дни государств и государственности сочтены и что приближаются времена полного освобождения чернорабочих масс и их вольной общественной организации снизу вверх, без всякого правительственного вмешательства из вольных экономических, народных союзов, помимо всех старых государственных границ и всех национальных различий, на одном основании производительного труда, совершенно очеловеченного и вполне солидарного при всем своём разнообразии»⁴⁷. Уничтожение «всех классов посредством экономического уравнивания» неизбежно приведёт к отмиранию государства, которое должно осуществиться через всеобщую Социальную революцию и «Интернациональную ассоциацию рабочих»⁴⁸.

Мировоззренческую основу анархизма другой выдающийся русский анархист П.А. Кропоткин (1842–1921 гг.) видел в освобождении «от понятий, внушённых (человеческому уму. – *Авт.*) меньшинством, стремящимся упрочить своё господство»⁴⁹.

Анархизм стремится к порядку, позволяющему всему обществу пользоваться благами, созданными поколениями живущих, «не создавая вновь господствующего меньшинства»⁵⁰. Господство меньшинства в виде института государства следует заменить «наибольшим развитием добровольных союзов – во всех их формах, во всевозможных степенях, со всевозможными целями – союзов, постоянно видоизменяющихся, носящих в самих себе элементы своей продолжительности и принимающих в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех. Это общество отвергает всякую предустановленную форму, окаменевшую под видом закона; оно ищет гармонию в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой воз-

⁴⁶ Бакунин М.А. *Философия. Социология. Политика*. С. 338.

⁴⁷ Там же. С. 338.

⁴⁸ Там же. С. 342.

⁴⁹ Кропоткин П.А. *Анархия, её философия, её идеал*. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2024. С. 108.

⁵⁰ Там же. С. 109.

возможности свободно проявляться и взаимно уравниваться, и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять свою энергию в этом направлении»⁵¹.

Конструктивным вкладом в отечественную философскую мысль, не утратившим актуальность, стала концепция П.А. Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции социальной организации. Его теоретические взгляды на активизирующееся сотрудничество, с целью выполнения индивидуального достояния в решении жизненно важных проблем остаются востребованными в построении солидарной экономики. «Во всех этих случаях (взаимопомощи. – *Авт.*) главную роль играет чувство несравненно более широкое, чем любовь или личная симпатия, – писал он, – здесь выступает инстинкт общительности, который медленно развивался среди животных и людей в течение чрезвычайно долгого периода эволюции, с самых ранних её стадий, и который научил в равной степени животных и людей сознавать ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, и осознавать удовольствия, которые можно найти в общественной жизни.

Важность этого различия будет легко оценена всяким, кто изучает психологию животных, а тем более – людскую этику. Любовь, симпатия и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество, в человечестве, зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном, – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам»⁵².

В таком контексте идеи М.А. Кропоткина были созвучны взглядам русских социалистов и славянофилов, видевших в общинной солидарности перспективу общественного развития.

Если «русское» содержание социализма проявилось в поиске коллективизма и силы «народного духа», то русское наполнение анархизма вылилось в религиозный нигилизм Л.Н. Толстого (1828–1910 гг.). Его взгляд на реформирование официального православия, по сути, сводился к его рационализации по европейскому образцу, «религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»⁵³.

⁵¹ Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. С. 109–110.

⁵² Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование», [2011]. – 251 с.

⁵³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах. М.: Художественная литература, 1937. Т. 47. С. 37.

Нравственные постулаты «спущенной на землю» религии Л.Н. Толстого, лишённые «сверхъестественного» и основанные на нравственной проповеди Христа, были «записаны ещё и в сердце каждого человека как несомненные и радостные истоны»⁵⁴.

Отрицание Л.Н. Толстым официальной церкви исходило из убеждения о её социальной роли как вспомогательного государству института, препятствующего эмансипации «духовного совершенствования личности, стремящейся к “высшему, что есть в нас” – Богу»⁵⁵. Официальную, не освободившуюся от церковных нагромождений религию Л.Н. Толстой считал суеверной «верой в ложь»⁵⁶. Признание Христа Богом рассматривалось им как «страшное кощунство»⁵⁷. Самое важное и нравственно ценное в учении Христа в результате мифологизации оказалось закрытым в «хламе легенд». Веру в Бога писатель пытался подменить рациональным умственным постижением Вечного. «Не могу доказать себе существование Бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его»⁵⁸.

Безуспешная попытка постижения Бога разумом привела Л.Н. Толстого к подмене религии нравственным совершенством личности. «Я, – пишет о себе Толстой, – думал идти к Богу, а залез в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, которых я боюсь больше всего: отвращения, злобы и негодования»⁵⁹.

Религиозный анархизм Л.Н. Толстого, вопреки его чаяниям, не открывал дорогу к духовному совершенствованию человека, но, лишив последнего веры в Истину, напротив, «заземлял» все людские устремления.

«В основе религиозного анархизма, – писал Н.А. Бердяев, – можно открыть атрофию чувства личности. У толстовцев, духоборов и других религиозных анархистов личность задавлена. В совершенной безличности видят они выполнение божественного закона жизни, все хотят привести к совершенному тождеству и безразличию. Индивидуальный образ готов признать грехом религиозный анархист»⁶⁰.

Таким образом, в условиях абсолютизма и безусловного приоритета интересов государства и централизованной организации, жёсткой системы подчинения всего населения державным интересам, подкреплённой крепостническими устоями и круговой порукой всех без исключения, в выполнении обязательств перед политической властью

⁵⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 90. С. 87.

⁵⁵ Там же. Т. 57. С. 109.

⁵⁶ Там же. Т. 78. С. 258.

⁵⁷ Там же. Т. 58. С. 115.

⁵⁸ Там же. Т. 46. С. 167.

⁵⁹ Там же. Т. 23. С. 294.

⁶⁰ Бердяев Н. Философия неравенства. Письмо десятое. Об анархизме.

процесс классообразования и консолидации социальных интересов не мог быть логически завершён.

Социальная недифференцированность являлась причиной национально обусловленного характера классических идеологий. Одной из черт их культурного контекста стало сочетание идей, традиционно для Запада несовместимых, например, либерализма и национализма, либерализма и консерватизма. Именно в качестве своего рода гибридов появились идеологемы просвещённого консерватизма, либерального национализма, умеренного либерализма и др.

Другой чертой национальной обусловленности идеологического пространства явились необычные коннотации, смыслы и логические повороты классических идеологических установок.

Так, например, учитывая национальные особенности историко-культурного процесса, многие отечественные либералы выступали за сохранение сильного самодержавного строя, а социалисты – за построение нового социального порядка (коммунизма) на основе крестьянской общины, минуя капитализм, а русский национализм выходил за рамки «русскости».

Одним словом, классические идеологии в преломлении национального общественно-политического процесса могут рассматриваться и оцениваться только с учётом ориентированности на особенные условия их развития и воплощения.

Библиография

- Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – 621 с.
- Белинский В.Г. Из писем В.П. Боткину. 1841 г. // Утопический социализм: Хрестоматия / общ. ред. А.И. Володина. М.: Политиздат, 1982. – 512 с.
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. XII. Письма 1841–1848. М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 596 с.
- Бердяев Н. Философия неравенства. Письмо десятое. Об анархизме // URL: <https://www.livelib.ru/book/82753/read-filosofiya-neravenstva-nikolaj-berdyayev/~10?ysclid=ml6ephajqw42065952>
- Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1990. – 494 с.
- Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2024. – 475 с.
- Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование», [2011]. – 251 с.
- Малинин В.А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х г. XIX в.) [учебное пособие для философских факультетов и отделений университетов]. М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
- Милютин В.А. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1946. – 444 с.

- Огарёв Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 томах. М.: Политиздат, 1952. Т. I. – 869 с.
- Пестель П.И. Русская Правда // URL: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml
- Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. – 501 с.
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Ленинградское газетно-журнальное издательство, 1949. – 256 с.
- Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. М.: Изд-во ИТРК, 2009. – 560 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах. М.: Художественная литература, 1937.
- Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. [Статьи и заметки разнородного содержания]: В 8 томах. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1911. Т. I. – 404 с.
- Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: В 2 томах. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1914. Т. 2. – 342 с.
- Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения: В 3 томах / под ред. Н.Д. Удальцова. М.: Госполитиздат, 1948.
- Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 томах. М.: Гослитиздат, 1939.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 22 апреля 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

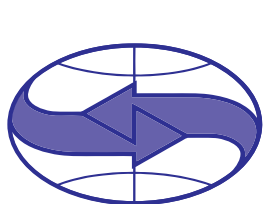
5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)

OBOZREBATEL' OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political sciences

The Future of NATO in a Multipolar World

Strategic Adaptation and the Rethinking of the Euro-Atlantic Security Architecture

6

V. Shtol

The article analyzes the prospects of NATO amid a multipolar world and a legitimacy crisis caused by the geographical and functional expansion of the alliance. It examines NATO's internal contradictions and possible scenarios for the bloc's adaptation to a new security architecture that requires inclusive dialogue and consideration of the interests of all major powers, including the Russian Federation.

About the author: SHTOL Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: NATO, multipolarity, strategic stability, legitimacy crisis, Arctic, Greenland, collective security.

A “newtype” world order

China's foreign policy initiatives amid the crisis of Western hegemony

13

M. Kotlov

The article examines the views of the People's Republic of China on the formation of a new world order amid the crisis of the international relations system and the transition to a polycentric configuration of world

politics. The PRC's approach combines anti-hegemonic rhetoric, an appeal to the central role of the UN, an emphasis on the sovereign equality of states, the promotion of a development model for Global South countries, and the gradual expansion of its own security beyond national borders. Beijing does not yet offer a complete model of world order, but rather formulates a set of interrelated initiatives capable of transforming the People's Republic of China into one of the centers of attraction in a polycentric world.

About the author: KOTLOV Mikhail V. – Postgraduate student of the Department of World Political Processes at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation.

Key words: China, polycentricity, multipolarity, Global South, Global Security Initiative.

The worst deal in history: NATO on the break of Euro-Atlanticism 28

N. Pastukh

The most striking event of the NATO summit in Ankara (July 7–8 of this year) was the speech by U.S. President D. Trump, who called NATO the worst deal in history. Against the backdrop of the conflict with Iran, the question of burden-sharing was compounded by criticism of several countries' refusal to assist the U.S.-Israeli coalition. At a time when the inviolability of the alliance has been called into question, 2026 could prove to be a turning point for Europe's collective security. Forecasting the path that Europe will take requires taking into account the threats to the Union State of Belarus and Russia, which operate with continental European interests in mind, as well as integration within the post-Soviet space.

About the author: PASTUKH Nikolai I. – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Research Department (Fundamentals of Management) at the Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Colonel of Justice.

Key words: NATO, EU, Fulton Speech, Cold War, gentlemen's agreement, cooperation.

Changes in U.S. military policy under President D. Trump 28

D. Kaverin

The article examines the main changes in the U.S. military policy under the Trump administration. The author analyzes the formalization of Donald Trump's military policy at the level of the key strategic planning documents (the National Security Strategy and the National Defense Strategy).

About the author: KAVERIN Dmitry Yu. – postgraduate student at the Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: USA, President D. Trump, military policy, security.

Cyberterrorism – a Destabilizing Factor and Threat to National Security

42

I. Sviridov

The article is devoted to a comprehensive analysis of cyberterrorism as a systemic destabilizing factor in international relations and a threat to national security amid geopolitical polarization. The author examines the evolution of the concept of cyberterrorism, its main forms and targets of attack, as well as the transformation of motivation from ideological to geopolitical. Special attention is paid to the international legal aspects of countering cyberterrorism.

About the author: SVIRIDOV Igor V. – Deputy Director of the Federal State Budgetary Institution «Research and Development Institute 'Integral'» (Ministry of Digital Development).

Key words: cybercrime, cyberterrorism, hybrid warfare, digital sovereignty, national security.

The image of migrants in telegram discourse

58

O. Savina

The article shows how the image of migrants is shaped through criminal, socio-economic, cultural, and political frames. Particular attention is paid to hate speech as a mechanism that reinforces these frames, transfers evaluation from an individual to the group as a whole, and contributes to affective polarization. The article concludes that migration-related Telegram discourse is important for understanding the political consequences of discussing migration in the digital environment.

About the author: SAVINA Olga V. – Research Fellow of the Center for Migration Studies at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

Key words: hate speech, migration, telegram discourse, enemy image.

Transformation of Russian Economy's International Relations in sanctions conditions

71

Y. Levin

The article analyzes the vectors of transformation of international economic ties of Russia amid escalating sanctions. It examines issues arising from the restructuring of external logistics, technology, energy, financial,

and investment chains, as well as the formation of a new model of international scientific and technical partnership against the backdrop of growing geo-economic fragmentation.

About the author: LEVIN Yuri A. – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of National Economy and Economic Regulation at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation.

Key words: international supply chains, foreign trade turnover, sanctions, economic fragmentation.

International legal sciences

Financing of terrorist and other unlawful activities. Legal characteristics

Part 3. International Cooperation in the Sphere of Countering the Financing of Terrorism and Other Unlawful Activities

80

V. Merkuriev, O. Bobrova

The article analyzes issues of protecting the foundations of statehood and its sovereignty in the context of financing terrorism and other unlawful activities in accordance with national legislation.

Part 3 examines international cooperation in countering the financing of terrorism and other unlawful activities.

About the author: MERKURYEV Victor V. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the field of federal security, interethnic relations and countering extremism Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Adviser of Justice.

BOBROVA Olga V. – Candidate of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Adviser to Justice.

Key words: Constitution of the Russian Federation, federal legislation, terrorism, extremism, interfaith and interethnic conflicts, Criminal Code of the Russian Federation, currency.

Scientific life

The Russian Dimension of Classical Ideologies

Part 2. Russian Utopian Socialism and Utopianism with a «Russian Face»

139

V. Egorov, O. Zozulya

The article is devoted to the historical and cultural context of the content and, in part, the practical implementation of classical ideologies in Russia.

Their nontrivial transformation on domestic soil gave rise to unique and contradictory hybrids in Russia: conservative liberalism, enlightened conservatism, Russian socialism, etc.

Part 2 examines Russian utopian socialism and utopianism with a «Russian face.»

About the author: EGOROV Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Plekhanov Russian University of Economics, Professor at the Bauman Moscow State Technical University.

ZOZULYA Olga A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Bauman Moscow State Technical University.

Key words: classical ideologies, conservatism, liberalism, nationalism, socialism, anarchism.

Requirements for materials,

submitted to the editorial board

“Обозреватель–Observer”,

are published on the site:

<http://observer.i-sng.ru>

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительными документами по электронной почте: **observer-rau@yandex.ru**.

Объём структурированного (с подзаголовками) текста статьи 20–25 тыс. знаков с пробелами (шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал 1,5).

Ссылки на источники приводятся постранично, даются арабскими цифрами со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке с указанием выходных данных (для монографий указывается место издания, издательство, год издания, общее количество страниц, для статьи страницы, на которых она напечатана) и располагаются без нумерации. **К источникам на иностранных языках такие же требования, как и на русском.**

В статье необходимо указать индекс УДК, дать аннотацию (300–500 знаков), ключевые слова и сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, учёная степень, другие звания, место работы, должность, SPIN-код, E-mail и контактные телефоны).

Наименование статьи и информация об авторе даётся на русском и английском языках.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами. Таблицы выполняются по ГОСТ Р 2.105–2019

Сопроводительная документация:

1. Выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, с рекомендацией статьи к публикации. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Отзыв специалиста (заполняется в одном файле на бланке рецензии) – доктора наук на статью представляется в виде текстового документа в формате MS Word, а также в виде скан-копии заверенного отзыва с печатью и списком трудов рецензента (3–5 работ).

3. К статье прилагается справка о проверке на антиплагиат.

Редакция рассматривает статью только при поступлении всех материалов в комплекте.

Требования к материалам опубликованы на сайте журнала:

<https://observer-journal.ru>

<http://observer.i-sng.ru>

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2027 год
на научно-аналитический журнал
«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **https://delpress.ru/catalog/**
тел.: +7-499-391-57-36

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
А.А. Горбунов

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **+7 (495) 951-22-25.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Сайт журнала: **https://observer-journal.ru; http://observer.i-sng.ru**

Подписано в печать: 05.10.2026. Выход в свет: 19.10.2026.

Формат 70×100 1/16. Печ. л. 10.89. Печать офсетная. Заказ № 14/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.